

UDK

Изворен научен труд

Владимир Д. КЛИМОНОВ

Университет им. Гумбольдта, Берлин

klimonow@web.de

УТРАТА МОРФОЛОГИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ ИТЕРАТИВНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Утрата морфологических маркеров итеративности в русском языке исследуется в рамках теории естественной грамматики. Согласно этой теории грамматические изменения в морфологических системах естественных языков детерминируются ограниченным числом принципов маркированности (или принципов естественности, или принципов преферентности). Эти типологически релевантные принципы считаются законами грамматических изменений. Они определяют направленность морфологических изменений. Эти принципы объясняют засвидетельствованное историческое развитие грамматических изменений в видовой системе русского языка и в сфере взаимодействия аспектуальности и итеративности.

Ключевые слова: естественная грамматика, принципы маркированности, законы преференции, видовые парадигмы, итеративные глаголы

1. Введение: предмет и теоретические основы исследования

В древнерусском языке старшего периода сосуществовали три тесно связанные между собой аспектуальные оппозиции, а именно старые индоевропейские аспекты (имперфективный (или имперфектный), перфективный (или аористный) и перфектный), старая славянская оппозиция неитеративности / итеративности и новые славянские виды (оппозиция совершенного и несовершенного видов). Развитие этих трех аспектуальных оппозиций протекает в направлении сохранения новых славянских видов как центральных структурных характеристик русской аспектуальной системы и устранения старых индоевропейских аспектов и старой славянской оппозиции неитеративности / итеративности как конкурирующих структурных единиц. Такое направление развития определяется действием принципа типологического единства и систематики морфологических систем, сформулированным в рамках теории естественной грамматики (см. Wurzel 1984: 174-175). В настоящей работе я анализирую вытеснение оппозиции неитеративности / итеративности новыми славянскими видами. Утрату старых индоевропейских

аспектов, функционирующих в тесном взаимодействии с категорией времени в составе видо-временных форм прошедшего времени, я рассматриваю отдельно (см. Klimonow 2004: 193-204).

Старая славянская оппозиция неитеративности / итеративности ([-ИТЕР] / [+ИТЕР]) обнаруживается у простых (бесприставочных) глаголов. В качестве формальных показателей итеративности выступали продуктивные суффиксы *-а-* и *-я-* (*пълзти - пълзати, сѣти - сѣяти*) и непродуктивный суффикс *-ва-* вместе с производными от него суффиксами *-ава-*, *-ова-*, *-ева-*, ср. *бити - бивати, дѣлати - дѣловати*. Для выражения итеративности использовались также чередования в основе, ср. *нести - носити, лѣзти - лазати, летѣти - лѣтати, лобѣзати-лобызати*. От итеративных образований типа *ходити, ѣздити, носити* могли быть образованы вторичные итеративы с продуктивным тогда суффиксом *-а-*: *хаждати, ѣзжати, нашати*.

Наиболее древние модели вторичной имперфективации, ренрезентирующие новые славянские виды, были заимствованы из древнецерковнославянского языка и обнаруживают те же самые экспоненты аспектуальности, что и категория итеративности, а именно продуктивные суффиксы *-а-* и *-я-* типа *отпасти* (< **отпади*) - *отпадати, обѣлити - обѣляти* и непродуктивный суффикс *-ва-* с его дериватами (*-ава-*, *-ова-*, *-ева-*) типа *сѣвити - сѣвивати, показати - показавати, привязати - привязовати, воздержати - воздержевати*.

Такое совпадение формальных показателей в оппозиции неитеративности / итеративности ([-ИТЕР] / [+ИТЕР]) и в оппозиции совершенного вида (СВ) / несовершенного вида (НСВ) вполне объяснимо, если исходить из допущения, что видовая оппозиция возникла на базе оппозиции неитеративности / итеративности. Ю.С. Маслов (1984: 108-109) возводит оппозицию СВ / НСВ к более старой корреляции детерминативного (т.е. определенного) действия ([+ДЕТ]) и индетерминативного (т.е. неопределенного) действия ([-ДЕТ]). Корреляция [+ДЕТ] / [-ДЕТ] является разновидностью оппозиции [-ИТЕР] / [+ИТЕР], относящейся к противопоставлению определенных (т.е. однонаправленных) и неопределенных (т.е. разнонаправленных) глаголов движения типа *пълзти - пълзати* (см Маслов 1984: 105). В исходной оппозиции предельных (или атерминативных) глаголов типа *пълзти - пълзати* детерминативное, т.е. однократное актуально-длительное действие со значением однонаправленного движения противопоставлялось индетерминативному, т.е. многократному неактуально-длительному действию со значением разнонаправленного перемещения. В производной оппозиции предельных (или терминативных) глаголов типа *въпълзти - въпълзати* противопоставление [+ДЕТ] / [-ДЕТ] первоначально сохраняется. В ходе исторического развития за формой с суффиксом *-а-* типа *въпълзати*, обозначающей индетерминативное, т.е. многократное действие, закрепляется и новое конкретно-процессное значение протекающего разового действия, свойственное первоначально форме типа *въпълзти*. Форма типа *въпълзати*, объединяющая старое значение итеративного действия и новое значение неитеративного актуально-длительного действия, начинает функционировать как форма НСВ. По контрасту с ней форма типа *въпълзти*, утратившая

старое конкретно-процессное значение однократного действия, приобретает значение СВ. Новое содержание, передаваемое оппозицией терминативных глаголов типа *въпылзти – въпылзати*, определяется теперь как противопоставление действия, достигшего своего предела, обозначенного приставкой *въ-*, и действия, не достигшего своего предела, т.е. значения, свойственное соответственно формам СВ и НСВ.

Развитие категории итеративности тесно связано с эволюцией категории вида в русском языке. Виды оказывают решающее влияние на судьбы категории итеративности. Изменения в формальной манифестации итеративности рассматриваются поэтому на фоне преобразований в видовой системе русского глагола. Механизмы перестройки этих двух категорий анализируются под углом зрения теории естественного грамматического развития (ср., например, Dressler et al. 1987, Dressler 2003, Wurzel 1994, 1998, 2001). Согласно этой теории грамматические изменения в языковой системе определяются общими тенденциями развития, регулируемые действием принципов маркированности (= принципов естественности = законов пререферентности). Важное место в ряду таких принципов занимает принцип естественного грамматического развития (см. Wurzel 1994: 28-32). В соответствии с этим принципом грамматические изменения в языковой системе протекают в направлении устранения маркированных фрагментов языковой системы посредством замены маркированных (т.е. более сложных) элементов языковой системы немаркированными (т.е. менее сложными) элементами. В.У. Вурцель (Wurzel 1998: 62-65) определяет маркированность как нагрузку языковой способности носителя языка, обусловленную артикуляторно-перцептивной, семиотической и когнитивной сложностью соответствующих языковых единиц. Морфологическая маркированность базируется на семиотической сложности, т.е. на характере взаимного соответствия семантических и формальных элементов внутри слова как максимального морфологического знака. Маркированность видовых парадигм в настоящей работе понимается мною в семиотическом ракурсе как проекция отношений маркированности концептуально-семантического уровня на отношения маркированности фонеморфологического (или формального) уровня. В соответствии с этим выделяются иконические (максимально и минимально иконические), неиконические и контраиконические парадигмы (см. Климонов 2000: 279-284). Такая направленность исследований сближает естественную грамматику с когнитивной лингвистикой. В когнитивной лингвистике грамматические структуры рассматриваются в соотнесении с концептуальными структурами как их когнитивными аналогами (см., например, Кубрякова 2004: 13, 16; Климонов 2005: 22-24). Концепция маркированности в естественной грамматике позволяет представить языковые явления в их системной связи и дает объяснение закономерностям развития грамматической системы языка.

2. Видовая дифференциация древнерусского глагола

Видовая система древнерусского языка старшего периода обнаруживает определенные особенности, которые указывают на ее промежуточное положение между безвидовой глагольной системой раннего общеславянского языка и

грамматикализованной видовой системой современного русского языка (см. Vermeel 1995: 345). Становление новых славянских видов началось еще в общеславянскую эпоху, и ко времени появления засвидетельствованных исторических памятников славянской письменности видовая система в основных своих чертах уже сложилась. В старых древнерусских письменных источниках основная масса глаголов имеет видовое значение НСВ или СВ. Однако довольно значительное число глаголов было нейтрально в отношении вида. Такие глаголы могли употребляться как в значении НСВ, так и в значении СВ. Они являются реликтами той ранней стадии развития общеславянского языка, на которой еще не существовало видовых различий.

Непредельные (атерминативные) бесприставочные глаголы типа *идти, ѡхати, нести, видѣти, слышати, судити, грѣшити*, которые в современном русском языке выступают как глаголы НСВ, в древнерусском языке обнаруживают двойную видовую интерпретацию, ср. значение НСВ (и соответственно значение настоящего времени) у глагола *ѡхати* в примере (1) и значение СВ (и соответственно значение будущего времени) у того же самого глагола в примере (2).

- (1) *Игорь ѡдетъ по Боричеву* (Слово полку Игоревѣ: XII в.)
 (2) *Не шли отрока ѡду [= приеду] самъ и две гривны везу [= привезу]*
 (Берестяная грамота XIII в. из Старой Руссы)

Предельные (терминативные) бесприставочные глаголы типа *дати, купити, пасти, лишити, сѣсти, лечи*, которые в современном русском языке получили значение СВ, в древнерусском языке могли употребляться как в значении СВ (пример (3)) так и в значении НСВ (пример (4)).

- (3) *ученицы бо его ошьли бѡаху въ градъ, да брашьно **купять***
 (Остромирово Евангелие 1056-1057)
 (4) *почахомъ **купити** хлебъ* (Новгородская (первая) летопись по синодальному списку XIII-XIV вв.)

Некоторые из приведенных глаголов сохраняют нейтральное в отношении вида значение вплоть до нового времени. Так П.С. Кузнецов (1953: 245-246) отмечает употребление глагола *пасти* в значении НСВ в русском языке вплоть до середины XIX в. Такие примеры найдены им даже у А.С. Пушкина.

Префиксальные глаголы типа *вътечи* или *потечи* были в древнерусском языке еще нейтральны в отношении вида и могли употребляться в значении НСВ и соответственно обозначать настоящее время, см. примеры (5) и (6):

- (5) *А Днѣпръ **втечетъ** в Понтъское море*
 (Лаврентьевская летопись 1377 г.)
 (6) *Днѣпръ бо **потечетъ** из Оковьскаго лѣса*
 (Лаврентьевская летопись 1377 г.)

Приставочная глагольная форма настоящего времени *потечеть* в примере (6) из Лаврентьевской летописи замещается бесприставочной формой

настоящего времени *течь* в примере (7) в более поздней Ипатьевской летописи:

- (7) *Днѣпръ бо **течь** из Вол(о)ковьскаг(о) лѣса*
(Ипатьевская летопись около 1425 г.)

Приставки у глаголов такого типа выступают в древнерусском языке как показатель предельности, но еще не как маркер перфективности (см. Караванов 1992: 106-107).

Видовая система раннего древнерусского языка находилась еще в стадии своего становления. Старые парадигмы имперфективации еще окончательно не сформировались. Место перфективного члена в парадигмах имперфективации нередко занимает глагол с нейтральным видовым значением, ср., например, *купити* (СВ / НСВ) - *куповати, написати* (СВ / НСВ) - *написовати*. Широко представлены в этот период видовые парадигмы с несколькими имперфективными членами, ср. *подати* - *подаяти* / *подавати, расхытити* - *расхытати* / *расхищати, показати* (СВ / НСВ)-*показавати* / *показовати*.

3. Инновации в видовой системе русского глагола

Старые, праславянские по происхождению суффиксы *-а* и *-я*, заимствованные из древнецерковнославянского языка, которые выражали как итеративное, так и имперфективное значения, в процессе исторического развития постепенно утрачивают свою продуктивность. В начале XII в. возникает новый исконно русский суффикс имперфективации *-ыва-* / *-ива* как результат переразложения основ, ср. *умы-ва-ти* > *ум-ыва-ти*. Употребление этого суффикса первоначально было весьма ограниченным по сравнению с продуктивными суффиксами *-а* и *-я*. Число имперфективных образований с этим суффиксом однако быстро увеличивается, и уже с середины XIII в. этот суффикс становится продуктивным. Он выступает вместе с другими суффиксами имперфективации, благодаря чему увеличивается число конкурирующих друг с другом имперфективных образований в парадигмах имперфективации, ср. *приставити* - *приставляти* / *приставлявати, запати* - *запасати* / *запасывати, съдѣлати* - *съдѣловати* / *съдѣлывати, съкупити* - *съкупляти* / *съкупливати, отягъчити* - *отягъчати* / *отягъчавати* / *отягъчевати* / *отягъчивати*. Такие имперфективы употребляются в древнерусском языке XII-XIV вв. параллельно и без всяких различий в значении. И в последующий среднерусский период (XV-XVII вв.) в языке наличествует большое количество имперфективов с параллельными суффиксами имперфективации *-а* / *-я* и *-ыва-* / *-ива-*, ср. *исправляти* / *исправливати, угрожати* / *уграживати, укладати* / *укладывати, утаяти* / *утаивати*. В новое время (начиная с XVIII в.) в связи с унификацией видовых парадигм, т.е. преобразованием многочисленных видовых парадигм в двучленные (см. раздел 5) выбирается один из этих суффиксов, а именно *-ыва-* / *-ива-*, ср. *укладывати, утаивати* или *-а* / *-я*, ср. , *исправляти, угрожати*. Предпочтение отдается в большинстве случаев суффиксу *-ыва-* / *-ива-*. В современном русском языке осталось сравнительно немного глаголов с

параллельными имперфективами типа *выскребать / выскребывать, заготовлять / заготовливать, одарять / одаривать*.

4. Экспансия маркера имперфективации *-ыва-/-ива-* на итеративные образования

В течении всего древнерусского периода суффикс *-ыва-/-ива-* выступает исключительно у приставочных глаголов как средство вторичной имперфективации (см. Силина 1982: 271). П.С. Кузнецов (1959, 189) отмечает, в частности, что в древнейших памятниках русского языка (например в Лаврентьевской летописи) совсем нет производных образований с этим суффиксом от простых (бесприставочных) глаголов. Только к началу среднерусского периода (в XV в.) возникают образования с суффиксом *-ыва-/-ива-* от простых глаголов НСВ. По аналогии с вторичными имперфективами типа *сѣдѣловати / сѣдѣлывати* образуются итеративы типа *дѣловати / дѣлывати*. Начиная с XVI в. такие итеративные образования становятся продуктивными. Возникают даже итеративные образования от производных бесприставочных и приставочных глаголов типа: *давывати* (< *давати* < *дати*), *отдавывати* (< *отдавати* < *отдати*). Старая оппозиция неитеративности / итеративности типа *сѣти - сѣяти* замещается новой оппозицией типа *сѣяти - сѣывати*. В этой последней корреляции неитеративности / итеративности старый итератив *сѣяти* уже утратил свое первоначальное итеративное значение и интерпретируется как неитеративный противочлен к новому итеративу типа *сѣывати*. Место вторичных итеративов с суффиксом *-а-/-я-* типа *нашати, хаждати, ѣзжати* занимают теперь вторичные итеративы с суффиксом *-ыва-/-ива-* типа *ношивати, хаживати, ѣзживати*.

На базе таких итеративных образований возникает новая форма давнопрошедшего времени, обозначающая действия, не раз повторяющиеся в отдаленном прошлом (так называемое прошедшее давнего обыкновения). Значение давнопрошедшего времени обнаруживается уже в памятниках XVI и XVII вв., но особенно распространенным оно становится в XVIII в. и в первой половине XIX в. В «Российской грамматике» М. В. Ломоносова (1755) и в академической «Российской грамматике» 1802 г. (2-е изд. 1809 г.) за давнопрошедшим временем закрепляется статус основной формы прошедших времен (см. Виноградов 1972: 431). Примеры (8) – (12) из классической русской литературы XIX в. иллюстрируют хабитуальные (или узуальные) действия в отдаленном прошлом.

- (8) *Здесь в необыкновенно жаркие дни, и то раз в год, и то в прежние времена, пивали чай* (И.С. Тургенев).
- (9) *Старушка ей: „ А вот камин; Здесь барин **сиживал** один. Здесь с ним **обедывал** зимою Покойный Ленский, наш сосед...”* (А. С. Пушкин).
- (10) *И Наташа тем быстрым бегом, которым она **бегивала** в горелки, побежала по зале, в переднюю* (Л.Н. Толстой).
- (11) ***Бывало, писывала** кровью Она в альбомы нежных дев...* (А. С. Пушкин)

- (12) **Бывало**, вся губерния **сзжглась** у него, **плясала** и **веселилась** на славу (И. С. Тургенев)

В примере (8) обстоятельство *в прежние времена* указывает на давнопрошедшее время, в примерах (9) и (10) значение давно минувшего времени выступает по отношению к общему контексту высказывания. Узуальные действия в далеком прошлом выражались в русском языке также посредством частицы *бывало* в сочетании с итеративными или с неитеративными глаголами (см. примеры (11) и (12)).

В русской грамматической науке XIX века итеративные образования включаются в систему глагольных парадигм как особый многократный вид. Итеративность ставится тем самым на одну плоскость с перфективностью и имперфективностью. Г. П. Павский, К. С. Аксаков и Н. П. Некрасов различают три степени (или аспектуальных варианта) одной и той же основы, а именно неопределенную (*двигать, махать*), однократную (*двинуть, махнуть*) и многократную (*двигивать, махивать*) (см. Виноградов 1972: 382-386, 431-433). А. Х. Востоков в «Русской грамматике» 1851 года говорит еще более отчетливо о трех видах русского глагола: несовершенном (или неокончателном), совершенном и многократном (см. Виноградов 1972: 382). С точки зрения современной аспектологии соотносительными в рамках одной и той же глагольной основы являются только СВ и НСВ. Многократность и однократность рассматриваются как количественные модификации глагольного действия, меняющие значение глагольной основы и потому причисляемые к способам глагольного действия. Итеративы сохраняют свою продуктивность в русском языке вплоть до второй половины XIX века (см. Виноградов 1972: 432).

5. Устранение видовой недифференцированности и реорганизация видовых парадигм

Развитие видов происходит в направлении постепенной утраты нейтральных в отношении вида глаголов, т.е. экспансии видов на всю глагольную лексику. В процессе грамматикализации видов каждый русский глагол получает вполне определенную видовую характеристику. Нейтральные в видовом отношении неопределенные (атерминативные) бесприставочные глаголы типа *ѣхати* (см. примеры (1) и (2) в разделе 2) приобретают значение НСВ, а предельные простые глаголы типа *купити* (см. примеры (3) и (4)) становятся глаголами СВ. За нейтральными в видовом отношении приставочными глаголами типа *вътечи* и *потечи* (см. примеры (5) и (6)) после грамматикализации приставок закрепляется значение СВ.

В процессе исторического развития происходит формальное размежевание глаголов с полнозначными приставками, меняющими лексическое значение и вид глагола, и глаголов с грамматикализированными (или чисто-видовыми) приставками, меняющими только вид глагола. Первые из них сохраняют старые парадигмы вторичной имперфективации, вторые утрачивают парадигмы вторичной имперфективации и замещают их новыми парадигмами перфективации. Ключевую роль при преобразовании старых видовых парадигм

имперфективации и замене их новыми парадигмами перфективации играет семиотический принцип взаимооднозначного соответствия языковой формы и языкового содержания (см., например, Dressler 2003: 466, 471). Согласно этому принципу одно значение в идеальном случае должно кодироваться одним формальным показателем. Видовая парадигма, удовлетворяющая этому условию, должна быть бинарной, т. е. содержать только один перфективный и только один имперфективный члены.

Лексическое значение приставочного глагола *отъмьстити* с десемантизированным префиксом *отъ-* в составе исходной парадигмы вторичной имперфективации *отъмьстити* (НСВ и СВ) – *отъмьщати / отъмьщавати* (НСВ) оказывается тем же самым, что и значение бесприставочного глагола *мьстити* в составе исходной парадигмы первичной имперфективации *мьстити* (НСВ и СВ) – *мьщати* (НСВ)). Благодаря этому возможной становится контаминация тождественных по значению парадигм первичной и вторичной имперфективации. В процессе грамматикализации префикса *отъ-* глагол *отъмьстити* получает значение СВ, а нейтральный в видовом отношении глагол *мьстити* становится глаголом НСВ. Глаголу СВ *отъмьстити* оказываются противопоставленными в рамках одного и того же лексического значения сразу четыре глагола НСВ, а именно *отъмьщати, отъмьщавати, мьщати* и *мьстити*. Глагол СВ *отъмьстити* вступает в видовое противопоставление согласно вышеуказанному принципу взаимооднозначного соответствия формы и содержания только с одним из этих глаголов, а именно естественным образом с формально самым простым из них *мьстити*. Таким образом возникает новая парадигма перфективации типа *мьстити* (НСВ) – *отъмьстити* (СВ). Все остальные маркированные имперфективные члены устраняются как избыточные в соответствии с бинарной структурой видовых парадигм, предписываемой принципом взаимооднозначного соответствия формы и содержания. Сначала выходят из употребления более сложные (т.е. маркированные) приставочные дериваты *отъмьщавати* и *отъмьщати*, а затем и бесприставочный глагол *мьщати*, производный от глагола *мьстити*. Такая последовательность утраты регулируется принципом ступенчатого (или упорядоченного) устранения маркированности (см. Venemann 1988, 2-3). В соответствии с этим принципом маркированные единицы языковой системы устраняются в порядке убывающей маркированности, т.е. более маркированные единицы утрачиваются раньше, чем менее маркированные единицы. В итоге преобразований у приставочных глаголов с чистовидовой приставкой типа *отъмьстити* старая парадигма вторичной имперфективации *отъмьстити – отъмьщати / отъмьщавати* устраняется и замещается новой парадигмой перфективации *мьстити – отъмьстити*. У глаголов с полнозначными приставками типа *отъпасти* исходная парадигма вторичной имперфективации, напротив, сохраняется: *отъпасти – отъпадати*. Такие глаголы не образуют парадигм перфективации, поскольку оба члена корреляции бесприставочного и приставочного глаголов типа *пасти – отъпасти* являются глаголами СВ и различаются между собой значениями.

Парадигмы неитеративности / итеративности также участвуют в процессе контаминации видовых парадигм и подвергаются редукции точно

таким же образом, как и прочие видовые парадигмы. Приставка *на-* у нейтральной в видовом отношении глагольной лексемы *написати* в составе исходной парадигмы вторичной имперфективации *написати* (СВ / НСВ, ср. настоящее время *напишу* и *написаю*) - *написовати* / *написывати* (НСВ) в ходе исторического развития десемантизируется, т.е. утрачивает свойственное ей локальное значение (писать на чем-нибудь) и грамматикализируется, т.е. становится маркером только СВ. Глагольная лексема СВ *написати*, ставшая тождественной по значению с глагольной лексемой *писати* в составе парадигмы неитеративности / итеративности *писати* / *писовати* – *писывати*, вступает в видовое противопоставление с глагольной лексемой НСВ *писати*. В процессе контаминации этих двух типов парадигм возникает новая бинарная видовая парадигма перфективации *писати* - *написати*, которая построена в соответствии с семиотическим принципом взаимооднозначного соответствия языковой формы и языкового содержания. Все другие члены взаимодействующих исходных парадигм (имперфективы типа *написовати*, *написывати* и *писовати* а также итератив *писывати*) устраняются как избыточные, не совместимые с бинарной организацией новой парадигмы перфективации. Утрата этих глагольных лексем происходит согласно принципу ступенчатого (или упорядоченного) устранения маркированности поэтапно. Сначала исчезают приставочные имперфективы типа *написовати* и *написывати*, которые являются более сложными по своей морфологической структуре, чем бесприставочный имперфектив *писовати* и итератив *писывати*. Вторичные имперфективы утрачиваются по свидетельству В.Б. Силиной (1982: 276) не раньше XVII в. Выход из употребления итеративных глаголов начинается со второй половины XIX в. (см. Виноградов (1972: 432)). Это означает, что перестают функционировать парадигмы неитеративности / итеративности.

С этого времени парадигмы перфективации оказываются закрепленными за глаголами с десемантизированными, т.е. с чистовидовыми приставками типа *написати*. Такие глаголы не обнаруживают парадигм вторичной имперфективации, ср. *написати* - **написовати* / **написывати*. Глаголы с лексически значимыми приставками типа *выписати*, напротив, образуют парадигмы вторичной имперфективации типа *выписати* – *выписывати*. Такие глаголы не образуют парадигм перфективации, поскольку оба члена корреляции бесприставочного и приставочного глаголов типа *писати* - *выписати* различаются между собой значениями.

6. Особенности функционирования видов в некодифицированных подсистемах русского языка

В разговорном русском языке и в диалектах, в которых нет ограничений, налагаемых нормами кодифицированного литературного русского языка, наблюдается более свободное, чем в литературном языке образование суффиксальных имперфективов (см. Ровнова 1998: 396-399). В кодифицированном русском языке вторичные имперфективы с продуктивным суффиксом *-ыва/-ива* не образуются от глаголов с грамматикализованными, т.е. с лексически пустыми (или чистовидовыми) приставками, ср. *переписать* - *переписывать*, но *написать* -

**написывать*. Такого ограничения не наблюдается в разговорной речи и в диалектах, ср. *давить – задавить* – разг. *задавливаться*, *красть – украсть* – разг. *украдывать*, *пеленать – запеленать* – диал. *запеленывать*, *петь – спеть* – диал. *спевать*. Для разговорного русского языка и для диалектов характерна широкая вариативность старого праславянского суффикса *-а / -я* и нового собственно русского суффикса *-ыва / -ива*, ср. *загрузить – загружать* разг. *загруживать*, *пригодиться – пригождаться* – разг. *пригаживаться*, *зарастить – зарастать* – диал. *зарастывать*, *выбежать – выбегать* – диал. *выбегивать*. В кодифицированном русском языке лишь немногие глаголы типа *заготовить – заготовлять / заготовливать* обнаруживают такую вариативность (см. раздел 3). Имперфективные дериваты с суффиксом *-ыва / -ива* представлены в диалектах (особенно в севернорусских) более широко, чем в разговорном русском языке. Они замещают в таких говорах общерусские суффиксы *-а / -я* (ср. *послать – посылать* – диал. *посылывать*, *собрать – собирать – собиравать*), *-ва* (ср. *добыть – добывать* – диал. *добывавать*, *продать – продавать* – диал. *продаивать*) и другие формальные показатели имперфективности (ср. *перенести – переносить* – диал. *перенашивать*, *привезти – привозить* – диал. *приваживать*) (см. Ровнова 1998: 399-403). Характерной особенностью диалектов по сравнению с кодифицированным литературным русским языком является широкое использование синонимических друг другу приставок в парадигмах перфективации типа *строить – построить* – диал. также *состроить*, *вязать – связать* – диал. также *вывязать* (см. Ровнова 1997: 171-173). Вариативность распространяется тем самым и на парадигмы перфективации, т.е. включает в себе всю систему видовых оппозиций. Система видовых парадигм в диалектах оказывается очень близкой к видовой системе русского языка XV – XVII вв. Она сохраняет в себе, следовательно, черты старого промежуточного этапа в организации видовой системы русского глагола. Принципиально новым явлением в диалектах является совмещение суффикса *-ыва / -ива* с суффиксом *-ва* в сложном суффиксе – *ывлива / -ивлива*: *рассказывливать, выхаживливать*.

7. Когнитивные параметры видовых парадигм. Тенденция к оптимальному структурированию видовых оппозиций

Новые парадигмы перфективации типа *писати – написати*, возникшие в процессе реорганизации видовых парадигм, являются иконическими в отличие от исходных контраиконических парадигм вторичной имперфективации типа *написати – написовати / написывати*. Парадигмы перфективации типа *писати – написати* обнаруживают совпадение (или изоморфизм) отношений маркированности на концептуально-семантическом и на фонеморфологическом (или формальном) уровнях. Перфективный член, обозначающий целостное глагольное действие ([+ЦЕЛ]) с включением начальной и конечной границ действия, является на концептуально-семантическом уровне более сложной (или маркированной) величиной по отношению к имперфективному члену, который обозначает нецелостное действие ([-ЦЕЛ]), т.е. некую часть глагольного действия с устранением начальной и конечной координат действия:

[+ЦЕЛ] > [-ЦЕЛ] (читается как: целостное действие является более сложной величиной, чем нецелостное действие). На фонеморфологическом (или формальном) уровне формы СВ с приставкой имеют в парадигмах перфективации больше морфологического материала, чем формы НСВ, в которых отсутствует приставка: СВ > НСВ (читается как: формы СВ являются более сложными, чем формы НСВ). Парадигмы вторичной имперфективации типа *написати - написовати / написывати*. характеризуются, напротив, прямо противоположной направленностью отношений маркированности концептуально-семантического и формального уровней. Семантически более простые формы НСВ оказываются формально более сложными по отношению к соответствующим формам СВ: они содержат в своем составе суффиксы имперфективации, которых нет в формах СВ: [-ЦЕЛ < [+ЦЕЛ] – НСВ > СВ. Эта формула читается как: на концептуально-семантическом уровне нецелостное действие является более простой величиной, чем целостное действие, а на формальном уровне форма НСВ является более сложной, чем форма СВ.

Парадигмы перфективации как иконические структуры являются в когнитивном плане более простыми (т.е. немаркированными) с точки зрения нагрузки языковой способности носителя языка по отношению к более сложным (или маркированным) парадигмам вторичной имперфективации как контраиконическим структурам: они легче усваиваются и перерабатываются в сознании носителя языка, чем контраиконические структуры, которые характеризуются дополнительной нагрузкой при восприятии языка и его порождении. При вербализации концептуальных структур (мыслительных единиц и операций с ними), имеющих форму ментальной репрезентации, говорящий производит отбор грамматических структур по степени их сложности (или маркированности). Предпочтение отдается при этом иконическим грамматическим структурам, которые характеризуются однонаправленностью (или изоморфизмом) отношений маркированности концептуального и формально-языкового уровней. Иконические языковые структуры обнаруживают минимальную когнитивную нагрузку языковой способности носителя языка, измеряемую в терминах ментальных усилий и времени обработки информации в мозгу человека. Оптимальность иконических структур объясняется их максимальным соответствием ментальным моделям (или когнитивным образцам). Грамматические структуры с разнонаправленными (т.е. неизоморфными) отношениями маркированности в концептуальной и формально-языковой репрезентациях, характеризуются соответственно дополнительной когнитивной нагрузкой языковой способности носителя языка.

Замена контраиконических парадигм вторичной имперфективации иконическими парадигмами перфективации в процессе перестройки видовых парадигм свидетельствует о действии тенденции к оптимальной организации видовых парадигм в русском языке. Удельный вес иконических парадигм перфективации в общей системе видовых оппозиций в современном русском языке постоянно увеличивается. Происходит пополнение состава парадигм перфективации за счет контраиконических и неиконических парадигм. Парадигмы перфективации типа *ГОТОВИТЬ - ПРИГОТОВИТЬ* вытесняют в

разговорном русском языке конкурирующие с ними парадигмы вторичной имперфективации типа *приготовить* - *приготовлять* и *приготовить* - *приготовлять*, ср. *готовить (обед, уроки)*. но не **приготовлять* или **приготовлять* (*обед, уроки*). Неиконические синкретические парадигмы типа *иллюстрировать* (НСВ) – *иллюстрировать* (СВ) в современном русском языке во все возрастающем объеме замещаются иконическими парадигмами перфективации типа *иллюстрировать* (НСВ) - *проиллюстрировать* (СВ). Синкретические парадигмы такого типа обнаруживают разнонаправленные отношения маркированности концептуально-семантического и формального уровней: формы СВ являются более сложными чем формы НСВ на концептуально-семантическом уровне и равными им на формальном уровне. (см. Климонов 2008: 105-107).

8. Выход из употребления глаголов с морфологическими маркерами итеративности

Начало постепенной утраты итеративных глаголов в русском языке датируется серединой XIX в. С этого времени их употребление сокращается по направлению к современности. Выходят из употребления когда-то широко распространенные итеративы типа *бирать* (дериват от глагола *брать*), *искивать* (от *искать*), *кашивать* (от *косить*), *кучивать* (от *кутить*), *лавливать* (от *ловить*), *прятивать* (от *прятать*), *служивать* (от *служить*), *танцовывать* (от *танцевать*), *тапливать* (от *топить*), *храмывать* (от *хромать*), *храпывать* (от *храпеть*) и многие другие. В современном русском языке представлены только реликты итеративных образований порядка нескольких десятков (Мартиновский 1998: 81). Ю.А. Мартиновский указывает на то, что в «Грамматическом словаре» А.А. Зализняка приведены всего только 37 многократных глаголов. В качестве формальных экспонентов итеративности в современном русском языке выступают продуктивный суффикс *-ыва-* / *-ива-* (*писывать, сиживать*) и непродуктивные суффиксы *-ва-* и *-а-* (*живать, едать*). Среди итеративных глаголов выделяются глаголы перемещения типа *хаживать, бегивать, езжать и езживать, нашивать*; бытийные глаголы и глаголы со значением положения в пространстве типа *бывать, жить, сиживать, стаивать, леживать*; глаголы речи и восприятия типа *говаривать, видать и видывать, слышать и слыживать*; глаголы физического, психического и физиологического действия типа *варивать, знавать, читывать, едать, пивать*. Итеративы с морфологическими маркерами в современном русском языке вытесняются из кодифицированного языка в сферы разговорно-бытовой речи и просторечия. В литературном русском языке они используются преимущественно в художественной литературе в качестве средства архаизации языка.

В оппозиции неитеративности / итеративности итеративные глаголы с суффиксами *-ыва-* / *-ива-*, *-ва-* и *-а-* как количественными операторами, т.е. морфологическими показателями множественности глагольного действия, выступают в русском языке как маркированные, т.е. более сложные члены по отношению к немаркированным, т.е. более простым членам, не обнаруживающим в своем составе таких суффиксов. Итеративы типа *бывать* со значением неопределенной кратности глагольного действия как маркированные

формы характеризуются ограничениями в употреблении, они, в частности, не сочетаются с показателями числовой квантификации, т.е. маркерами определенной кратности действия (ср. пример (13-2)) и обнаруживают дистантную локализацию события по отношению к моменту речи (так называемое давнопрошедшее время в традиционной интерпретации) (ср. пример (13-4))

- (13-1) Олег *был* в Риме несколько раз / (всего) один раз / четыре раза
 (13-2) Олег *бывал* в Риме несколько раз / *(всего) один раз / *четыре раза
 (13-3) Олег *был* несколько дней тому назад / в молодости в Риме
 (13-4) Олег *бывал* * несколько дней тому назад / в молодости в Риме
 (13-5) Олег *бывал* в Риме

В.В. Виноградов (1972: 431-433) называет форму прошедшего времени итеративных глаголов давнопрошедшим временем. Не все языковеды признают существование особой формы давнопрошедшего времени. Так А.В. Исаченко (1960: 430-433) считает, что отнесенность к отдаленному прошлому возникает у итеративных глаголов только при благоприятных контекстуальных условиях. Мне представляется, что значение отдаленного прошлого у итеративных глаголов обусловлено в первую очередь семантикой глагола, контекст только конкретизирует это заданное глагольной семантикой значение. В примере (13-5), в котором контекст не специфицирован, высказывание тем не менее обнаруживает значение давнего обыкновения и интерпретируется как: Олег когда-то в отдаленном прошлом бывал в Риме, но сейчас уже больше не бывает. Нельзя без оговорок согласиться также с мнением Т.Н. Молошной (1992: 564-565), которая отрицает существование в русском языке грамматической формы давнопрошедшего времени. В русском языке наличествуют - хотя и в ограниченном количестве - итеративные глаголы и, следовательно, представленной является и грамматическая форма давнопрошедшего времени. Совершенно очевидно, что эта когда-то весьма распространенная форма времени постепенно выходит из употребления.

Итеративные образования с суффиксами *-ыва-* / *-ива-, -ва-, -а-* как морфологическими квантификаторами (т.е. индикаторами множественности действия) типа *танцовывать* вытесняются начиная со второй половины XIX в. структурами с синтаксическими квантификаторами типа *обычно* / *обыкновенно танцевать*. Первые из них являются более сложными в когнитивном плане, чем вторые. Они обнаруживают синкретизм акциональной информации (т.е. итеративного значения) и видовой информации (т.е. значения НСВ). В конструкции типа *обычно* / *обыкновенно танцевать* оба этих значения разводятся по разным составляющим: итеративное значение выражается посредством обстоятельств типа *обычно* и *обыкновенно*, а показателем имперфективности становится глагол *танцевать*. Ментальные операции совокупного кодирования информации о виде и способе действия в составе одной языковой единицы являются более сложными, чем ментальные процедуры раздельной репрезентации этих двух типов информации разными языковыми единицами. По этой причине структуры с синтаксическими квантификаторами

следует считать немаркированными и тем самым оптимальными, а потому и преферентными по отношению к маркированным, неоптимальным и неpreferentным структурам с морфологическими квантификаторами. В конкуренции маркированных и немаркированных структур согласно принципу естественного грамматического развития (см. Wurzel 1994: 28-32) победу всегда одерживают последние. В строгом соответствии с этим принципом структуры с синтаксическими маркерами типа *обычно / обыкновенно танцевать* вытесняют маркированные структуры с морфологическими маркерами итеративности типа *танцовать*. В современном русском языке представлены только реликты этого когда-то исключительно продуктивного класса глаголов с морфологическими маркерами итеративности. В замене структур с маркированными индикаторами итеративности структурами с немаркированными экспонентами итеративности следует видеть проявление тенденции к экономии в видовой системе русского глагола.

9. Заключение

Оппозиция неитеративности / итеративности развивается в русском языке в тесном взаимодействии с категорией славянского глагольного вида. Преобразования в структуре видовых оппозиций и изменения в формальной организации оппозиции неитеративности / итеративности неразрывно связаны друг с другом и рассматриваются поэтому совокупно.

В историческом развитии этих двух категорий я выделяю четыре основных этапа. На первом этапе развития в древнерусском языке старшей эпохи (XI - XII вв.) обнаруживается синкретизм формальных показателей этих категорий. Продуктивные суффиксы *-а-* и *-я-* праславянского происхождения выступают как экспоненты итеративности в оппозициях неитеративности / итеративности у неопределенных глаголов типа *пльзти - пльзати*, так и в качестве индикаторов имперфективности у предельных глаголов в видовых оппозициях типа *пасти (<*падти) – падати*. На втором этапе эволюции в древнерусском языке XIII – XIV вв. происходит формальное размежевание маркеров итеративности и маркеров имперфективности. Возникший в начале XII в. собственно русский суффикс *-ыва-/-ива-* становится с середины XIII продуктивным и выступают в древнерусский период (до конца XIV в.) как средство вторичной имперфективации в оппозициях типа *приставити – приставливати*. Старые суффиксы *-а-* и *-я-* остаются в качестве экспонентов итеративности в оппозициях неитеративности / итеративности типа *летѣти – лѣтати*. В последующий третий по счету среднерусский период (XV - XVII вв.) расширяется сфера употребления суффикса *-ыва-/-ива-*, выступающего первоначально как средство вторичной имперфективации. Этот суффикс становится также маркером итеративности, ср. *затопить – затопливать* и *топить – топилить* (*печь*). С его помощью образуются теперь не только обычные итеративы, т.е. итеративы от простых бесприставочных глаголов типа *писывати (< писати)*, но и итеративы от производных бесприставочных и приставочных глаголов типа *давывати (< давати < дати)* и *отъдавывати (<отъдавати < отъдати)*. Этот исключительно продуктивный полифункциональный суффикс вытесняет

суффиксы *-ва-* и *-а-* / *-я-* и становится монопольным экспонентом имперфективности и итеративности. На первом этапе развития таким синкретическим индикатором имперфективности и итеративности был старый продуктивный суффикс *-а-* / *-я-*. На четвертом этапе развития, датируемым с начала XVIII в. вплоть до современности, маркер *-ыва-*/*-ива-* перестает обозначать итеративность и становится экспонентом только имперфективности. На этом этапе развития происходит как бы возврат ко второму этапу: Суффикс *-ыва-* / *-ива-* вновь становится основным формальным средством манифестации имперфективности. Итеративные образования с суффиксом *-ыва-*/*-ива-* выходят из употребления в процессе реорганизации видовых парадигм, вызванной устранением видовой недифференцированности.

Устранение видовой недифференцированности, связанное с полной грамматикализацией видов, послужило толчком к преобразованию видовых парадигм. В процессе реструктурирования видовых парадигм глаголы СВ с чистовидовыми приставками меняют свой аспектуальный противочлен: место вторичного имперфектива занимают теперь простые бесприставочные глаголы НСВ. Старые парадигмы вторичной имперфективации с такими глаголами уступают место парадигмам перфективации. Глаголы СВ с однозначными приставками сохраняют за собой старые парадигмы вторичной имперфективации.

У глаголов с десемантизированными (или чистовидовыми) приставками типа *написати* в результате контаминации исходных парадигм вторичной имперфективации типа *написати* (СВ / НСВ) - *написовати* / *написывати* (НСВ) и парадигм неитеративности / итеративности типа *писати* / *писовати* [-ИТЕР] – *писывати* [+ИТЕР] возникает новая бинарная парадигма перфективации типа *писати* – *написати*. Все другие члены рассматриваемых исходных парадигм (имперфективы типа *написовати*, *написывати* и *писовати* а также итератив *писывати*) устраняются как избыточные, не совместимые с бинарной организацией парадигм перфективации. Механизмы преобразования видовых парадигм анализируются в рамках концепции естественного грамматического развития. Рассматриваются типологически релевантные принципы маркированности (т.е. принципы естественности, или законы преферентности), детерминирующие грамматические изменения в языковых системах.

Новые парадигмы перфективации типа *писати* - *написати*, возникшие в процессе реорганизации видовых парадигм, являются иконическими в отличие от исходных контраиконических парадигм вторичной имперфективации типа *написати* - *написовати* / *написывати*. Иконические парадигмы перфективации типа *писати* - *написати* характеризуются однонаправленностью (или изоморфизмом) отношений маркированности на концептуально-семантическом и на фономорфологическом (или формальном) уровнях: семантически более сложные формы СВ (со свойственным им признаком целостности действия) оказываются и формально более сложными (благодаря наличию префикса, который отсутствует в формах НСВ). Контраиконические парадигмы вторичной имперфективации типа *написати* - *написовати* / *написывати* обнаруживают, напротив, контраиконизм отношений маркированности концептуально-семанти-

ческого и формального уровней: семантически более простые формы НСВ (со значением некой внутренней фазы, т.е. какой-то части целостного глагольного действия) оказываются формально более сложными по отношению к соответствующим формам СВ (они имеют суффикс имперфективации, которого нет в формах СВ).

Парадигмы перфективации с однонаправленными (т.е. изоморфными) отношениями маркированности в концептуально-семантической и формально-языковой репрезентациях, обнаруживают минимальную когнитивную нагрузку языковой способности носителя языка. Ментальные операции обработки информации в мозгу человека, связанные с затратой усилий и времени, оказываются у парадигм перфективации более простыми по сравнению с ментальными процедурами обработки информации у парадигм вторичной имперфективации с разнонаправленными (т.е. неизоморфными) отношениями маркированности в концептуально-семантической и формально-языковой репрезентациях. По этой причине иконические парадигмы перфективации, у которых языковая форма прямо соответствует их когнитивному образцу, являются оптимальными, а потому и преферентными по отношению к неоптимальным и непреферентным контраиконическим парадигмам вторичной имперфективации, у которых языковая форма и концептуальная репрезентация не соответствуют друг другу и которые поэтому характеризуются дополнительной когнитивной нагрузкой языковой способности носителя языка.

Замена контраиконических парадигм вторичной имперфективации иконическими парадигмами перфективации в процессе перестройки видовых парадигм свидетельствует о действии тенденции к оптимальной организации видовых парадигм в русском языке. Удельный вес иконических парадигм перфективации в общей системе видовых оппозиций в современном русском языке постоянно увеличивается. Происходит пополнение состава оптимальных парадигм перфективации за счет неоптимальных контраиконических и неиконических видовых парадигм. Контраиконические парадигмы вторичной имперфективации типа *приготовить – готовить* / *приготовлять* и неиконические синкретические видовые парадигмы типа *иллюстрировать* (НСВ) - *иллюстрировать* (СВ) в современном русском языке в возрастающем объеме замещаются оптимальными видовыми парадигмами перфективации типа *готовить – приготовить* и *иллюстрировать - проиллюстрировать*.

В итоге преобразований видовых парадигм резко сокращается диапазон употребления сверхпродуктивного суффикса *-ыва/-ива* в литературном русском языке. Если раньше на третьем этапе развития этот полифункциональный суффикс являлся как экспонентом имперфективности, так и индикатором итеративности, то теперь на четвертом этапе эволюции категории вида этот маркер перестает обозначать итеративность и становится вновь - как это было на втором этапе развития категории глагольного вида - монофункциональным маркером имперфективности. Этот суффикс не охватывает однако на четвертом этапе развития глаголы с чистовидовыми приставками. Такие глаголы утрачивают старые парадигмы вторичной имперфективации. Это положение не распространяется однако на некодифи-

цированные сферы русского языка. В некодифицированных сферах русского языка (в разговорном русском языке и в диалектах) наблюдается более свободное, чем в литературном языке образование суффиксальных имперфективов с продуктивным суффиксом *-ыва-/-ива-* как от глаголов с чисто-видовыми приставками, так и от глаголов с полнозначными приставками. С помощью этого суффикса в разговорном русском языке и в диалектах образуются также итеративы. В этом отношении система аспектуальных оппозиций в разговорной русской речи и в диалектах очень близка к системе аспектуальных оппозиций в русском языке XV – XVII вв. Сверхпродуктивный суффиксом *-ыва- / -ива-* занимал на третьем этапе развития монопольное положение, являясь одновременно маркером имперфективности и итеративности. Аспектуальная система разговорного русского языка и диалектов обнаруживает тем самым архаические черты в своей организации.

Итеративные образования с суффиксами *-ыва-/-ива-*, *-ва-* и *-а-* как морфологическими квантификаторами (т.е. индикаторами множественности действия) типа *танцывывать* являются маркированными (т.е. более сложными) по отношению к конкурирующим с ними немаркированным структурам с синтаксическими квантификаторами типа *обычно / обыкновенно танцевать*. В ходе исторического развития маркированные итеративные образования с морфологическими квантификаторами выходят из употребления в соответствии с действием принципа естественного грамматического развития. Процесс утраты итеративных глаголов, начатый во второй половине XIX в., продолжается и до сих пор. В современном русском языке осталось небольшое количество итеративных глаголов, которые все более перемещаются в некодифицированные сферы русского языка. Вытеснение структур с маркированными индикаторами итеративности структурами с немаркированными экспонентами итеративности следует расценивать как тенденцию к экономии в видовой системе русского языка.

Список литературы

- В.В. Виноградов: *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. Москва 1972².
- А.В. Исаченко: *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Часть вторая*. Братислава 1960.
- А. А. Караванов: *К вопросу о характере категории предельности древнерусского глагола*. „Вопросы языкознания“ 1992, № 6, с. 103-112.
- В.Д. Климонов: *Лексическая аспектуальность в русском языке: концептуальная репрезентация и категоризация*. „Вопросы когнитивной лингвистики“ 2005, № 1, с. 21-25.
- В. Климонов: *Влияние развития видов на формирование словарного состава русского языка*. В кн.: *Глагольный вид и лексикография*. Ред. Ф Леман. München 2006, с. 169-189 (Slavolinguistica 7).
- В.Д. Климонов: *Тенденция к экономии в видовой системе русского глагола*. „Przegląd Rusycystyczny“ 2008, № 3, с. 100-114.
- Е.С. Кубрякова: *Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики*. „Вопросы когнитивной лингвистики“ 2004, № 1, с. 6-17.
- П.С. Кузнецов: *К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка*. „Труды института языкознания АН СССР“ II. Москва 1953, с. 220-252.

- П.С. Кузнецов: *Очерки исторической морфологии русского языка*. Москва 1959.
- Ю.А. Мартиновский: *Глагольная приставка и вид в русском языке*. „Revue des Études slaves”. 1998 (LXXI), № 1, с. 79-84.
- Ю.С. Маслов: *Возникновение категории совершенного / несовершенного вида*. В кн.: Ю.С. Маслов, *Очерки по аспектологии*. Ленинград 1984, с. 102-110.
- Т.Н. Молошная: *Плюсквамперфект в системе грамматических форм глагола в современных славянских языках*. В кн.: *Русистика. Славистика. Индоевропеистика, Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка*. Москва 1996, с. 564-573.
- О.Г. Ровнова: *Современные русские говоры в аспектологическом плане*. В кн.: *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова*. Т. 3. Отв. ред. М.Ю. Черткова, Москва 1997, с. 169-179.
- О.Г. Ровнова: *Имперфективация глагола в русских диалектах (с точки зрения синхронии и диахронии)*. В кн.: *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. Отв. ред. М.Ю. Черткова. Москва 1998, с. 396-404.
- В.Б. Силина: *История категории глагольного вида*. В кн.: *Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол*. Москва 1982, с. 158-279.
- N. Bermel: *Aspect and shape of action in Old Russian*. „Russian Linguistics” 1995 (19), с. 333-348.
- W.U Dressler: *Naturalness and Morphological Change*. В кн.: *The Handbook of Historical Linguistics*. Ред. B.D. Joseph, R.D. Janda. Malden 2003, с. 461-471.
- W.U. Dressler / W. Mayerthaler / O. Panagl / W.U. Wurzel: *Leitmotivs in Natural Morphology*. Amsterdam / Philadelphia 1987 (Studies in Language: Companion Series, 10).
- W.D. Klimonow: *Ikonismus und Abweichungen vom Ikonismus in grammatischen Kategorien*. „Prace Filologiczne” XLV. Warszawa 2000, с. 277-290.
- W.D. Klimonow : *Die Verdrängung der alten indoeuropäischen durch die neuen slavischen Aspekte im Russischen*. В кн.: *Beiträge zu Sprache & Sprachen 5: Vorträge der 11. Jahrestagung der GESUS in Bratislava*. Hrsg. L. Adamcová. München 2004, с. 193-204 (Edition Linguistik 49).
- Th. Vennemann: *Preference Laws for Syllable Structure and the Explanation of Sound Change*. Berlin / New York / Amsterdam 1988.
- W.U. Wurzel: *Flexionsmorphologie und Natürlichkeit*. Berlin 1984 (Studia grammatica XXI).
- W.U. Wurzel: *Grammatisch initiiertes Wandel*. Bochum 1994. (Bochum-Essener Beiträge zur Sprachwandel-forschung, Bd. XXIII).
- W.U. Wurzel: *On Markedness*. „Theoretical Linguistics” 24 (1998), № 1, с. 53-71.
- W.U. Wurzel: *Ökonomie*. В кн.: *Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft (HSK)*. Bd. 20. 1. Berlin / New York 2001, с. 384-400.

Vladimir D. KLIMONOV

THE LOSS OF MORPHOLOGICAL MARKERS OF ITERATIVITY IN RUSSIAN

Summary

The loss of morphological markers of iterativity in Russian is investigated in the framework of the theory of Natural Grammar. It is claimed that the grammatical changes in morphological systems of natural languages are determined by a limited number of markedness principles (or naturalness principles, or preference principles). These typologically relevant principles are considered as the grammatical laws of change. They determine the direction of morphologically-induced changes. These principles explain the attested diachrony of grammatical changes in the aspect system of Russian and in the area of interaction between aspectuality and iterativity.

Key words: natural grammar, principles of markedness, laws of preferences, aspect paradigms, iterative verbs.

Рафаэль ГУСМАН ТИРАДО

Гранадский университет, Гранада

rguzman@ugr.es

НОВЫЕ АСПЕКТЫ В ИЗУЧЕНИИ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ

Работа, посвящена изучению глагольного вида в испанском языке на фоне русского языка. Если традиционно глагольный вид в испанском и других романских языках исследовался в рамках видовых оппозиций, существующих в некоторых глагольных формах спряжения, а также в связи с рядом других факторов: морфологических и лексических, в которых обнаруживаются видовые значения, на наш взгляд, необходимо расширить рамки изучения глагольного вида. Итак в данной работе основное внимание уделяется видовой оппозиции испанский *progresivo* / *porprogresivo*, так как именно эта видовая оппозиция проходит через всю систему испанского глагола и характеризуется минимальной лексикой избирательностью.

Ключевые слова: аспект, испанский язык, русский язык, прогрессивный, лексика.

Изучению глагольного вида в грамматиках испанского языка традиционно уделялось второстепенное внимание, а интерес лингвистов в основном сосредотачивался на ряде морфолого-синтаксических глагольных особенностей, в которых и обнаруживалось аспектуальное содержание. В связи с этим возникли проблемы с изучением вида не только в испанской лингвистике но и в области сравнительных исследований, касающихся славянских языков, как, например, русского языка, разными в структурном отношении языками.

Традиционно глагольный вид в испанском и других романских языках исследовался в рамках видовых оппозиций, существующих в некоторых глагольных формах спряжения (*pretérito imperfecto*, *pretérito indefinido*, *pretérito perfecto*), а также в связи с рядом других факторов: морфологических и лексических, в которых обнаруживаются видовые значения. Так, например, формы *escribía*, *escribí* и *he escrito* обозначают действие в его течении: *escribía* – не ограниченное предельное действие; *escribí* – действие или процесс с признаком предела (то есть значением начала и конца действия); *he escrito* – действие

завершённое, представленное во всей полноте его проявления, для которого неактуален признак достигнутой предела.

В лингвистических исследованиях, как правило, глагольному перифразису обычно уделялось особое значение, а также определению аспектуальных значений данных конструкций. Как известно, глагольный перифразис формируют, по крайней мере, два морфологических глагола, синтаксически составляющие глагольное 'ядро'. Первый глагол - вспомогательный, его функция - выразить время, вид, залог и модальность; и второй - безличная форма глагола: инфинитив, причастие и герундий; поэтому семантика глагольного перифразиса является результатом значения глагола общего вида неспрягаемого глагола, общего вида перифразиса, вида и способа действия глаголов и контекста.

В данных конструкциях спрягаемый вспомогательный глагол грамматизован и, в общем, свободен от семантического значения. Перифразы обычно классифицируются в соответствии с безличной формой глагола, формирующей часть перифраз (инфинитива, герундия и причастия), а также по их значению, которое они имеют: временное, аспектуальное, модальное или стилистическое. Что касается видо-значения, которое интересует нас, перифразы герундия (*perífrasis de gerundio*) выражают НСВ, перифразы инфинитива (*perífrasis de infinitivo*) выражают НСВ, тогда как перифразис причастия (*perífrasis de participio*) обычно имеют значение СВ, обозначая состояние как результат прошедшего действия. Например: *Juan sigue trabajando en una empresa andaluza; Aquella persona no deja de mirarme; Tengo preparadas las maletas para mis vacaciones.*

Подобным образом традиционно изучается так называемый лексический аспект, т.е. влияние лексического значения глагола и способов действия на выражение аспектуальных значений. Эта аспектуальная информация в испанском языке, как в любом языке, может содержаться в лексических единицах, функционирующих как предикат в глаголах, которые являются проводниками информации, связанной со способом действия. Так, как известно, существуют глаголы выражающие действия и состояния, которые приводят к изменению (*escribir*), окончанию действия (*morir*); а также моментальные действия (*disparar*) и длительные действия (*contemplar*). Однако это значение в свою очередь может быть модифицировано из-за появления других частей в предикате (подлежащее и второстепенные члены предложения) и таких наречных модификаторов времени и места, как отрицание и собственная глагольная форма. [De Miguel 1999: 2981].

Особое внимание уделялось и роли префикса, который может быть очень значимым в выражении аспектуальных отношений. Например *re-*, который в качестве аспектуального префикса и в зависимости от лексического значения глагола может обозначать: повторяемость с делимитативными глаголами: *re-tomar*, *re-plantar*, *re-construir*, выражать значение интенсификатора действия, если глагол не имеет делимитативного значения: *re-buscar*, *re-peinar*, придать некоторым делимитативным глаголам оттенок интенсивности действия: *re-matar*. В отличие от системы префиксации, система суффиксации прямо не связана с системой аспектуальных оппозиций, однако также может повлиять на

модификацию аспектуального значения глагольного действия, если. базой деривата является 'глагол + суффикс'. Например, укороченное действие выражается при помощи суффикса: *morder* — *mordisquear*.

При изучении вида в испанском языке, учитывались также синтактико-контекстуальные факторы, которые могут предопределить ряд аспектуальных оттенков. Как известно, полное глагольное действие окружено контекстом, который влияет на оттенки аспектуальные значения глагольного действия. Особые функции выполняют глагольные дополнения, наречия (а также наречные выражения), союзы, субъекты предложения и модальные глаголы. Например: *Mientras yo estudiaba, mi hermano veía la televisión*.

Выделялась также роль местоимений (*te, te, se, nos, os, se*). В настоящее время все более распространенной становится точка зрения, что местоименный глагол (*verbo pronominal*) в испанском языке не является вариантом другого не местоименного глагола *verbo (verbo no pronominal)*, что перед нами, таким образом, две разные лексемы, отличие которых определяется присутствием или отсутствием формы местоимений (*te, te, se, nos, os, se*). Выражая парные залоговые значения, некоторые местоименные глаголы сохраняют аспектуальные отношения с соответственными неместоименными формами, например, в глаголах типа: *dormir - dormirse* (что может быть представлена как оппозиция «незавершенное-завершенное действие»). Оттенок пунктуальности в *se duerme* делает невозможным употребление местоименной формы с добавлением значения длительности, в свою очередь, оттенок длительности в *duerme* делает невозможным употребление дополнения со значением пунктуальности. Так, *se* превращается в средство выражения аспектуальности, т.к. информирует о пределе действия в значении глагола.

Кроме указанных выше аспектов исследования, на наш взгляд, необходимо расширить рамки изучения глагольного вида, что позволило бы проанализировать и сравнить эту грамматическую категорию и средства, которые язык имеет в своем арсенале для выражения таких универсальных значений, присущих, без сомнения, многим языковым системам.

С этой целью при исследовании глагольного вида в испанском языке была применена нами теория функционально-семантических полей, разработанная А. В. Бондарко [Бондарко 1987]. Это позволило, в отличие от традиционной грамматики, провести анализ различных способов выражения аспектуальных значений в разных языках. Прикладное использование модели функционально-семантического поля, существующей в функциональной грамматике, определило центр и периферию поля аспектуальности в испанском языке, и, таким образом, указало на новые факторы, оказывающие влияние на употребление глаголов, которые в испанской лингвистике до сих пор еще не были исследованы. Так, например, стало понятным, что в глагольной системе необходимо различать конструкции герундия с глаголами *estar* аспектуальной грамемы, включая требование релятивной свободы от лексических различий, и конструкции герундия с другими глаголами (*ir, venir, seguir, continuar, quedar*), которые также присутствуют в функционально-семантическом поле аспектуальности испанского

языка и выражают определенные аспектуальные значения. До сих пор данная структура обычно включалась в ту же группу, что и остальные глагольные перифразы, прежде всего в группу конструкций прогрессива в испанском языке.

Большинство лингвистов утверждает, что конструкции с герундием, включая конструкцию с глаголом *estar*, характеризуются частичной потерей (это зависит от глаголов) лексического значения глаголов в личной форме, принимающих участие в формировании вышеназванных конструкций герундия, создавая, таким образом, аспектуальную оппозицию. Первым на конструкции такого типа обратили внимание русские испанисты Васильева-Шведе и Г. В. Степанов, которые единодушно в том, что «видовая оппозиция может быть представлена в морфологической системе испанского языка в качестве оппозиции неопределенного и среднего видов, выраженной аспектуальными (*estar + gerundio*) и неаспектуальными, временными формами (*escribo / estoy escribiendo*). В тоже время следует отметить, что этой точке зрения не придается должного внимания со стороны испанских лингвистов. С другой стороны, это единственная оппозиция, которая охватывает практически всю глагольную лексику во всех временных формах, включая даже императивные формы, и не имеет факультативного характера. Испанская форма герундия с глаголом *estar* соответствует всем параметрам, присущим грамматической категории вида. В испанском языке важно закрепить за испанский *progresivo* статус аспектуальной грамемы, так как эта форма соответствует всем параметрам, присущим грамматической категории вида, данным в известной статье Ю. С. Маслова [Маслов 1978: 24].

Итак в данной работе основное внимание уделяется видовой оппозиции испанский *progresivo / porprogresivo*, так как именно эта видовая оппозиция проходит через всю систему испанского глагола и характеризуется минимальной лексикой избирительностью.

Это ставит *progresivo* в привилегированное положение и позволяет выразить действие в актуальном настоящем времени (*presente actual*) или процессуальность действия функция выражения не только сгущения действия, но и сгущения течения действия (что типично также и для английского *progressive*). Выше сказано заставит пересмотреть многое того, что было разработано в испанской лингвистике по этому поводу.

Литература

Васильева-Шведе, А.А. Аспектуальность в испанском языке // Очерки по испанской грамматике. М., 1987.

Васильева-Шведе, О.К. Степанов Г.В. Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология и синтаксис частей речи. 3-е изд. -М., 1990.

Маслов, Ю. С. Видовая оппозиция в испанском языке // Вопросы языкознания. 1978. № 4-44.

Горбова, Е. Сопоставительный анализ категорий поля аспектуальности в русском и испанском языках и их речевой реализации (на материале переводов художественных текстов). Канд. диц. СПб., 1996.

Άόññáí Òèðàáí, Ð. Óóíéöèííáéüññ-ñáíàíòè÷ðññéñá ñéá àññáéòóáéüññòè á ðóññéñí è èññáíñéñí ÿçúèáð: ñúò ðóíéöèííáéüññé áðáííàðèèè // Õèññéñáèÿ àèèá. Ìðñáéáíú, ñèññèè, ðáððáíèÿ. Ì., 1998.

Miguel, de E. "El aspecto léxico" // Gramática descriptiva de la Lengua Española. Madrid, pp. 1992 2977-3060.

Rafael GUSMAN TIRADO

**NEW ASPECTS IN STUDYING THE VERBAL ASPECT IN SPANISH
IN COMPARISON WITH RUSSIAN**

Summary

The work devoted to the research of verbal aspect form in Spanish on the background of the Russian language. If traditionally verbal aspect in Spanish and in other Romance languages was studied on the basis of oppositions that exist in some verbal forms of conjugation, as well as in connection with a number of other factors: morphological and lexical, in which aspect is present, in our opinion, it is necessary to extend the study of verbal aspect. So this paper focuses on the specific opposition to the Spanish verbal system progressive / non progressive, since it is this species opposition passes through the entire Spanish verbal system and characterizes the lexical selectivity.

Key words: aspect, Spanish. Russian, progressive, lexical.

Александра ДЕРГАНЦ

Философский факультет, Любляна

aleksandra.derganc@guest.arnes.si**НЕКОТОРЫЕ ОТЛИЧИЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА
В РУССКОМ И СЛОВЕНСКОМ ЯЗЫКАХ**

V članku se kratko opisujejo nekatere sicer že obravnavane razlike med slovenščino in ruščino v rabi glagolskih vidov, in sicer pri ponavljajočem se dejanju, v historičnem prezentu, v performativnih izjavah, v posplošnodejanski rabi, samo opozarja se na nekatere razlike v imperativu.

Slovenščina sodi v skupino slovanskih jezikov, v katerih je raba dovršnika precej bolj pogosta kot v ruščini. S. Dickey (2000) jo skupaj s češčino, slovaščino in lužiško srbščino uvršča v zahodno skupino, medtem ko sodi ruščina skupaj z beloruščino, ukrajiniščino in bolgarščino v vzhodno skupino. Razloge za te razlike v slovanskih jezikih skuša pojasniti več avtorjev. V okviru strukturalističnih obravnav vida Plotnikova (1998) npr. meni, da gre v ruščini na eni strani za privativno, medtem ko gre v slovenščini za ekvipolentno opozicijo med vidoma. Petruhina (2000, ki ne obravnava slovenščine, pač pa češčino in slovaščino) meni, da je v zahodni skupini jezikov opozicija med vidoma privativna v manjši meri kot v ruščini. Dickey (2000) se strukturalističnemu okviru odpoveduje in na podlagi kognitivističnega pristopa pripisuje obema vidoma v različnih skupinah jezikov drugačne predstave podlage: dovršniku celovitost in nedovršniku časovno neumeščenost v zahodni skupini in dovršniku časovno umeščenost in nedovršniku časovno neumeščenost v vzhodni skupini.

Ob teoretičnih razlagah se zdijo za praktične cilje posebno pomembne bolj specifične raziskave konkretnih pomenov nedovršnikov, sekundarnih nedovršnikov (procesualnost, iterativnost) in različnih vrst glagolskih dejanj.

Ključne besede: glagolski vid - slovenščina - ruščina

Близость словенского языка чешскому и словацкому по части употребления глагольного вида отмечалась в работах ряда авторов (Плотникова 1998, Derganc 1998, Dickey 2000). В этих языках зона употребления совершенного вида намного шире, чем в русском.

Одна из причин подобных отличий между словенским и русским языками может быть связана с набором временных форм глаголов совершенного вида, существующими в обоих языках. В русском языке глаголы совершенного вида имеют лишь две временные формы: прошедшего времени *я написал* и будущего

напишу, тогда как в словенском языке глаголы совершенного вида имеют три временные формы: настоящего *napišem*, прошедшего *sem napisal* и будущего *bom napisal*.

Ни русская форма *напишу*, ни словенская форма *napišem* для выражения ситуации актуального настоящего не используются. При этом, форма *напишу* в русском языке выражает, прежде всего, значение будущего действия и лишь периферически используется для выражения других значений, напр., значения абстрактного или неактуального настоящего, в то время как словенская форма *napišem* выражает, главным образом, значение абстрактного, неактуального настоящего, а также различные модальные значения и реже – значение будущего (Derganc 1998, 2003), ведь для выражения будущего совершенного имеется форма *bom napisal*. Таким образом, типичным соответствием для русского *напишу* в словенском будет *bom napisal*.

Завтра я непременно **напишу** это письмо и **отправлю** его. СВ
Jutri **bom** zagotovo **napisal** to pismo in ga **odposlal**. СВ

Формы глаголов совершенного вида типа *napišem* в словенском языке имеют, прежде всего, значение неактуального настоящего (напр. узуальное, повторяющееся действие) или модальные значения:

Kako hitro **napíšeš** 10 strani? СВ

Как быстро ты **можешь написать** (способен написать, обычно пишешь) 10 страниц?

Na dan **napišem** deset strani. СВ

В день я **могу написать** (способен написать, обычно пишу) десять страниц.

Хотя и в словенском языке встречается выражение значения будущего времени с помощью глаголов СВ настоящего времени (Toporišič 2000: 393), такое употребление в главном предложении менее обычно, чем форма с *bom*.

Итак, в словенском языке, совершенный вид свободно, часто или даже обязательно употребляется для выражения

- 1) повторяющегося или узуального действия как в настоящем, так и в прошедшем и будущем времени
- 2) исторического настоящего
- 3) в перформативных высказываниях
- 4) в общефактическом значении.

ПОВТОРЯЮЩИЕСЯ действия:

Об отличиях в этом значении писали Плотникова (1990), Derganc (1998), Dickey (2000). В словенском языке при обозначении повторяющегося действия очень часто можно употребить как НСВ, так и СВ вид:

Я каждое утро **встаю** в 7 часов. НСВ

Vsako jutro **vstajam / vstanem** ob 7h. НСВ/СВ

Это часто *случается*. НСВ
To se pogosto *zgodí /dogaja*. СВ/НСВ

Вечерний поезд обыкновенно *приходил* с опозданием. НСВ
Večerní vlak *je prišel/prihajal* ponavadi z zamudo. СВ/НСВ

Петрухина (2000: 70-71) отмечает, что в чешском языке у глаголов типа *получать*, которые с трудом развивают процессуальное значение (венделровский тип «достижение»), для обозначения повторения чаще употребляется НСВ вид. Кажется, что в словенском языке, это не так. И эти глаголы вполне нормально употребляются в СВ:

Vsak dan *dobim / dobivam* več pisem. СВ/НСВ
Ежедневно я *получаю* несколько писем. НСВ

При обозначении случайных нежелательных действий употребление НСВ глаголов (как и в чешском языке, ср. Петрухина 2000: 66) вообще невозможно:

Каждую неделю он *разбивает* что-нибудь из посуды. НСВ
Vsak teden *razbije* kako posodo. СВ
*Vsak teden *razbija* kako posodo. НСВ

Интересны примеры, когда в словенском языке очень трудно или вообще невозможно употребить НСВ вид для обозначения повторения действия. Кажется, что это случается при отсутствии вторичных имперфективов:

Известные примеры Исаченко

Каждое утро я *выпиваю* (НСВ) чашечку кофе и *съедаю* (НСВ) две булочки.
Он всегда *наедается* (НСВ) досыта.

в словенском языке могут быть выражены только глаголами СВ вида:

Vsako jutro *popijem* (СВ) skodelico kave in *pojem* (СВ) dve žemlji.
On se vselej *naje* (СВ) do sitega.

Дело в том, что в словенском языке вторичных имперфективов от глаголов *pojesti, popiti, najesti* se нет. Не употребляется *pojediti, najediti se* (хотя есть *prehajediti se*), а *popivati* имеет значение 'пьянствовать'. И так, кажется, что одна из причин употребления глаголов СВ вида – отсутствие вторичных имперфективов. Можно утверждать, что в словенском – как и в чешском, образование вторичных имперфективов менее частое явление, чем в русском.

Но иногда употребление НСВ вида для обозначения повторяющегося действия почти невозможно, несмотря на то, что вторичный имперфектив существует.

Я каждое утро *встаю* (НСВ) в 7 часов, *одеваюсь* (НСВ) и *иду* (НСВ) на работу.
Vsako jutro *vstanem/vstajam* ob 7h, se *oblečem* (СВ) / *?se oblačim* (НСВ) in *se odpravim* (СВ) / *?odpravljam* (НСВ) na delo.

В приведённом примере при употреблении НСВ глаголов *se oblačim* и *se odpravljam* на первый план выступает значение процессуальности. Первый глагол мог бы употребиться в НСВ, а следующие два с трудом. В этом примере, как нам кажется, употреблению СВ вида способствует синтаксический контекст: речь идёт о цепочке событий, а НСВ глаголы *oblačim se* и *odpravljam se* в этом контексте в слишком высокой степени сохраняют значение процессуальности.

К сожалению, насколько мне известно, точные условия употребления совершенного или несовершенного видов для выражения повторяющегося действия в словенском языке еще не были описаны, и я в настоящий момент этого также не смогу сделать. Однако, можно утверждать, что повторяющееся действие с большей вероятностью будет обозначено СВ глаголом, при отсутствии вторичного имперфектива, а также в случае цепочки действий.

Проиллюстрируем использование глаголов совершенного вида при выражении повторяющегося действия в словенском языке несколькими примерами из пьес Андрея Хинга, при переводе которых русская переводчица прибегает к глаголам несовершенного вида.

Vem, kako se *včasih zdrzneš*, če se v mraku *prikažem* na stopnicah. (8)
Ты до сих пор *вздрагиваешь*, когда меня в темноте на лестнице *встречаешь*. (194)

Zmerom se ne posreči. (31)
Да, не *всегда* *получается*. (214)

V svinjaku se *rade zaredijo* podgane. (63)
В свинарниках *часто* крысы *заводятся*. (240)

Kadar gre sapa skozi krošnje, *zaprem* in si mislim, da *šumijo* kaplje. (...) *Včasih* komaj *upognem* prste (8)
Когда ветер колышет кроны деревьев, я *закрываю* глаза и мне кажется, что я слышу, как стучат капли (...) *Иногда* я с трудом *сгибаю* пальцы. (120)

Takele pesmi *zmeraj sežejo* v srce. (17)
Такие песни *всегда* *западают* в душу. (128)

Izgubljeni sin *zabrede* v lumparije. *Zmerom*. (26)
Блудный сын *всегда* *попадает* в дурную компанию. (135)

Kako pa *opravite* z mišmi in podganami?
Meni vse *pobegnejo* (...)
Strup *kupimo*, pa ga *nastavimo*. (32)

А как вы *обходитесь* с мышами и крысами?
От меня все *убегают* (...)
Мы *покупаем* ядовитые средства и *рассыпаем*. (140-141)

Če si jo kličem v spomin, se mi *razblini* v nekakšno meglo (...) (33)
Иногда я пытаюсь вспомнить ее лицо, но оно *расплывается* перед глазами как в тумане. (141).

Историческое настоящее:

В историческом настоящем в словенском языке видовые характеристики глаголов сохраняются неизменными: т.е. те глаголы, которые в прошедшем времени были выражены формой совершенного вида, и в историческом настоящем остаются в том же качестве, а те, которые были в форме несовершенного вида, таковыми будут и в настоящем времени. Нет автоматизма при замене СВ на НСВ, характерного для русского языка.

В русском языке предложение (пример из Зализняк-Шмелев)

Он **вошел** (СВ) в дом, **поднялся** (СВ) по лестнице, **открыл** (СВ) дверь, **поставил** (СВ) чемодан, **зажег** (СВ) свет, **сел** (СВ) в кресло и **закурил** (СВ) сигару.

в настоящем историческом трансформируется в следующее:

И вот на следующий день он **входит** (НСВ) в дом, **поднимается** (НСВ) по лестнице, **открывает** (НСВ) окно, **ставит** (НСВ) чемодан, **зажигает** (НСВ) свет, **садится** (НСВ) в кресло и **закуривает** (НСВ) сигару.

В словенском языке никаких замен вида не происходит. То что выражалось в прошедшем с помощью глаголов НСВ вида, так же выражается в настоящем историческом, а то, что в прошедшем выражалось СВ, СВ видом выражается и в настоящем историческом:

Vstopil je (СВ) v hišo, **se povzpel** (СВ) po stopnicah, **odprl** (СВ) vrata, **odložil** (СВ) kovček, **prižgal** (СВ) luč, **sedel** (СВ) v naslonjač in **prižgal** (СВ) cigaro.
Naslednjega dne **vstopi** (СВ) v hišo, **se povzpne** (СВ) po stopnicah, **odpre** (СВ) vrata, **odloži** (СВ) kovček, **prižge** (СВ) luč, **sede** (СВ) v naslonjač in **prižge** (СВ) cigaro.

Перформативные высказывания:

В словенском языке использование глагола совершенного вида в настоящем времени в перформативных высказываниях является достаточно распространенным явлением, выделяющим его на фоне других славянских языков (Торогиšič 2000: 391, Derganc 1992-93, Derganc 1996). Однако, нельзя утверждать, что в словенском языке в перформативных высказываниях в основном употребляется глагол совершенного вида (как иногда, по недоразумению, можно встретить в литературе). Вопрос о том, в каком виде можно употреблять перформативный глагол, приходится особо решать для каждого случая в отдельности. У многих глаголов преобладает совершенный вид, напр. *vdam se* (сдаюсь), *priznam* (признаюсь), у большого числа возможно и распространено употребление обоих видов, напр. *obljubim/obljubljam* (обещаю), *prisežem/ prisegam* (клянусь), многие же преимущественно или исключительно используются в несовершенном виде, напр. *prosim* (прошу), *predlagam* (предлагаю). Несмотря на это можно утверждать, что в словенском языке использование совершенного вида в перформативах является достаточно частым явлением. Особенно это заметно, если сравнить

переводы примеров, приведенных Остином в его книге "How to do Things with Words" на русский и словенский языки:

В русском языке НСВ:

я **беру** Джорджа (40)
я **дарю** (45)
я **оправдываю** его (48)
я **объявляю** войну (49)
продаю (51)
я **прощаю** (51)
я **милую** (51)
я **разрешаю** вам закрыть (70)

В словенском СВ:

izberem Georgea (36)
dam (40)
oprostim (45)
napovem vojno (45)
prodam (47)
odpustim (48)
pomilostim (48)
dovolim vam, da zaprete (70)

Общефактическое значение:

В словенском языке употребление НСВ вида в общефактическом значении в многих случаях похоже на аналогичное же употребление в русском языке, как видно из следующих диагностических предложений:

Вы **читали** (НСВ) Войну и мир?
Ste **brali** (НСВ) Vojno in mir?

Кто **строил** (НСВ) Зимний Дворец?
Kdo je **zidal** (НСВ) Zimski dvorec?

Вы сегодня уже **обедали** (НСВ)?
Ste danes že **kosili** (НСВ)?

Но, так же, как в примере Петрухиной применительно к чешскому и словацкому языкам (2000: 74), и в словенском русская реплика:

Доктор Орлов, если я не ошибаюсь? Мы **встречались** (НСВ) на симпозиуме генетиков в Варне.

потребует СВ вида глагола *srečati* (встретить):

Doktor Orlov, če se ne motim. **Srečala** (СВ) sva se na simpoziju genetikov v Varni.

Если употребить НСВ **Srečevala* sva se na simpoziju ... , то действие скорее всего, будет воспринято как повторяющееся. В словенском языке, гораздо реже, чем в русском, на первый план выступает т. н. нейтральное значение НСВ вида, только называющее действие – без значения процессуальности или итеративности.

Приведём несколько примеров, где при переводе с русского на словенский язык несовершенный вид заменяется совершенным.

Вот- вот! – **отвечал** (НСВ) я в восторге. – *Вот и мне, и мне тоже – желанно мне это, но ничуть не нужно!* (Ерофеев: 25)

Saj , saj, sem odgovoril (СВ) *zanosno. – Tudi jaz, tudi jaz sem si to zaželel, potrebno pa mi ni!* (Jerofejev: 21)

Будете что-нибудь **заказывать** (НСВ)? (Ерофеев: 20)

Boste kaj naročili (СВ)? (Jerofejev: 14)

Hu kak, nadumali? Будете брать (НСВ) *что-нибудь?* (Ерофеев: 21)

No, ste se spomnili? Kaj boste naročili (СВ)? (Jerofejev: 15)

Особенно интересен следующий пример, где речь идёт о переводе со словенского на русский язык. В контексте *Никто никогда ...* в словенском языке употреблён совершенный вид (*stopil*), а в русском несовершенный (*вставал*). В словенском языке можно было бы употребить и несовершенный вид (*stopal*), но автор выбрал совершенный вид, так как в глаголе несовершенного вида значение процессуальности или итеративности сохраняется в большей степени.

Таšča: *[.../ Nihče ni nikoli stopil* (DOV) *med njo in mene, kar je bilo, je bilo zmeraj samo za naju.* (Hieng: 31)

Теща: *[.../ Никто никогда не вставал* (ND) *между нами. Все, что с нами было, мы переживали вдвоем.* (Хинг: 314)

Дики (2003: 189-90) отмечает, что несовершенный вид в словенском языке при выражении общефактического значения невозможен при вендлеровских глаголах достижения, что очень вероятно, но тем не менее, для подтверждения этого предположения следовало бы провести более широкий анализ примеров.

Императив:

В связи с менее частым употреблением несовершенного вида в словенском языке следует упомянуть и тот факт, что в словенском языке практически не употребляется несовершенный вид в этикетных приглашениях, побуждениях, грубых требованиях и т. д. в контексте ожидаемости действия (Derganc 2003, Venacchio 2005: 97, Sever-Derganc 2006: 123-4):

Проходите, садитесь ... НСВ

Vstopite, sedite ... СВ

Vstavaй, проклятьем заклеменный ... НСВ

Vstanite, v suženjstvo zakleti ... СВ

Давай часы ... НСВ

Daj uro ... СВ

Заключение

Эти различия в употреблении, а значит и в значении видов в славянских языках различными авторами толкуются по-разному. Оппозиция между совершенным и несовершенным видами в русском языке обычно считается привативной. О. С. Плотникова (1998) предлагает считать оппозицию между совершенным и несовершенным видом в словенском языке эквиолентной. Е. В.

Петрухина (1998, 2000) предлагает считать оппозицию между совершенным и несовершенным видом в чешском и словацком – а к этой группе примыкает и словенский язык – привативной в меньшей степени, чем в русском. На конгрессе славистов в Охриде в 2008 г. А. В. Бондарко с таким объяснением не согласился. По его, мнению оппозиция является либо привативной, либо нет, при этом, он не признаёт никакой градуальности. Дики (2000) вообще отказывается от структуралистского понятия оппозиций. На основании когнитивистского подхода характерной чертой СВ вида для западной группы славянских языков он считает цельность, а для НСВ временную нелокализованность. В какой-то степени можно принять все эти позиции. Как Петрухина (2000) так и Дики (2000) отмечают разхождения в концептуализации параметров протекания действия во времени в сравниваемых языках. Для практических целей плодотворным оказывается подход Петрухиной, а именно, исследование различий в видовых значениях различных семантических типов глаголов, различия в образовании вторичных имперфективов, а также в акциональном словообразовании. Интересно, что обычно в словарях не указывается, имеет ли несовершенный глагол процессуальное значение или нет, хотя это для видового поведения глаголов очень важно. Но с другой стороны это и понятно, ведь в специфическом контексте всегда могут возникнуть новые оттенки значений.

Литература:

- Rosanna Benacchio, 2005: Употребление глагольного вида в утвердительных формах императива в славянских языках. Padova: Pubblicazioni del Dipartimento di Lingue e letterature anglo-germaniche e slave. Sezioni di Slavistica. Università di Padova.
- Aleksandra Derganc, 1992-93: Несколько заметок в связи с перформативными глаголами в русском и словенском языках. *Filologija* 20-21, 67-74.
- , 1996: Iaz ze zaglagolo Zlodeiu (K vprašanju glagolskega vida v slovanskih jezikih v performativnih izjavah). *Zbornik Brižinski spomeniki*. Ljubljana: Znanstvenoraziskovalni center SAZU, Inštitut za slovensko literaturo in literarne vede. 185-193.
- , 1998: Einige Unterschiede im Gebrauch des perfektiven bzw. des imperfektiven Praesens im Russischen und Slowenischen. *Ars transferendi. Sprache, Uebersetzung, Interkulturalitaet* Ur. D. Huber /E. Worbs. Peter Lang. 55-63.
- , 2002: Некоторые различия в употреблении глаголов совершенного-несовершенного видов в настоящем времени в русском и словенском языках. *Филологические заметки*. Под ред. М. П. Кутуровой и И. Н. Щукиной. Пермь: Пермский университет.
- , 2003: Nekatere razlike v rabi dovršnega oz. nedovršnega vida v ruščini in slovenščini. *Slavistična revija*, letn. 51, posebna št., 67-79.
- , 2010: *Še nekatere razlike v rabi glagolskih vidov v ruščini in slovenščini*. *Slavistična revija*, letn. 58, 73-80.
- Stephen DICKEY, 2000: *Parameters in Slavic Aspect*. Stanford, California: Center for the Study of Language and Information.
- , 2003: Verbal Aspect in Slovene. *Sprachtypologie und Universalienforschung = Language typology and Universals*, vol. 56, issue 3. Berlin: Akademie Verlag, 182-207.
- А. В. Исаченко, 1960: *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким*. Морфология. Часть вторая. Братислава: Издательство словацкой Академии наук.

- Е. В. Петрухина, 1998: Сопоставительная типология глагольного вида в современных славянских языках (на материале русского, западнославянских и болгарского языков). *Типология вида. Проблемы, поиски, решения*. Отв. Ред. М. Ю. Черткова. Москва: Школа «Языки русской культуры», 356-363.
- , 2000: *Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*. Москва: Издательство МГУ.
- О. С. Плотникова, 1990: *Словенский язык*. Москва: Издательство московского университета.
- , 1998: Проблемы сопоставительного изучения славянского вида в диахронии. *Типология вида. Проблемы, поиски, решения*. Отв. Ред. М. Ю. Черткова. Москва: Школа «Языки русской культуры», 364-370.
- Jože Sever, Aleksandra Derganc, 2006: *Ruska slovnica po naše*. Ljubljana: Cankarjeva založba.
- Jože Toporišič, 2000: *Slovenska slovnica*. Maribor: Obzorja.
- А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев, 1997: *Лекции по русской аспектологии*. Slavistische Beiträge. München: Verlag Otto Sagner.
- John Austin, 1987: *Kako napravimo kaj z besedami*. Ljubljana: ŠKUC & Znanstveni inštitut Filozofske fakultete.
- Дж. Остин, 1986: Слово как действие. *Новое в зарубежной лингвистике XVII*. Москва: Прогресс.
- Венедикт Ерофеев, 1990: *Москва-Петушки*. Москва: Издательство СП «Интербук».
- Venedikt Jerofejev, 1980: *Moskva-Petuški*. Prevedel Drago Bajt. Ljubljana: Cankarjeva založba.
- Andrej Hieng, 1979: *Večer ženinov*. Maribor: Obzorja.
- Андрей Хинг, 1984: *Блудный сын и другие пьесы*. Перевод Н. Вагаповой. Москва: Радуга.

Aleksandra DERGANC

SOME DIFFERENCES IN THE USE OF VERBAL ASPECT IN RUSSIAN AND SLOVENE

Summary

In this paper some differences in aspectual usage between Slovene and Russian are briefly discussed, namely in habitual events, in the historical present, in performatives and in the simple confirmation of past actions. Some differences in the imperative are mentioned.

In Slovene, as observed before (e. g. Plotnikova, Derganc, Dickey), the perfective aspect is more widely used than in Russian. On this ground Dickey (2000) proposes a western group of Slavic languages, including Slovene, Czech, Slovak and Sorbian, and an eastern group, including Russian, Belarusian, Ukrainian and Bulgarian. Several linguists attempted to account for these differences in Slavic languages. Plotnikova (1998) proposes to consider the opposition between the two aspects as equipotent in Slovene and as privative in Russian. Petruhina (2000, who compares several Slavic languages, but not Slovene) proposes to consider the opposition between the two aspects privative in a higher degree in Russian and in a lesser degree in Czech and Slovak. According to Dickey (2000) the behaviour of aspects in the two groups reflects a difference in the conceptual categories underlying aspect in the two groups, the western aspect being organized around the concept of totality and the eastern concept being organized around the definiteness of a situation in time.

For a better understanding of the differences in aspectual usage in Slavic languages the research of specific meanings of imperfective verbs (the ability to express processes and/or iterativity) and different types of Aktionsart in Slavic languages seems to be useful and promising.

Key words: verbal aspect - Slovene - Russian

Владимир М. ТРУБ

Інститут української мови НАН України, Київ
trub44@ukr.net

ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ЧЛЕНОВ ВИДОВЫХ ГРУПП В ИМПЕРАТИВЕ

В статье «традиционная» видовая пара, состоящая из двух аспектуально противопоставленных глагольных форм, рассматривается как частный случай видовой группы, в которой исходной глагольной форме сопоставлено произвольное множество глаголов противоположного вида, по-разному обозначающих ту же самую ситуацию.

Исследуются особенности поведения членов видовых групп при смене изъявительного наклонения на повелительное. Одна из функций видового противопоставления императивных глагольных форм часто связана с выражением первичности / не первичности побуждения. Показано, что возможности варьирования вида императивного глагола зависят и от характера иллокутивной функции, которая выражается в побуждении.

Предлагается классификация побуждений, которая основывается на учёте комбинаций независимых параметров:

- 1) в побуждении предписывается немедленное выполнение волеизъявления говорящего или же допускается его отсроченное осуществление;
- 2) допускает ли побуждение свободу выбора адресата относительно его осуществления.

Рассматривается ряд признаков, диагностирующих тип, к которому с точки зрения данной классификации относится то или иное побуждение.

Анализируются особенности побуждений, призывающих к совместной деятельности говорящего и адресата.

Ключевые слова: глагольный вид, видовая группа, видовое противопоставление, императив, побуждение, иллокутивная функция

Как известно, с точки зрения современных аспектологических исследований часто правомерно говорить о существовании целых видовых групп, частным случаем которых являются видовые пары, состоящие только из двух аспектуально противопоставленных глагольных форм. В видовой группе (ср. термин «аспектуальный многочлен», предложенный в [Boguslawski A. 2000]) исходной глагольной форме может быть сопоставлено то или иное множество глаголов противоположного вида. Данные глаголы, обладая одной и той же видовой характеристикой, могут контрастировать между собой по признакам типа 'комплетивность (предельность)', 'начинательность', 'делимитативность', 'полнота

проявления признака' и т.д. Ср., например, видовую группу, образуемую формой НСВ *петь* 'воспроизводить музыку голосом': {*петь* – *спеть* – *запеть* – *попеть* – *напеться*}. Критерий отнесения глагола к определённой видовой группе основывается на невозможности обнаружения глагольной формы, которая, подобно первому члену данной группы, описывала бы (пусть и по-разному) одну и ту же ситуацию и при этом имела видовую характеристику, противоположную данному глаголу. Например, согласно этому критерию в данную видовую группу не входит форма СВ *напеть*, поскольку она образует «собственную» видовую пару с формой НСВ *напевать*. (Заметим, что между членами этой пары существует интересное семантическое различие: в отличие от *напевать*, *напеть* имеет обязательную семантическую и синтаксическую валентность адресата [Апресян 1974] – ср. *напеть Ивану арию Нормы*, тогда как *напевать* что-либо можно и в полном одиночестве). Форма СВ *спеть* указывает на то, что субъект воспроизвёл голосом музыкальную последовательность, которая может образовывать некоторую структурированную целостность (оперную партию, арию, песню, куплет, мелодию, музыкальную фразу), а может и не быть таковой (ср. такт, часть такта или даже одна нота). Форма же СВ *допеть* (образующая видовую пару с НСВ *допевать*) указывает, что субъект, который до момента наблюдения воспроизвёл голосом часть целостной музыкальной последовательности, затем воспроизвёл остальную её часть. Ср. в связи с этим аномальность **Он допел ноту*.

В то же время возможны и одноэлементные группы, содержащие только один глагол, для которого не существует противоположной видовой глагольной формы – ср., с одной стороны, форму НСВ *запевать* в значении 'сольное начало исполнения хорового произведения' и, с другой стороны, форму СВ *совладать с Р* 'достичь цели в слабо контролируемой ситуации, обусловленной фактором Р'. Между тем очень близкая по значению форма СВ *справиться с Р* образует видовую пару с НСВ *справляться с Р*. А вот его украинский СВ-эквивалент *впоратися* образует только одноэлементную группу, поскольку для него не существует параллельной формы НСВ.

Представляет интерес изучение поведения членов видовых групп при смене изъявительного наклонения на повелительное.

Как известно, одно из важных свойств противопоставления глагольного вида в императиве состоит в проявлении вежливости или разных степеней её нарушения [Падучева 1996, Бенаккьо 2002, Зорихина-Нильссон 1998]. Вежливость обеспечивается использованием в диалоге языковых средств, свидетельствующих о том, что каждый из участников коммуникации постоянно заботится о предотвращении каких-либо проявлений враждебности к собеседнику. При этом оба коммуниканта должны стремиться сохранить в процессе общения тот вид отношений, который их изначально связывает, либо соответствовать функциональному характеру взаимодействия, в котором они, общаясь, участвуют – ср. отношения типа начальник / подчинённый, хозяин / гость, работник сферы обслуживания / клиент и т.д. В этих случаях должна проявляться забота о сохранении равных (симметричных) или ассиметричных позиций субъектов общения. Так, зависимый старается продемонстрировать

неизменность своей более низкой позиции (постоянной или ситуативной) по отношению к более высокому собеседнику. Напротив, доминирующий участник заботится о том, чтобы не злоупотреблять во вред зависимому своей более высокой позицией.

При исследовании эффектов вежливости / невежливости, возникающих при употреблении глагольных форм СВ и НСВ в императиве, важно, помимо прочего, учитывать фактор первичности / непервичности идеи о действии, к которому говорящий побуждает слушающего. Как показано в работе [Шатуновский 2002], употребление формы СВ нормативно указывает на первичность побуждения, т.е. его неожиданность или по крайней мере изначальную неочевидность для слушающего – до момента речи он не знал, к чему будет побуждён. В то же время форма НСВ маркирует повторный, «настойчивый» характер побуждения – подталкивание адресата к непосредственному выполнению акции, к которой он был побуждён ранее – ср. также [Падучева 1996: 77].

В других случаях употребление императивной формы НСВ не свидетельствует о том, что то же побуждение было ранее выражено формой СВ, поскольку оно может быть мотивировано как само собой разумеющееся в данной ситуации, т.е. одинаково очевидное и для говорящего, и для слушающего – ср. примеры вежливого предложения в ситуации типа «хозяин – гость», приведенные в [Падучева 1996: 77]: (1) *Проходите! Раздевайтесь! Садитесь!* В иных условиях употребление форм НСВ может быть обусловлено мгновенной оценкой ситуации только говорящим – ср. окрики (2) *Беги, беги!*; (3) *Берегись!*; (4) *Ложись!*, нацеленные на то, чтобы адресат избежал реальной опасности, в которой оказался. Ср. неуместность употребления в этих ситуациях форм СВ *Пройдите!*; *Разденьтесь!*; *Сядьте!* *Побеги!*; *Ляг!*

В то же время идея о действии, к которому говорящий побуждает слушающего, может первоначально исходить и от другого участника коммуникации. В подобных случаях побуждение чаще всего является реакцией на определённый вид просьбы или предложения, с которым адресат побуждения ранее обратился к говорящему. В рамках акта просьбы можно выделить по крайней мере два её вида:

а) просьба как первичное побуждение, адресованное собеседнику – ср. (5) *Стой(те) что-нибудь!*

б) просьба как запрос о разрешении – предоставлении зависимому адресату права на выполнение той или иной акции.

Если говорящий, занимающий постоянно или ситуативно более высокую позицию относительно слушающего, даёт ему санкцию на осуществление желательного действия, то сам иллокутивный акт разрешения представляет собой побуждение, нормативно выражаемое посредством глагольной формы НСВ. Ср. пример (6), формально совпадающий с (2), но с другой, «спокойной», интонацией: (6) *Беги, беги (я сам справлюсь...)*, в котором предполагается, что

ранее слушающий обратился к говорящему с просьбой отпустить его (например, уйти раньше времени из конторы или офиса).¹

Возможны, однако, ситуации, когда использование формы НСВ для выражения реакции на просьбу адресата оказывается не вполне адекватным. Как показано в работе [Падучева 1996: 78], намного более предпочтительной реакцией на просьбу гостя (8) *Можно, я открою окно?* служит побуждение с формой СВ: (8а) *Откройте!* Как справедливо отмечает Е.В. Падучева, в подобных репликах выражается «присоединение говорящего к желанию собеседника». Тем самым (8а) демонстрирует полное единодушие, указывая, что говорящему станет лучше от того же положения дел (окно открыто), от которого станет лучше собеседнику. Заметим, что в данной ситуации ещё большая степень вежливости была бы достигнута в выражении смысла 'говорящему станет хуже, если слушающему не станет лучше', т.е. если окно не будет открыто. Такой смысл мог бы быть приблизительно выражен репликой типа *Конечно, конечно, откройте!* или фразой *Да-да, конечно*, дополненной прагматической реакцией говорящего, когда он сам бросается к окну и распахивает его.

Употребление же формы НСВ (8б) *Открывайте!*, формально представляющее собой разрешение, в данной ситуации существенно менее уместно, поскольку выражая своего рода **непротивление** говорящего, привносит оттенок невежливости. Ведь тем самым говорящий демонстрирует своё безразличие к тому, что слушающий, открыв окно, сделает себе лучше. Между тем этикет гостеприимства не поощряет безразличие хозяина к актуальным желаниям гостя.

Ещё одним видом побуждения является положительная реакция говорящего на типичное для сферы обслуживания ранее высказанное предложение оказать ему ту или иную услугу. Ср. примеры, приводимые в работе [Зорихина-Нильссон 1998]: (9) *Вас подвезти?*; (10) *Вам нарезать?* В ответах на подобные вопросы оптимальным также является употребление форм СВ: (9а) *Подвезите!*; (10а) *Нарежьте!*. Следует подчеркнуть, что в таких случаях (так же, как и в (8а)) употребление форм СВ вполне закономерно, поскольку (9а – 10а), так же как и (8а) выражают иллокутивный акт **первичной** просьбы. Ведь первоисточником любого побуждения является желание говорящего, чтобы адресат осуществил то или иное действие. И формы СВ в (9а) и (10а) как раз отражают тот факт, что высказанное ранее адресатом предложение услуги стало причиной **пробуждения** у говорящего желания, чтобы эту услугу ему оказали (что-то ему нарезали или подвезли). В то же время употребление говорящим форм НСВ (ср. (9б) *Нарезайте!*; (10б) *Подвозите* создаёт эффект невежливости, который объясняется

¹ Здесь уместно упомянуть часто приводимый С.В. Кодзасовым пример фразы (7) *Беги, беги*, произносимой со «злорадно-саркастической» интонацией и не являющейся побуждением. Она выполняет функцию «репортажа» о злорадной эмоции говорящего, вызванной наблюдением за бегом лица, к которому говорящий (по крайней мере в момент речи) относится негативно. Подобные фразы могут быть даже не обязательно нацелены на то, чтобы быть услышанными адресатом. Их необходимым свойством является неперемнная дублетность (повтор) императивных форм НСВ, которые их образуют. В то же время в реальных побуждениях типа (2) и (6) повтор образующих элементов не является обязательным.

непротивлением, отражающем безразличие говорящего к благожелательной услуге, предлагаемой собеседником, т.е. безразличие к тому, что ему же хотят сделать лучше.

В приводимых в [Падучева 1996:80] примерах (11 – 12) отражён другой тип употребления НСВ как неадекватной реакции, создающей перлокутивный эффект: (11) *Я стрелять буду – Стреляй!;* (12) *Схластики! Я штрафовать вас буду! – Штрафуй нас, товарищ всемирный академик!* Здесь говорящий посредством форм НСВ вместо ожидаемой эмоциональной реакции (протест в ответ на угрозу) демонстрирует своё безразличие к тому, что собеседник готов применить против него заведомо негативное воздействие, т.е. к тому, что ему хотят сделать плохо.

В рамках рассмотрения различных языковых средств, выражающих побуждение, особый интерес представляет развившаяся относительно недавно форма побуждения, распространённая преимущественно в различных сферах обслуживания. Речь идёт о структурах в изъявительном наклонении с восклицательной интонацией, образуемых глаголом настоящего времени в первом лице множественного числа. При этом обязательно отсутствует подлежащее – субъектный актант, который должен быть нормативно выражен местоимением в первом лице множественного числа (*мы*). Обращение адресовано лицу или лицам, которые «здесь и сейчас» находятся в «пространстве говорящего», т.е. по крайней мере могут его услышать. Ср. обращения, типичные для общественного транспорта базара или поезда: (13) *Проходим дальше в салон!;* (14) *Оплачиваем проезд!;* (15) *Готовим паспорта!;* (16) *Сдаём постель – через час Москва!;* (17) *Берём творожок!;* (18) *Забираем капусту!;* (19) *Универсальные ножи, заточки! Подходим, смотрим, интересуемся, приобретаем!* Примечательно, что несмотря на использование глагола в первом лице множественного числа, говорящий, побуждающий к тому или иному действию, не входит во множество его потенциальных исполнителей (как это предусмотрено в аналитических и редких синтетических повелительных глагольных формах первого лица множественного числа, обозначающих акции, в которых говорящему предписывается исполнять такую же роль, что и адресатам его побуждения – ср.: *пойдёмте, споёмте, давайте сходим на пляж, но *сходимте...*). Если он и становится его участником (что в принципе не обязательно – ср. (13) *Проходим дальше в салон!*), то ему отводится другая (не субъектная) актантная роль – чаще контрагентная – ведь он призывает, чтобы **ему** оплатили проезд или чтобы **у него** купили творог или капусту. Эта достаточно вежливая форма побуждения адресована как тем, кто в принципе обязан выполнить соответствующую акцию (ср. (14) *Оплачиваем проезд!;* (15) *Готовим паспорта!*), так и любому потенциальному клиенту с целью вызвать у него желание приобрести товар, которым располагает говорящий или инстанция, уполномочившая его для рекламы.

Любое побуждение может быть охарактеризовано с позиции по крайней мере двух независимых параметров:

1) предписывается ли им немедленное или же «отсроченное» выполнение побуждаемой акции;

2) предусматривает ли побуждение свободу выбора адресата, т.е. допускает или не допускает отказ от его выполнения.

Учёт возможных комбинаций значений этих параметров позволяет различать по крайней мере четыре вида побуждений, предписывающих:

1) немедленное выполнение без свободы выбора (ср. (20) *Зайдите ко мне!* (2) *Беги, беги!*; (6) *Беги, беги (я сам справлюсь)*; (13) *Проходим дальше в салон!*; (14) *Оплачиваем проезд!*; (15) *Готовим паспорта!*; (16) *Сдаём постель (через час - Москва)*);

2) немедленное выполнение со свободой выбора (ср. (22) *Заходите!*; (23) *Попробуйте (пробуйте) мой салат!*; (17) *Берём творожок!*; (18) *Забираем капусту!*; (19) *Универсальные ножи, заточки! Подходим, смотрим, интересуемся, приобретаем!*

3) несрочное выполнение без свободы выбора: (24) *Зайдите ко мне завтра!*

4) несрочное выполнение со свободой выбора: (25) *Женись на Лизе!*; (26) *Выходите замуж!*; (27) *Берегите природу!*

Важно отметить, что перечисленные параметры характеризуют побуждения с точки зрения их субъекта – говорящего. Естественно, что по той или иной причине адресат может вообще проигнорировать любое побуждение независимо от его типа. Не претендуя на сколько-нибудь полное описание, мы постараемся указать хотя бы несколько признаков-критериев, на основе которых определяется тип побуждения.

Одним из важных признаков является общеизвестное представление о временном интервале, нормативно необходимом для выполнения побуждаемого действия, на что косвенно указывает семантический тип глагольного предиката [Булыгина 1982, Падучева 1996, Апресян 2009: 14 – 100], используемого для его обозначения.

К волеизъявлениям, предусматривающим немедленное выполнение без свободы выбора, относятся первичные побуждения, предписывающие осуществление «точных», мгновенных действий – ср. *Открой(те) окно!*; *Закрой(те) дверь!*; *Вскрой(те) конверт!*; *Распакуй(те) сумку!* Ту же функцию выполняют императивные формы глаголов, описывающих изменение положения в пространстве [Апресян 2009: 14 – 100] – ср. *Встань(те)*; *Сядь(те)*, а также формы НСВ тех же глаголов, выражающие побуждения, закономерно мотивированные самой ситуацией: *Вставай(те)* (говорящий утром будит слушающего); *Садитесь* (в ситуации «хозяин – гость»). Такие побуждения обусловлены кооперативными взаимоотношениями между обоими коммуникантами – ср., например, (2), либо исходной (закономерной или ситуативной) доминанцией говорящего над слушающим – ср. (6).

К тому же типу относятся побуждения к краткосрочному процессуальному действию с достаточно быстрым достижением его предела: *Развернись(тесть)!*

Использование же форм НСВ большинства приведенных глаголов (ср. *Открывай(те), Закрывай(те)!, Вскрывай(те)!, Распаковывай(те)!*) является средством выражения вторичного побуждения [Шатуновский 2002], нацеленного на то, чтобы вновь «подтолкнуть» слушающего к немедленному выполнению ранее предписанной акции или же к тому, чтобы начать её осуществление – ср. *Разворачивайся (тесь)!* Правило, согласно которому императивные глагольные формы СВ указывают на первичное побуждение, а формы НСВ – на повторное или обусловленное конкретной ситуацией, распространяется на волеизъявления, предусматривающие их немедленное выполнение.

Побуждения в форме СВ от глагола, нормативно обозначающего ту или иную **способность** [Апресян 2009: 17] (ср. *петь, играть на фортепиано* и т.д.), выражают просьбу говорящего, чтобы слушающий проявил свою индивидуальность, продемонстрировав эту способность: (28) *Стой(те) что-нибудь (арию Нормы...)*. При этом слушающему, естественно, предоставляется свобода выбора относительно исполнения просьбы. В подобных случаях, конечно, имеется в виду, что произведение, которое ему предстоит спеть, является не очень большим – ср. (29) *?Спой мне концерт Глиера для голоса с оркестром*. Если во фразе содержится временной показатель, указывающий на тот или иной момент в будущем (т.е. не совпадающий с моментом речи), то имеется в виду, что побуждение предусматривает отсроченное выполнение со свободой выбора: (30) *Спой завтра (на конкурсе...) арию Нормы*. В этом случае оно воспринимается скорее как совет.

Побуждения к действиям, которые обозначаются «моментальными» глаголами, не имеющими актуально-длительного значения в настоящем времени [Падучева 1996], но тем не менее занимающие достаточно длительный временной интервал, обычно относятся к отсроченным со свободой выбора – ср. (25) – (26). Такую же интерпретацию получают побуждения, выражаемые императивными глагольными формами, обозначающими ту или иную **деятельность** [Апресян 2009: 17] – ср. (27), а также (30) *Налаживайте производство удобрений на местах!*

Недавно развившиеся формы побуждений, употребляемые в различных сферах обслуживания, всегда нацелены на их немедленное выполнение адресатами. При этом волеизъявления, исходящие от лиц, обладающих ситуативной доминантностью над слушающими, предусматривают отсутствие у последних свободы выбора – ср. (13 – 16). Если же такой доминантностью говорящий не обладает, то адресат сохраняет свободу выбора за собой – ср. (17 – 19). По естественным причинам в подобного рода побуждениях не могут использоваться глаголы, обозначающие деятельности – ср.: (31) * *Бережём природу!* или (32) *Налаживаем производство удобрений на местах*, которое не имеет иллюкутивной функции побуждения.

Представляет также значительный интерес исследование семантических эффектов вариативности видовой формы глагола, выступающего в роли не только главного, но и семантически подчинённого предиката. При этом особо важным становится учёт взаимодействия индивидуальных особенностей лекси-

ческих значений обоих предикатов. Например, структура *нельзя P сов.* нормативно указывает на невозможность осуществления действия P или перехода в состояние P – ср. (33) *Нельзя открыть кран*; (34) *Здесь нельзя уснуть*. Между тем структура *нельзя P несов.*, опираясь на презумпцию принципиальной возможности осуществления P, указывает на нежелательность или неправомочность его совершения и тем самым побуждает отказаться от соответствующего намерения: (35) *Нельзя откручивать кран!* В то же время сочетания вида *Не надо (не нужно, не стоит, не следует) P*, которые также опираются на презумпцию возможности осуществления P адресатом речи, допускают употребление подчинённого предиката только в форме НСВ и, подобно (35), выполняют функцию только запрета или рекомендации к отказу от действия: (36) *Не надо (не нужно, не стоит, не следует...) откручивать кран (туда идти)*. Они не способны подчинять глагол в форме СВ: (37) **Не надо (не нужно, не стоит, не следует...) открутить кран (туда пойти)*. Дело в том, что у этих форм, в отличие от предикатива *нельзя*, отпадает необходимость в различении смыслов 'возможность' / 'невозможность', так как такая неоднозначность в их значениях попросту отсутствует. Поскольку же средством маркирования смысла 'невозможность' является форма совершенного вида, то сочетание этих форм с инфинитивом *Рсов.* приводит к противоречию. Примечательно, что это же свойство сохраняется и у глагольных форм, используемых для эксплицитного дескриптивного (описательного) выражения той же иллокутивной функции: (38) *Он запретил Ивану туда идти (ходить)*, но (39) *?Он запретил Ивану туда пойти (сходить)*.

В рамках типологических исследований особенно показательно сопоставление средств выражения побуждения к совместному действию говорящего и слушающего. Как известно, регулярным средством обозначения такого побуждения служит аналитическая структура, образуемая глаголом-частицей *давай(те)* в сочетании с личной формой глагола в изъявительном наклонении будущего времени в первом лице множественного числа, чаще всего без употребления субъектного актанта данного глагола в форме местоимения *мы*. При этом глагольная форма может употребляться как в НСВ, так и в СВ: *давай(те) будем петь – давай(те) споём (запоём, попоём...)*. Кроме того глагол может быть выражен и инфинитивной формой НСВ, но не СВ: *давай(те) петь*, но **давай(те) спеть*. Ряд русских глаголов из очень ограниченного списка допускают образование синтетических императивных форм, преимущественно СВ: *пойти – пойдёмте, пройти – пройдёмте, сойти – сойдёмте, спеть–споёмте, идти – идёмте*. В отличие от аналитических побудительных форм такие глаголы предусматривают, что адресатом побуждения является то ли группа лиц (строго больше одного), то ли что отношения между говорящим и единственным слушающим требуют нормативного обращения на «вы». Примечательно, что в украинском языке подобные синтетические императивные формы образуются несравнимо более регулярно: *співати – співаймо, проспівати – проспіваймо, заспівати – заспіваймо, поспівати – поспіваймо*.. Важно отметить, что разнообразные аспекты категории вежливости, проявляющиеся при видовом противопоставлении в императиве, в побуждениях к совместному действию

становятся нерелевантными, поскольку благодаря своему потенциальному участию в предстоящей акции говорящий как бы «уравнивает» себя с адресатом.

Литература

- Апресян 1974 – Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М. «Наука», 1974.
- Апресян 2009 – Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Том 1. Парадигматика. – Языки славянских культур. Москва 2009.
- Бенаккьо 2002 – Бенаккьо Р. Конкуренция видов, вежливость и этикет в русском императиве // "Russian Linguistics", Vol. 26, 2002.
- Зорихина-Нильссон 1998 – Зорихина-Нильссон Н.В. Употребление вида глагола, теория речевых актов и вежливость // Типология вида: проблемы, поиски, решения / Ред. М.Ю. Черткова. М.: Языки русской культуры, 1998.
- Падучева 1996 – Падучева Е.В. Семантика и прагматика несовершенного вида императива // Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996, с. 66-83.
- Шатуновский 2002 – Шатуновский И.Б. Несовершенный vs. Совершенный вид в императиве (к проблеме начала) // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., «Индрик», 2002.
- Bogusławski 2001 – Bogusławski Andrzej. Pary czy wielocłony aspektowe? // PRACE FILOLOGICZNE. TOM XLVI. Warszawa 2001, s. 69-77.

Volodymyr M. TRUB

ON THE PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF THE ASPECTUAL GROUPS' MEMBERS IN IMPERATIVE

Summary

The author considers that the "traditional" aspectual verbal pair, consisting of two verbs in the perfect and imperfect aspect, can be regarded as a particular case of aspectual group. Besides one initial verb, the aspectual group contains an arbitrary set of verbs in the opposite aspect which describe in different ways the situation being signed by initial verb.

The paper also deals with the peculiarities of behavior of aspectual group's members in imperative mood. One of the functions of aspectual opposition of imperative verbal forms consists in marking the priority or non priority of an inducement. Meanwhile the abilities of variation of the imperative verbs' aspect also depend on the type of inducement's illocutive function.

The author proposes to classify the inducements according to the combinations of two independent parameters:

- 1) the inducement requires the immediate execution of the speaker's will or it's realization may be postponed;
- 2) the inducement allows or forbids the freedom of choice of the listener to execute an inducement or to ignore it.

A number of signs determining the type of inducement in this classification are proposed.

The paper also deals with the peculiarities of inducements calling to the joint action of the speaker and listener (or listeners).

Key-words: verbal aspect, aspectual group, aspectual opposition, imperative, inducement, illocutive function

Незрин Г. САМЕДОВА

Азербайджанский университет языков, Баку

nezrin.samedova@gmail.com**О СТАТУСЕ ВИДОВОЙ ПАРАДИГМЫ ПРЫГАТЬ/ПРЫГНУТЬ**

Автор предлагает разграничить два омонимичных глагола несовершенного вида *прыгать*. Один из них характеризуется значением процесса стандартной протяжённости, в то время как другой обладает значением процесса нестандартной (малой) протяжённости. Последний глагол можно обозначить термином моментальный, тогда как первый в таком случае следует именовать немоментальным. Предлагаемое решение позволяет постулировать наличие в русском языке двух парадигм *прыгать* / *прыгнуть* – видовой (а именно: чистовидовой), имперфективным членом которой является моментальный глагол *прыгать*, и невидовой, имперфективный член которой представлен немоментальным глаголом *прыгать*.

Ключевые слова: два омонимичных глагола несовершенного вида *прыгать*, значение процесса стандартной протяжённости, значение процесса нестандартной протяжённости, чистовидовая парадигма *прыгать* (моментальный) / *прыгнуть*, невидовая парадигма *прыгать* (немоментальный) / *прыгнуть*

Введение

Как видно из названия статьи, мы считаем, что в русском языке существует видовая парадигма *прыгать* / *прыгнуть*. В настоящей работе мы попытаемся обосновать данный тезис и уточнить статус постулируемой нами парадигмы.

Чтобы пояснить суть решаемой задачи, изложим принятую нами интерпретацию видовой парадигмы.

Теория, которой мы следуем, различает среди глагольных парадигм видовые и невидовые. Видовые парадигмы бывают чистовидовыми и нечистовидовыми. Чистовидовые парадигмы – грамматические. Они характеризуются тем, что каждый из членов располагает одним дифференциальным семантическим элементом. Иначе говоря, члены чистовидовых парадигм отличаются друг от друга только имперфективностью и перфективностью (*делать* / *сделать*, *записывать* / *записать*). Нечистовидовые парадигмы – неграмматические. Их члены обладают двумя дифференциальными семанти-

ческими элементами (*делать / наделать, писать / переписать*). Так, перфективный член парадигмы *делать / наделать* отличается от имперфективного перфективностью и семантическим элементом, который можно назвать кумулятивностью. Что же касается имперфективного члена, то он также является носителем двух дифференциальных семантических элементов. В качестве одного из них выступает имперфективность, в качестве другого – нулевой семантический элемент, который целесообразно именовать некумулятивностью, см. [Самедов 1975, Самедов 1978, Самедов 1982, Самедов 1984а, Самедов 1984б, Самедов 1987а, Самедов 1987б].

Состояние вопроса

Сначала мы рассмотрим традиционный подход к интересующей нас проблеме.

1.1. Общепринятое мнение гласит, что в русском языке существует глагол несовершенного вида *прыгать*.

На вопрос, что собой представляет его семантика, исследователи дают весьма противоречивые ответы.

1.1.1. С одной стороны, *прыгать* относят к группе глаголов, которые принято характеризовать с помощью таких терминов, как многоактный / многоактность, многократность, многофазисный / многофазисность, мультипликативный / мультипликатив / мультипликативность, итеративный / итеративность, многоквантность, квантованный, моментативный, см., например, [Маслов 1959: 173, 187, Маслов 1984: 13, 92, 93, Исаченко 1960: 252, 253, 256, Бондарко, Буланин 1967: 25, 43, Грамматика 1970: 350, Шелякин 1978: 59, Шелякин 1983: 121, 191, 192, Шелякин 1987: 82, 83, Грамматика 1980: 594, 595, Кукушкина, Ремнёва 1984: 11, 12, Храковский 1987: 130, 133, 134, 135, Храковский 1997: 130, 132, Храковский 1998, Апресян 1995: 225, Падучева 1996: 119, 143, Падучева 2004: 412, Черткова 1996: 38, 40, 67, 70, 71, Вселоводова 1997: 34, Плунгян 1997: 180, Анкета 1997: 194, 210-215, Леман 1997: 63, 64, Энциклопедия 1998: 39, Зализняк, Шмелёв 2000: 61, 119, 147].

Сходство терминов, употребляемых представителями различных школ, отражает общность их взглядов на семантику рассматриваемых глаголов.

Считается, что данные глаголы имеют значение процесса, который состоит, складывается из элементов, который является разложимым, расчленимым, расчленённым на элементы, квантованным, представляет собой сумму, совокупность элементов, [Маслов 1959: 173, 187, Исаченко 1960: 252, 255, Бондарко, Буланин 1967: 24, 43, Грамматика 1970: 246, 340, 347, 350, Шелякин 1978: 57, 59, Шелякин 1983: 121, 194, Шелякин 1987: 65, 83, Грамматика 1980: 594, 598, Храковский 1987: 134, Храковский 1998: 488, Апресян 1995: 225, Падучева 1996: 143, Плунгян 1997: 180, Леман 1997: 64, Зализняк, Шмелёв 2000: 119, 147].

Эти элементы именуют актами, движениями, (частичными) действиями, (микро)действиями, квантами, микроситуациями, моментами, моментальными

действиями, ситуациями, событиями, фазисами [Маслов 1959: 173, 187, Маслов 1984: 64, Исаченко 1960: 252, Бондарко, Буланин 1967: 24, Грамматика 1970: 246, 340, 347, 350, Шелякин 1978: 57, 59, Шелякин 1983: 121, 194, Шелякин 1987: 65, 83, Грамматика 1980: 594, 598, Храковский 1987: 133-137, Храковский 1997: 130, 132, Храковский 1998: 487, 488, Черткова 1996: 40, 46, 67, Плунгян 1997: 180, Плунгян 2000: 248, 301, Зализняк, Шмелёв 2000: 119, 147, Гловинская 2001: 247], ср. [Леман 1997: 64].

Они описываются как одинаковые, однородные, тождественные себе, одни и те же, мелкие, частичные, повторяющиеся, последовательные, отдельные [Маслов 1959: 173, 187, Маслов 1984: 64, Исаченко 1960: 251, 252, Бондарко, Буланин 1967: 24, Грамматика 1970: 246, 350, Шелякин 1978: 57, Шелякин 1983: 121, 194, Шелякин 1987: 65, 83, Грамматика 1980: 594, 598, Храковский 1987: 133, 134, Храковский 1997: 132, Храковский 1998: 487, 488, Падучева 1996: 143, Черткова 1996: 40, 67, Плунгян 1997: 180, Зализняк, Шмелёв 2000: 147, Гловинская 2001: 247], ср. [Шатуновский 2009: 106].

В определениях глаголов этой группы обязательно присутствует (в явном или скрытом виде) количественная характеристика. Исследователи употребляют такие выражения, как множество, множественность, несколько, неограниченные, неограниченно повторяющиеся, повторение, повторяемость, последовательность, ряд, серия, сумма, цепь, фреквентативность, [Маслов 1959: 173, 187, Маслов 1984: 64, Исаченко 1960: 252, Бондарко, Буланин 1967: 24, Грамматика 1970: 246, 340, 347, 350, Шелякин 1978: 57, Шелякин 1983: 121, 194, Шелякин 1987: 65, 83, Грамматика 1980: 594, 598, Храковский 1987: 134, Храковский 1998: 487, Падучева 1996: 143, Черткова 1996: 38, 40, 67, Всеволодова 1997: 34, Леман 1997: 64, Плунгян 1998: 375, Плунгян 2000: 301, Зализняк, Шмелёв 2000: 147]. См. также следующие формулировки: «множественное» действие [Маслов 1959: 187]; многоактное («квантованное») движение предмета, неограниченная повторяемость квантового движения [Шелякин 1978: 59]; неоднократное повторение ситуаций [Храковский 1987: 130]; мультипликативная неоднократность [Храковский 1987: 133]; множество повторяющихся микроситуаций [Храковский 1987: 135], ср. [Храковский 1997: 130, Анкета 1997: 212]; «...серии (микро)действий, которые регулярно повторяются через относительно небольшие интервалы времени и остаются тождественными себе в течение всего периода их совершения» [Храковский 1997: 132], ср. [Храковский 1998: 487]; процесс, состоящий из циклически повторяющихся «квантов» [Плунгян 2000: 248]; несколько / много квантов действия [Апресян 1995: 225]; повторяющиеся моментальные действия [Черткова 1997: 197], ср. [Черткова 1996: 34, 67]; циклический процесс [Тимберлейк 1998: 13]; повторяющийся процесс [Кошелев 1998: 229]; последовательность отдельных актов [Гловинская 2001: 247].

Отмеченное сходство не должно, однако, вводить в заблуждение. Во взглядах на природу рассматриваемого процесса имеют место весьма серьезные разногласия.

Так, согласно одной из точек зрения, обозначаемой данными глаголами процесс является по своей сущности прерывистым, не сплошным, не цельным. Ю.

С. Маслов сочувственно цитирует В.А. Богородицкого: «Действия <...> представляют собою два класса – непрерывные (например, *несу...*) и кратные, представляющие как бы ряд моментов (например, *качать...*)» [Маслов 1959: 187].

В.С. Храковский также считает, что данные глаголы обозначают «...серии квантов деятельности, которые (более или менее) регулярно повторяются через (относительно) небольшие интервалы времени... и составляют в совокупности прерывистый процесс» [Храковский 1998: 487], см. [Там же: 488]. При этом он подчеркивает, что «...ситуации, входящие в мультипликативное множество, занимают один непрерывно длящийся период времени...» [Храковский 1987: 133], ср. [Храковский 1998: 487]. Лингвист детально объясняет свою позицию в [Анкета 1997: 213]: «Временной период T состоит из неограниченного ряда последовательных моментов t_1, t_2, \dots, t_n , в каждом из которых начинает и прекращает иметь место один из квантов p_1, p_2, \dots, p_n (*прыгнуть...*) ситуации P (*прыгать...*). ...Ситуация P с одной стороны представляет собой собирательное множество, состоящее из квантов p_1, p_2, \dots, p_n , а с другой стороны – динамичную гомогенную актуальную и монотемпоральную ситуацию, которая может повторяться в различные периоды времени. Ср.: <...> *Петров вчера кашлял, Петров кашлял всю ночь* (собирательное множество квантов и единичная ситуация); *Петров кашляет каждую ночь* (повторяющаяся единичная ситуация)». В.С. Храковский указывает, что «...глаголу *прыгать* свойственно собственно процессное значение, которое и следует рассматривать как основное частное видовое значение этого глагола. ...*Смотрите, сейчас прыгает Иванов* (ряд прыжков осуществляется в период времени T , включающий момент речи t), а также в примерах типа (6) *Иванов уже прыгает два часа*» [Анкета 1997: 215].

Как представляется, тождественную позицию занимают Ф. Леман, В.А. Плунгян, И.Б. Шатуновский, см. употребляемые ими выражения: «многофазовый временной интервал» [Леман 1997: 64], «мультипликатив, обозначающий единый множественный акт» [Плунгян 1997: 180], «обозначающий однородную неизменную длительность более высокого порядка, образованный повторением актов» [Шатуновский 2009: 67]. В [Плунгян 2000: 301] автор пишет, что ситуация, обозначающая последовательность повторяющихся событий, «концептуализуется в языке как длительная», «...мгновенные ситуации в языке могут быть представлены как длительные (с помощью итерации)...», см. также [Плунгян 1998: 375]. По мысли лингвиста, *толкать* обозначает «...серию повторяющихся событий, по своим аспектуальным свойствам идентичную процессу типа *бежать*» [Плунгян 2000: 301].

С точки зрения М.Ю. Чертковой, «интервалы, разделяющие отдельные акты в цепи многоактных действий, настолько малы, что можно говорить о слиянии множества актов в целостное протяжённое действие» [Черткова 1996: 40], ср. [Там же: 67]. В подтверждение она ссылается на примеры типа *Посмотри, как ему хлопает зал* и комментирует их следующим образом: «...Как и при замедленной киносъемке, действие рассматривается как бы в момент его протекания и по воле субъекта приобретает процессный характер» [Там же], ср. [Там же: 70, Черткова 1997: 197]. И далее: «...Действие рассматривается как процесс. Это ещё раз подтверждает тот факт, что "итеративность является

особого рода процессом"...» [Черткова 1996: 71].

Предметом полемики является ещё одно обстоятельство. Ряд русистов все подобные глаголы безоговорочно относят к гомогенным (непредельным), см., например: [Маслов 1984: 13, Грамматика 1980: 584, 593, 594, Храковский 1987: 134, Храковский 1997: 129, 132, Храковский 1998: 487, Энциклопедия 1998: 39]. Тогда как в [Зализняк, Шмелёв 2000: 119], например, эти глаголы объявляются негомогенными (предельными). Этому взгляда придерживается также Ю.Д. Апресян. Он трактует эти глаголы как обозначающие «...факт скачкообразного, «точечного» перехода к новому качеству не только в формах совершенного, но и в формах несовершенного вида» [Апресян 1995: 228]. Согласно [Гловинская 2001: 248], они «имеют результативное значение». Ф. Леман пишет: «...У моментативных лексем (ср. *махать* – *помахать* / *махнуть*) предел является ингерентным компонентом лексического значения глаголов. <...> Предел у лексемы *махать* ...заключается в определённом свойстве акциональной ситуации, ...в пунктуальности её компонентов» [Леман 1997: 63-64]. Особую позицию в этом вопросе занимают М.А. Шелякин и Х.Р. Мелиг. Первый считает, что часть данных глаголов является гомогенной (*булькать*), а другая часть – негомогенной (*колоть*) [Шелякин 1987: 65, 81], ср. [Шелякин 1983: 191]. По мнению второго, глагол *прыгать* является гомогенным только в рассматриваемом значении [Анкета 1997: 186].

1.1.2. С другой стороны, языковеды находят у глаголов типа *прыгать* значение, которое описывают как одноактное действие, (простое) единичное действие, разовое действие, однократное, один / единичный / отдельный акт, одну микроситуацию, один квант действия, одно пунктуальное событие, одноразовость, очередную итерацию повторяющегося процесса, событие, представляющее собой 'квант' 'многоактного' процесса и т.д. [Бондарко, Буланин 1967: 43, Шелякин 1978: 58-59, Шелякин 1983: 121, Кукушкина, Ремнёва 1984: 11, Храковский 1987: 135, 137, Апресян 1995: 225, Падучева 1996: 119, 120, Черткова 1996: 67, 70, Леман 1997: 64, Всеволодова 1997: 34, Гловинская 2001: 247, Анкета 1997: 214, Борисова 1998: 85, Кошелев 1998: 229, Зализняк, Шмелёв 2000: 61].

Чтобы пояснить, что они имеют в виду, процитируем А.В. Исаченко: «...Форма *колет* может обозначать и 'наносит уколы' и 'наносит один укол', ср. 'Он как раз колет его в руку'. Многофазисное значение глагола *колоть*, ничем формально не выраженное, здесь стирается» [Исаченко 1960: 252]. См. также: «Глагол типа *зевать* может быть употреблён в двух значениях: 1. 'производить зевки' – действие расчленимо, налицо многофазисный характер действия, например: *Перед сном он зевает* (такова его привычка). 2. 'производить один зевок' – действие нерасчленимо, многофазисный характер действия утрачен; например: *Вот он усаживается в кресло, зевает и лениво принимается за газету*. ...Этот глагол лишён оттенка многофазисности и выражает только один, отдельно взятый акт», обозначает «...один отдельно взятый акт 'зевания' ('один зевок')...» [Там же: 255-256]. Ср.: «...При известных условиях... глаголы типа ...*прыгать*... обозначают только один изолированный акт. ...*Смотрите: он подходит к бассейну и прыгает в воду; он поворачивается и плюёт*... *Формы прыгает, плюёт*... здесь

равнозначны с 'делает один прыжок', 'совершает плевок'...» [Там же: 256].

Специалисты подчёркивают, что глаголы, о которых идёт речь, имеют данное значение нерегулярно, редко, в ряде случаев, в определённых контекстуальных условиях [Исаченко 1960: 252, 256, Бондарко, Буланин 1967: 43, Шелякин 1978: 58, Шелякин 1983: 121, Кукушкина, Ремнёва 1984: 11, 12, Храковский 1987: 135, 137, Всеволодова 1997: 34]. Отмечается, что оно обнаруживается, когда обсуждаемые глаголы, будучи в форме настоящего времени [Храковский 1987: 137], имеют значение так называемого настоящего актуального [Исаченко 1960: 252], настоящего репортажного [Там же: 252], настоящего сценического [Бондарко, Буланин 1967: 43, Шелякин 1978: 58-59, Маслов 1984: 64], настоящего драматического [Черткова 1996: 70], настоящего исторического [Бондарко, Буланин 1967: 43, Шелякин 1978: 58-59, Шелякин 1983: 121, Маслов 1984: 64, Всеволодова 1997: 34, Анкета 1997: 162]. По мнению В.С. Храковского, на одноактное значение в контексте настоящего исторического прямо или косвенно указывают слова типа *вдруг, неожиданно, быстро: Санька вдруг ахает...* [Храковский 1987: 137], ср. [Бондарко, Буланин 1967: 43]: «*Вижу, он дёргает провод* (здесь может быть и многоактность и одноактность) и *Вдруг он дёргает провод* (только одноактность)». Согласно [Кукушкина, Ремнёва 1984: 11], единичное значение присуще рассматриваемым глаголам во всех случаях регулярного переносного употребления видо-временных форм, когда они «...вынуждены выступать как синонимы однократных, парных им глаголов. ...Ср. "Я киваю и выхожу", "Держи, я кидаю"». Отмечается также форма будущего времени [Там же], форма повелительного наклонения [Анкета 1997: 214], употребление глаголов в обобщающей функции (*Зачем толкаться?*) [Маслов 1984: 64], контекст многократности [Анкета 1997: 162]. Ещё два фактора приводятся в [Храковский 1987: 137]: «...Одноактность реализуется в цепном контексте, обозначающем последовательные действия, в котором многоактный глагол следует за другим глаголом, обозначающим краткое действие, соотносимое с временной точкой: *...неожиданно хватает... и сильно дёргает*. Одноактное употребление многоактного глагола более характерно для предложений с агентивным субъектом, хотя возможно и при неагентивном субъекте. *Громко хлопает дверь...*», ср. [Шелякин 1978: 58]. Иногда авторы ограничиваются просто примерами, см.: *Он один раз прыгал с парашютом* [Борисова 1998: 85].

Многие языковеды высказывают убеждение, что действие, обозначаемое данными глаголами, является очень кратким, соотносимым с временной точкой, пунктуальным [Храковский 1987: 137, Леман 1997: 64]. Так, Ю.С. Маслов считал отличительной чертой глаголов типа *колоть* невозможность их употребления «в значении однократного действия, находящегося в процессе своего осуществления, т.е. невозможность конкретно-процессуального употребления этих глаголов...» [Маслов 1984: 59], ср. [Там же: 64]. В этом отношении данные глаголы являются, так сказать, «неполноценными», лишёнными «наиболее специфической функции НСВ – способности выражать данное действие в его протекании, как развёртывающийся процесс» [Там же]. И далее: «Это в значительной мере сближает рассматриваемые пары с непарными глаголами СВ, для которых... характерна именно невозможность процессуализации. И в одном и в другом

случае действие не может быть представлено как процесс...» [Там же]. По-видимому, изложенная точка зрения восходит к А.Х. Востокову: о глаголах *бачнуть* и *грознуть* он писал, что они «обозначают действие, которое не может длиться» (цитируется по [Маслов 1959: 195]).

Следует сказать, что эта идея весьма популярна в современной аспектологии, см. [Апресян 1995: 226, 228, 230, 233, 237, Анкета 1997: 159, 214, Падучева 1998: 333, 337, Падучева 2004: 475, 476, Гловинская 2000: 25, Шатуновский 2009: 66-67, 202]. Её обоснованию посвятил специальную работу Ю.Д. Апресян [Апресян 1995]. Учёный подчёркивает, что речь идет о языковой концептуализации действия² [Апресян 1995: 225]. По его мысли, для таких глаголов возможно только псевдопроцессуальное употребление, в котором они обозначают «действие, протекающее как бы одновременно с актом речи» [Там же: 230]. Тогда эти глаголы имеют одно из двух значений, а именно: или перфективное значение, или значение близкого будущего, в наступлении кого говорящий уверен. Так, во фразе *Зачем вы людей толкаете?*, произносимой в ситуации, когда говорящего только что толкнули всего один раз, глагол *толкаете* не обозначает действия, одновременного с актом речи, «по той причине, что единственный квант этого действия был завершён до момента речи, а говорящий в чисто пропагандистских целях изображает дело таким образом, будто и в момент речи его... продолжают толкать» [Там же: 231]. А во фразе *Смотри, Брумель прыгает* описывается не само действие, а лишь его подготовительная фаза [Там же: 237]. «Спортивный прыжок в высоту – сложная деятельность, включающая вход в сектор для прыжков, физическую и внутреннюю мобилизацию для прыжка, разбег, отрыв от земли и взлёт, – поясняет лингвист. – При этом прыжком в собственном смысле называется только мгновенный отрыв от земли с быстрым коротким взлётом» [Там же: 232]. Учёный считает, что описанное семантическое свойство определяет морфологические, словообразовательные, синтаксические и семантические особенности изучаемых глаголов³ [Там же: 226].

Вместе с тем существует и противоположное воззрение. Так, в работе

² Ср. [Гловинская 1997: 46]: «Это глаголы, которые обозначают действия и ситуации, которые в действительности длятся, но языком концептуализованы почему-то как моментальные. ...Это глаголы, которые предполагают какую-то предшествующую фазу, в реальной действительности эти действия длятся»; см. [Там же: 47].

³ Хотя лингвист не указывает конкретно, какие именно черты он находит у интересующих нас глаголов, в его статье содержится детальный список возможных проявлений данного семантического свойства. Так, подобные глаголы имеют парные формы совершенного вида; не образуют инцептивных, делимитативных, пердуративных, финитивных и завершительных «способов действия» и соответственно не сочетаются ни с какими фазовыми глаголами в роли их синтаксических зависимых; не могут сочетаться с обстоятельствами длительности типа *всё ещё*, *недолго* и т.п., обстоятельствами типа *медленно*, *постепенно*, союзами со значением одновременности типа *когда*, *пока*; не сочетаются с инклюзивными обстоятельствами времени вроде *за <в> три минуты*, *за <в> год*; имеют не все видовые значения граммы несовершенного вида; сочинительные цепочки с такими глаголами обозначают, как правило, последовательные, а не одновременные действия и т.д. [Апресян 1995: 226-229].

1994 г. Е.В. Падучева писала, что «глаголы НСВ *зевать, макать...* способны выступать в обычном акт. значении, т.е. обозначать один акт, который рассматривается в развитии. В результате, в парах типа *зевать-зевнуть* семантическое соотношение парадоксально: глагол СВ, в силу семантики его словообразовательной модели, представляет действие как моментальное – осуществляемое в один акт и неразложимое на временные фазы; а НСВ представляет то же самое действие как длящееся» [Падучева 1996: 120]. Ср. [Черткова 1996: 67]: «...Могут употребляться как единичные протяжённые действия...». И далее: «Многоактные глаголы в значении единичного действия могут сочетаться с ИТГ с семей 'ПРОТ', обозначающими, правда, очень краткие отрезки времени: *Это мелькает в её голове за долю секунды* (А. Эфрос) (ср. мелькнуло за долю секунды)» [Черткова 1996: 70]. См. также приводимую ниже цитату из [Всеволодова 1997: 34].

Примечательно, что в рассмотренном значении глаголы типа *прыгать* квалифицируются как предельные [Шелякин 1978: 58, Анкета 1997: 186], ср. [Шелякин 1983: 121, Апресян 1995: 229]. См. высказывание В.В. Гуревича: «...Может обозначать завершённое действие...» [Анкета 1997: 162].

1.1.3. Как можно было убедиться, литература вопроса содержит полярные описания исследуемых глаголов. Показательно, что существующие объяснения сложившейся ситуации также являются диаметрально противоположными.

С точки зрения И.А. Мельчука, глаголы типа *прыгать* являются нейтральными в отношении числовой квантификации фактов. Он приписывает им граммему 'нейтральность', которую определяет как 'неопределенное число раз' [Мельчук 1998: 92, 94]. Фактически, именно на таком представлении покоятся толкования рассматриваемых глаголов в словарях [СУ, БАС, МАС, СОШ].

М.В. Всеволодова полагает, что «...у многих глаголов СВ со значением однократности налицо как бы два парных глагола НСВ: 1) НСВ со значением повторяемости или многократности: *Он кивнул – Он кивал...* . 2) НСВ со значением процессности, которое проявляется в специальных контекстах...: *И я вижу, как он незаметно кивает мне головой...*» [Всеволодова 1997: 34].

* * *

1.2. Что касается глаголов типа *прыгнуть*, то они тоже до сих пор не получили единодушно принятого описания.

Стремясь выявить семантическое своеобразие этой группы русских глаголов, лингвисты высказывают самые разноречивые суждения. Это можно заметить уже по выражениям, которыми их характеризуют: однократный / однократность, одноактный / одноактность, семьёфактив / семьёфактивный, одноквантность, мгновенный / мгновенность, моментальный / моментальность, мгновенно-моментальный, точечный / точечность, пунктив, краткость, мгновенно-одноактный, глаголы неполного действия [Маслов 1959: 173, 185, 187, 227, Маслов 1961: 168, 178, 181, Маслов 1984: 11, 13, 92, Виноградов 1986: 411, Грамматика 1953: 430, 431, 437, Исаченко 1960: 253, 254, 257, 260, Ахманова

1966: 76, 224, 239, 282, Бондарко, Буланин 1967: 25, 43, Мучник 1971: 101, Шелякин 1978: 57, 59, Шелякин 1983, Шелякин 1987: 66, 69, 71, 81, 82, Шелякин 1997: 218, Кукушкина, Ремнёва 1984: 11, 12, 49, Грамматика 1970: 337, 340, 347, 350, Грамматика 1980: 594, 596, 598, Храковский 1987: 135-137, Храковский 1997: 132, Храковский 1998, Падучева 1996: 143, Падучева 1998: 337, Падучева 2004: 198, 412, 475, 480, Черткова 1996: 28, 34, 38, 41, 46, 47, 54, 55, 67, Черткова 1997: 197, Всеволодова 1997: 34, Анкета 1997: 153, 159, 186, 192, 194, 199, 210-215, Плунгян 1997: 180, Плунгян 1998: 375, 376, 379, Плунгян 2000: 248, 301, 298, Гловинская 1998: 129, Гловинская 2001: 8, 13, 271, Кошелев 1998: 229, Мельчук 1998: 93, 94, Тимберлейк 1998: 11, 13, Энциклопедия 1998: 39, Зализняк, Шмелёв 2000: 13, 84, 118, 119, 148, 150].

Ниже мы покажем, что за терминологическим разнообразием стоят весьма серьёзные проблемы.

1.2.1. Так, с одной стороны, все без исключения лингвисты сходятся в том, что исследуемые глаголы соотносительны с так называемыми многоактными, см., например: [Исаченко 1960: 253, Бондарко, Буланин 1967: 24, 25, Грамматика 1970: 340, 347, 350, Шелякин 1978: 57, 59, Шелякин 1983: 191, Шелякин 1987: 82, Храковский 1987: 135, Храковский 1998: 487, 488, Черткова 1996: 34, 38].

Их семантика нередко определяется через значение соотносительных с ними имперфективов: «По своему значению глагол *боднуть* может быть представлен как один отдельно взятый фазис комплексного, многофазисного действия, обозначаемого глаголом *бодать*» [Исаченко 1960: 253], ср. [Там же: 256]. «Глаголы с суффиксом *-ну(ть)* имеют значение 'однократно совершить действие, названное мотивирующим глаголом', – читаем в [Грамматика 1970: 246]. «В предложении с многоактным глаголом НСВ типа *колоть* обычно обозначается множество повторяющихся микроситуаций, тогда как в предложении с одноактным глаголом СВ типа *кольнуть* обозначается одна ситуация из этого множества», – пишет В.С. Храковский [Храковский 1987: 135], см. [Храковский 1997: 132, Храковский 1998: 488, Анкета 1997: 212]. См. также следующие формулировки: «...обозначает единичный акт... многоактной деятельности...» [Падучева 1996: 119]; «...единичный квант мультипликативной ситуации выражается семьёфактивом...» [Плунгян 1997: 180]; «...перфективы с *-ну-* семантически зависимы от базовых простых глаголов НСВ» [Анкета 1997: 199]; «...единичное проявление потенциального циклического процесса...» [Тимберлейк 1998: 13]; «глаголы со значением 'однократно совершить действие, названное мотивирующим глаголом', имеют суффикс *-ну-*: *толкнуть* 'однократно совершить действие, названное глаголом *толкать*'» [Энциклопедия 1998: 531], «...обозначающие один 'квант' деятельности, описываемой исходным глаголом» [Зализняк, Шмелёв 2000: 118] и [Там же: 61, 150]. В [СОШ] *прыгнуть* толкуется с помощью пометы '*однокр.*' в статье глагола *прыгать*.

Более того, само выделение этого класса глаголов основывается на их сопоставлении с соотносительными имперфективами: «Оттенок однократности проявляется всегда лишь на фоне исходного глагола, лишённого этого оттенка, ср. *колоть* – *кольнуть*. Если первый член такого соотношения почему-либо

отсутствует, то и значение однократности исчезает» [Исаченко 1960: 260].

И наоборот, глаголы типа *прыгать* получают дефиницию через глаголы типа *прыгнуть*: «...‘Мяука-’ выражает неограниченное повторение ‘мяукну-’» [Шелякин 1978: 58]. «Мультипликативное множество ситуаций, выраженное в предложении *Старик несколько минут стучал в окно*, состоит из одинаковых ситуаций ‘*Старик стукнул в окно...*» [Храковский 1987: 133]. «*Прыгнуть* – это ‘совершить один раз единственный акт деятельности’, *прыгать* – множественное число этого единичного акта. Повторяемость *прыгнуть* даёт *прыгать*», – считает Л. Геберт [Анкета 1997: 154-155]. «...*Моргать* представляет собой многократное повторение действия *моргнуть...*» [Зализняк, Шмелёв 2000: 119], см. то же в [Шатуновский 2009: 67]. Ср. проанализированные выше определения так называемых многоактных глаголов.

И точно так же класс глаголов типа *прыгать* выделяется через соотнесение с глаголами типа *прыгнуть* [Маслов 1959: 187, Стрекалова 1979: 141, Черткова 1996: 38]. См., например, [Падучева 1996: 120]: «Если у глагола НСВ нет парного семельфактива, то нет и ощущения многоактности, ср. *сверкать* (*сверкнуть*) и *мерцать* (**мерцнуть*)»; или [Падучева 1996: 143]: «...глаголы многоактного способа действия, т.е. глаголы, входящие в семельфактивные пары...».

Таким образом, в явном или неявном виде в основу определения изучаемых глаголов кладётся количественный параметр (отсюда термины типа ‘однократный’). См. также [Маслов 1959: 173, Маслов 1961: 168, Маслов 1984: 64, Исаченко 1960: 253, Бондарко, Буланин 1967: 25, Грамматика 1970: 347, Грамматика 1980: 583, 595, 596, 598, Милославский 1981: 168, Шелякин 1983: 121, Шелякин 1987: 69, 81, Падучева 1996: 119, Падучева 1998: 337, Падучева 2004: 480, Тимберлейк 1998: 11, 13].

С другой стороны, высказывается мнение, что эти глаголы не всегда возможно трактовать как ‘однократные’: «Соответствующие образования на –*нуть*, обозначающие тот же самый изолированный акт, но в совершенном виде, уже не могут быть признаны однократными образованиями» [Исаченко 1960: 256]; «значение однократности ступёвывается и заменяется чистовидовым (или близко подходящим к нему результативным) значением...» [Там же: 257]; «...образования на –*нуть* м о г у т... в определённых условиях иметь не однократное, а чистовидовое значение. Это, однако, никак не отражается на том, что при других условиях те же образования на –*нуть* имеют чёткое значение именно однократности» [Там же]. Ср. [Там же: 256], а также толкование *прыгнуть* в [МАС].

В качестве аргумента А.В. Исаченко ссылается на то, что «между формами типа *Он прыгает* («делает прыжок») и *Он прыгнул* («сделал прыжок») имеется полная синонимичность» [Исаченко 1960: 256], ср. тождественную позицию А.М. Ломова [Анкета 1997: 182]. В то же время, по М.А. Шелякину, фраза «он прыгнул два раза» не имеет коррелята «он прыгал два раза», так что говорить о полной синонимии данных глаголов не приходится [Шелякин 1987: 58].

1.2.2. С одной стороны, данным глаголам отказывают в значении процесса.

Утверждается, что они представляют действие «...как мгновенное, ограниченное данным моментом его осуществления» [Ахманова 1966: 282], «...в какой-то момент его совершения...» [Там же: 76]; как мгновенное событие, не имеющее длительности [Плунгян 2000: 298]; ограничивают действие «...данной точкой в его протекании» [Ахманова 1966: 76]; уточняют действие «...в отношении ...краткости совершения...» [Грамматика 1980: 596]; описывают моментальные действия [Черткова 1996: 46], см. [Черткова 1996: 34]; обозначают «...факт скачкообразного, «точечного» перехода к новому качеству...» [Апресян 1995: 228, Гловинская 2001: 25]; «...мгновенный переход от одного состояния к другому...» [Плунгян 2000: 246], выражают минимальный «скачок» [Шатуновский 2009: 56]; этим глаголам «чуждо понятие о длительности» [Мучник 1971: 101]; им свойственна точечность [Гловинская 2001: 12, 271]; обозначаемые ими действия протекают мгновенно [Милославский 1981: 158], ср. [Грамматика 1980: 598]; они мгновенны, т.е. имеют минимальную длительность [Милославский 1981: 168, Шелякин 1987: 69]; совершаются «точечно» [Шелякин 1983: 121]; соотносятся «...не с периодом времени, а с моментом, т.е. с временной точкой» [Храковский 1987: 136]; «...точечны по своей природе и совершаются за неизмеримо малый промежуток времени...» [Черткова 1996: 55]; это глаголы так называемого «мгновенного действия» [Гловинская 2001: 8, 13], ср. [Исаченко 1960: 253, Бондарко, Буланин 1967: 25]. Приведём также следующие выдержки: «...Само возникновение действия знаменует одновременное достижение предела...» [Маслов 1984: 11]; «...начало и конец действия совпадают...» [Гловинская 2001: 271], действие имеет «... одновременно начало и конец...» [Там же], «...конец сливается с началом» [Там же: 12], «...начало действия может мыслиться как совпадающее с концом» [Там же: 13]; анализируемые глаголы обозначают «...действие без предшествующей фазы...» [Там же: 8]; «...у моментальных глаголов t_k сливается с t_n ('ПРОТ'→0)» [Черткова 1996: 41]; «в одноактных действиях конъюнкция сем 'ПРОТ&ЛИМИТ' практически представляет собой одну сему 'ЛИМИТ', поскольку сема 'ПРОТ' в них стремится к нулю; 'ПРОТ'→0 (сема 'МОМЕНТ')...» [Там же: 46]. См. предлагаемое В.С. Храковским толкование данных глаголов: «Временной период Т включает единственный момент t , такой, что в этот момент начинает и прекращает иметь место (микро)ситуация, состоящая из единственного кванта p ...» [Анкета 1997: 213]. См. также [Гловинская 2001: 28, Плунгян 2000: 247, 297]. Ср. выражения 'неразложимость на временные фазы, на более мелкие элементы' в [Падучева 1998: 337, Падучева 2004: 480, Шатуновский 2009: 56], минимум длительности в [Шелякин 1987: 69], непротяжённость действия в [Гловинская 2001: 12]. Нередко исследователи выражаются образно: быстрое действие [Грамматика 1953: 457], действие, выполненное коротким движением [Маслов 1959: 173], быстрым движением [Маслов 1961: 181], микроситуация [Храковский 1987: 135, 136], (микро)действие [Храковский 1997: 132], квант [Анкета 1997: 210-214], ср. другие термины, упомянутые ранее.

В литературе подчёркивается, что речь идёт о языковой концепту-

ализации действий: «...Физически, конечно, события могут (и даже должны) занимать на временной оси определённый интервал, но с точки зрения языка этот интервал пренебрежимо мал...» [Плунгян 2000: 247]; «...ситуации, называемые мгновенными, не могут иметь срединной стадии (т.е. не могут иметь длительности): ...с точки зрения языка у этих ситуаций момент начала и момент конца совпадают» [Там же: 297]; «мгновенные события в языковой картине мира трактуются как «точки» на временной оси...» [Плунгян 1998: 375]; ср. [Плунгян 1998: 376]. М.Ю. Черткова пишет: ««В природе абсолютно все действия протяженны. <...> В зависимости от своих физиологических возможностей человек субъективно оценивает все действия как протяжённые... и как очень краткие, т.е. моментальные (сема 'МОМЕНТ'). Моментальные действия являются по сути точечными, время их завершения практически сразу следует за временем начала. <...> Моментальные действия описываются с помощью глаголов СВ (...прыгнуть...) и с помощью глаголов НСВ (...прыгать...)» [Черткова 1996: 46]. См. также [Падучева 1998: 338, Падучева 2004: 480].

Изложенная точка зрения подкрепляется следующими утверждениями.

Во-первых, считается, что глаголы типа *прыгнуть* не сочетаются с предложным *Accusativus temporis*. Как пишет В.С. Храковский, «...это свидетельствует о том, что действие, обозначаемое данным глаголом, лишено какой-либо временной протяжённости: (2) *Иванов прыгнул за две секунды / за одно мгновенье» [Анкета 1997: 214], см. также [Храковский 1987: 136].

Ссылаются также на то, что эти глаголы не сочетаются с наречиями типа *постепенно*, *медленно*, «...указывающими на растянутость действия во времени...» [Гловинская 2001: 13], «...показывающими, что начало действия может мыслиться как отстоящее от конца на большое временное расстояние» [Гловинская 1998: 129], ср. [Гловинская 2001: 28, 271-272, Гловинская 1997: 41]. В [Храковский 1987: 136] читаем, что в сочетаниях типа *длинно свистнуть*, *протяжно крикнуть* обстоятельства обозначают не период длительности действия, а образ или способ его осуществления.

Кроме того, в этой связи упоминается тезис, о котором подробно говорилось выше (пункт 1.1.2). Имеется в виду положение о том, что у данных глаголов нет имперфективных коррелятов, обладающих так называемым процессным значением, «в силу мгновенности / краткости события, в котором человеческое восприятие не может выделить достаточно длительный этап однородной С<итуации>» [Шатуновский 2009: 66-67].

Однако, с другой стороны, мы встречаем в литературе неявно выраженную идею, которая находится в очевидном противоречии со сказанным выше. Иначе говоря, из слов специалистов выходит, что глаголам типа *прыгнуть* свойственно значение процесса.

«...`Мгновенность'... не всегда обязательна для глаголов рассматриваемого типа... (ср. *он лениво и медленно зевнул*)...», – читаем в [Маслов 1959: 185]. Учёный приходит к этому выводу, анализируя материал болгарского языка: «Обстоятельства продолжительности, выраженные наречием *продължително*...»,

сочетаются... – довольно широко – с формами совершенного вида, особенно у глаголов семельфактивного способа действия» [Там же: 227]. Языковед заключает: «...Широко распространённое в литературе обозначение семельфактивных глаголов терминами «мгновенные», «моментальные» и другими подобными не является удачным» [Там же].

По И.Б. Шатуновскому, в значении этих СВ 'история' фрагмента мира спрессована в очень короткий интервал, который называется мгновением образно [Шатуновский 2009: 66], ср.: «...Слово *момент* тоже может пониматься как интервал, только очень короткий)...» [Там же: 59].

Не трудно видеть, что об этом же свидетельствует и трактовка данных глаголов как предельных или результативных [Шелякин 1987: 83, Шелякин 1997: 218, Храковский 1998: 488, Черткова 1996: 47, Энциклопедия 1998: 39, 66].

1.2.3. В свете проведённого анализа представляется полностью закономерной ситуация с характеристикой суффикса *-ну-*. Его значение квалифицируют как перфективность, 'одноактность', 'моментальность', комбинацию двух из этих значений или всех трёх, семельфактивность и т.д., см.: [Грамматика 1953: 430, Грамматика 1980: 596, 598, Милославский 1981: 168, Шелякин 1983: 121, 192, Кукушкина, Ремнёва 1984: 49, Падучева 1996: 120, Падучева 1998: 337, Падучева 2004: 480, Черткова 1996: 28, 34, Мельчук 1998: 93, Плунгян 1998: 376, Храковский 1998: 488].

Предлагаемое решение

2.1. Исходной точкой в наших рассуждениях является мысль о необходимости разграничить два омонимичных имперфективных глагола *прыгать*. Обозначим их пока условно *прыгать*₁ и *прыгать*₂ и покажем, что они обнаруживают заметные различия в своём поведении.

Так, например:

1) *Прыгать*₁ охотно сочетается с фазовыми глаголами типа *начинать / начать, продолжать / продолжить, кончать / кончить*:

Ребёнок от радости начал прыгать, и никто не мог его унять.

Для *прыгать*₂ такие сочетания не допустимы:

Парашютист оттолкнулся от края люка и начал прыгать.

2) Исследуемые глаголы различаются со стороны перфективных коррелятов:

(А) *Увидев игрушку, ребёнок от радости прыгает, и никто не может унять его.* –

Увидев игрушку, ребёнок от радости запрыгал, и никто не мог унять его.

Нельзя сказать:

Увидев игрушку, ребёнок от радости прыгнул, и никто не мог унять его.

(Б) *Парашютист отталкивается от края люка и прыгает.* –

Парашютист оттолкнулся от края люка и прыгнул.

Нельзя сказать:

*Парашютист оттолкнулся от края люка и **запрыгал**.*

3) *Прыгать*₁ соотносителен с глаголом *допрыгать*:

*Я **прыгал** дневную норму, и мы сразу уходили. –*

*Подожди, сейчас **допрыгаю** дневную норму, и мы сразу уйдём.*

*Прыгать*₂ с ним не соотносителен. Нельзя сказать:

*Подожди, Брумель **допрыгает** первый прыжок, и мы уйдём.*

4) *Прыгать*₁ охотно сочетается с показателями продолжительности действия:

*Он сегодня **полчаса / долго прыгал**.*

*Пока он **прыгает**, ты можешь посидеть на скамейке.*

*Прыгать*₂ на первый взгляд не сочетается с подобными показателями. По крайней мере, нам не удалось найти ни одной иллюстрации. Однако мы не вправе полностью отказывать ему в этой способности. Вполне возможно смоделировать предложение по аналогии с примером из [Черткова 1996: 70]: *Это мелькает в её голове за долю секунды* (А. Эфрос) (ср. мелькнуло за долю секунды). Например:

*За долю секунды он **прыгает** на подоконник.*

5) *Прыгать*₁ свободно сочетается с наречием *медленно*:

*Начинайте **вращать скакалку и медленно прыгать**. Приземляясь, немного сгибайте колени, отталкивайтесь носками* (из Интернета).

*Прыгать*₂ в конструкции с *медленно* употребляется не охотно, см., как неестественно звучат следующие три примера, обнаруженные на одном из форумов в Интернете (aauim.ru):

*Знаешь, я в детстве как-то сама по себе пыталась взлететь, мне постоянно казалось, что это просто и привычно, и я испытывала какой-то дискомфорт оттого, что не летаю. Постоянно пробовала, падала носом о пол, но если честно, то многие поражались, как я умею так "**медленно прыгать**", не могли поверить.*

*Тоже помню, как в детстве была уверена, что умею летать. Я даже, мне казалось, помнила, что летала. И про "**медленно прыгать**" знакомо...*

*Ух, ты! У меня в детстве тоже такое было! "**медленно прыгать**"...*

Как представляется, приведённые факты позволяют утверждать, что постулируемые нами глаголы *прыгать*₁ и *прыгать*₂ обозначают разнотипные процессы.

*Прыгать*₁ обозначает непрерывно повторяющиеся в реальном мире на протяжении некоторого периода времени прыжки как единое, цельное действие,

как единый непрерывный процесс, как единое целое. Специально подчеркнём: присущее данному глаголу значение процесса носит цельный, сплошной характер, хотя и воспринимается как прерывистое, не сплошное, подобное пунктиру, состоящее из элементов. В этом смысле точно такое же значение имеют, например, глаголы *веселиться, танцевать, петь, бегать*, ср. *Когда мы вошли, дети уже от души веселились: Аня прыгала со скакалкой, Боря танцевал народные танцы, Вова пел частушки, а Гоша бегал вокруг них*. Иными словами, точно так же как со стороны значения процесса *пел частушки* ≠ *пел частушку + пел частушку + пел частушку* и т.д., так и *прыгала со скакалкой* ≠ *прыгала 1 раз + прыгала 1 раз + прыгала 1 раз* и т.д.

Значение, о котором идёт речь, очень удачно иллюстрируется визуальной метафорой прямой линии:

_____.

Длина изображённой линии, разумеется, условна. Существенно лишь то обстоятельство, что она одна и та же для глаголов *веселиться, прыгать, танцевать, петь, бегать*.

Прыгать₂, в отличие от *прыгать₁*, обозначает одно-единственное действие (а именно прыжок) в том же смысле, в каком обозначают одно действие, например, глаголы *танцевать* и *петь* в следующем предложении: *Выступил он хорошо: сначала танцевал народный танец, потом пел частушку*.

На первый взгляд может показаться, что обсуждаемый глагол ничем не примечателен. Между тем в его семантике присутствует черта, которая отличает *прыгать₂* от всех упомянутых выше глаголов несовершенного вида, и отличие это является принципиальным. Дело в том, что значение процесса, свойственное глаголу *прыгать₂*, имеет весьма необычную природу. Поясним, что мы имеем в виду.

Как известно, физическое действие, с которым соотносится глагол *прыгать₂*, в реальном мире является довольно кратким, длится весьма недолго. Мы утверждаем, что оно концептуализируется языком в полном соответствии с этим его свойством. Другими словами, мы считаем, что процесс, который обозначает глагол *прыгать₂*, значительно короче того, что обозначается глаголом *прыгать₁*. Последний обладает значением процесса стандартной протяжённости, тогда как первому свойственно значение процесса нестандартной (малой) протяжённости. Если вновь обратиться к визуальной метафоре, то данное значение можно представить с помощью намного более короткой линии:

_____.

Длина начерченной линии опять-таки условна. Дело в том, что для иллюстрации выдвинутой гипотезы важна относительная протяжённость изображённых линий. Визуальные метафоры прямых линий, значительно различающихся своей длиной, очень точно и наглядно передают суть предлагаемого решения.

Постулируемые глаголы целесообразно обозначить терминами. Думается, что в рабочем порядке можно было бы использовать традиционный термин 'моментальный', чтобы именовать глагол *прыгать₂*, и соответственно

'немоментальный' – для *прыгать*₁. Эти термины представляются удачными в том отношении, что апеллируют к самой яркой семантической черте исследуемых глаголов. Легко видеть, однако, что они вводят в заблуждение относительно протяжённости процесса, который присущ глаголу *прыгать*₂.

Необходимо отметить, что не всякий контекст позволяет идентифицировать постулируемые омонимы. Обратимся, например, к предложению *Он прыгал по утрам*. Легко убедиться, что здесь возможны четыре интерпретации:

- 1) Каждое утро он совершал один прыжок (моментальный *прыгать*);
- 2) Каждое утро он непрерывно прыгал в течение некоторого времени (немоментальный *прыгать*);
- 3) Каждое утро он несколько раз совершал по одному прыжку (моментальный *прыгать*);
- 4) Каждое утро он несколько раз непрерывно прыгал в течение некоторого времени (немоментальный *прыгать*).

Здесь будет уместно поделиться следующим наблюдением. Как показывает анализ, русский язык концептуализирует процессы, различающиеся в отношении своей протяжённости, двумя способами. С одним – наиболее распространённым – мы ознакомились выше: моментальный и немоментальный глаголы представляют собой омонимы⁴. Другой способ представлен в парах *буркать – бурчать, стучать – стучать*, ср. [Падучева 2004: 412]. Примечательно, что болгарский язык отдаёт предпочтение второму способу: *бодвам – бода, махвам – махам*, см. [Маслов 1959: 173, Маслов 1984: 92-93].

И в завершение укажем, что моментальный и немоментальный глаголы *прыгать* различаются ещё в одном отношении. Процесс, обозначаемый немоментальным *прыгать*, имеет гомогенную (неэволютивную, непредельную) природу, тогда как моментальный *прыгать* обозначает негомогенный (эволютивный, предельный) процесс. Ср. дефиницию гомогенных процессов в [Зализняк, Шмелёв 2000: 67]: «Непредельные процессы идентифицируются на основании того обстоятельства, что они не имеют внутреннего предела, т.е. не предполагают в своём развитии такой точки, после которой процесс исчерпывает себя и должен прекратиться. Такие процессы обычно являются однородными, т.е. представляют собою повторение одних и тех же элементов... Непредельные, или гомогенные, процессы представляют собой основной материал для образования различных способов глагольного действия, выражаемых глаголами сов. вида

⁴ Интересно было бы рассмотреть под этим углом зрения рассуждения В.С. Храковского: «...Фр. *sauter* 'прыгать/прыгнуть' ...«Неоднозначность» глагольной лексики разрешается с помощью грамматических и контекстуальных средств. Так, выступая в имперфективных формах, в конструкциях с фазовыми глаголами и лексическими итеративами, в контексте обстоятельств итеративности, длительности и т.п., эти лексемы имеют мультипликативное прочтение, а выступая в перфективных формах, в контексте обстоятельств моментальности, внезапности, обстоятельств кратности со значением 'один раз', в контекстах типа «цепь», эти же лексемы имеют семейфактивное значение. ...В данном случае один и тот же глагол имеет в имперфективных контекстах мультипликативное прочтение, а в перфективных – семейфактивное» [Храковский 1998: 488-489].

(инхоативного, делимитативного, финитивного и др. ...»).

2.2. Рассмотрим теперь семантическое устройство глагола **прыгнуть**.

Мы полагаем, что он также располагает значением процесса.

Во-первых, он сочетается с наречием *медленно*:

*Перешагнул он порог, сгорбленный, морщинистый, в клочкастой заячьей шубе, и **медленно прыгнул** за стол...* (пример из Интернета).

Во-вторых, по аналогии с сочетанием *мелькнуло за долю секунды* [Черткова 1996: 70] возможно смоделировать:

*За долю секунды он **прыгнул** на подоконник.*

И наконец, он обнаруживает сильное семантическое сходство с моментальным глаголом *прыгать*, ср., например:

*Брумель уже **прыгал**? – Брумель уже **прыгнул**?*

*Я видел, как он **прыгал** два раза. – Я видел, как он **прыгнул** два раза.*

Следовательно, мы можем приписать глаголу *прыгнуть* такое же значение краткого негомогенного процесса и характеризовать его с помощью термина моментальный.

Однако его семантика содержит также дифференциальный компонент, ибо он является глаголом совершенного вида. Данный элемент в принятой нами теории квалифицируется как видовое значение конечного момента, или перфективность, и носителем его является суффикс *-ну-*. Этот компонент, согласно теории Г.С. Самедова, имеет весьма необычное свойство. Будучи в фокусе внимания, он скрывает важнейшее свойство процесса, а именно: его протяжённость [Самедов 1984а: 7-8, Самедов 1984б: 34]. Поскольку в моментальных перфективах перфективность скрывает значение процесса нестандартной – малой – протяжённости, лингвисты, руководствуясь языковым чутьём, уподобляют значение данных глаголов точке, или мгновению.

Если теперь мы обратимся к парадигме *прыгать // прыгнуть*, оба члена которой являются моментальными глаголами, то мы увидим, что она полностью соответствует определению чистовидовой парадигмы, предложенной Г.С. Самедовым. Её члены отличаются друг от друга только имперфективностью и перфективностью.

Что касается парадигмы *прыгать // прыгнуть*, где только перфектив представляет собой моментальный глагол, то не трудно видеть, что она является невидовой.

Заключение

Вот к таким выводам приводит нас изучение языкового материала и анализ богатейшей литературы вопроса в свете аспектологической теории Г.С. Самедова.

Если предложенная нами трактовка верна, то она ставит новые вопросы не только перед структурной, но также когнитивной лингвистикой.

Библиография

- Анкета 1997* – Ответы на вопросы аспектологической анкеты филологического факультета МГУ // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. 2. М., 1997. С.140-233.
- Апресян 1995* – Апресян Ю.Д. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.2. М., 1995. С. 219-242.
- БАС* – Словарь современного русского литературного языка. Т. 11. М., 1961.
- Бондарко, Буланин 1967* – Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Л., 1967.
- Борисова 1986* – Борисова Е.Г. Частновидовые значения и практические правила употребления видов русского глагола // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998. С. 80-87
- Виноградов 1986* – Виноградов В.В. Русский язык. М., 1986.
- Всеволодова 1997* – Всеволодова М.В. Аспектуально значимые лексические и грамматические семы русского глагольного слова // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. 1. М., 1997. С.19-36.
- Гловинская 1997* – Гловинская М.Я. Ещё раз к вопросу об инвариантах совершенного и несовершенного вида // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. 1. М., 1997. С.37-48.
- Гловинская 1998* – Гловинская М.Я. Инвариант совершенного вида в русском языке // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998. С. 125-133.
- Гловинская 2001* – Гловинская М.Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
- Грамматика 1953* – Грамматика русского языка. Т.1. М., 1953.
- Грамматика 1970* – Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Зализняк, Шмелёв 2000* – Зализняк А.А., Шмелёв А.Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Исаченко 1960* – Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Ч. 2. Братислава, 1960.
- Кошелев 1998* – Кошелев А.Д. К описанию главного видового значения русского глагола // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998. С. 219-230
- Кукушкина, Ремнёва 1984* – Кукушкина О.В., Ремнёва М.Л. Категории вида и времени русского глагола. М., 1984.
- Леман 1997* – Леман Ф. Грамматическая деривация у вида и типы глагольных лексем // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. 2. М., 1997. С. 54-68.
- МАС* – Словарь русского языка. Т. 3. М., 1984.
- Маслов 1959* – Маслов Ю.С. Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
- Маслов 1961* – Маслов Ю.С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения слав глагольного вида // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961. С. 165-195.
- Маслов 1984* – Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Мельчук 1998* – Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 2. Москва – Вена, 1998.
- Милославский 1981* – Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981.
- Мучник 1971* – Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971.

- Падучева 1996* – Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996.
- Падучева 1998* – Падучева Е.В. Семантические источники моментальности русского глагола в типологическом ракурсе // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998. С. 332-342.
- Падучева 2004* – Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Плунгян 1997* – Плунгян В.А. Вид и типология глагольных систем // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. 1. М., 1997. С. 173-190.
- Плунгян 1998* – Плунгян В.А. Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998. С. 370-381.
- Плунгян 2000* – Плунгян В.А. Общая морфология. М., 2000.
- Грамматика 1980* – Русская грамматика. Т.1. М., 1980.
- Самедов 1975* – О видовых, чистовидовых и нечистовидовых корреляциях // Тезисы докладов Республиканской научной конференции на тему «Актуальные проблемы исследования грамматического строя современного русского языка». АПИРЯЛ им. М.Ф. Ахундова. Баку, 1975.
- Самедов 1978* – О понятии видовой корреляция // Уч. зап. «Серия языка и литературы». АГУ им. С.М. Кирова. 1978, № 2.
- Самедов 1982* – Об одной преграде на пути изучения глагольного вида // Вопросы грамматической структуры азербайджанского языка. Издание АГУ им. С.М. Кирова. Баку, 1982.
- Самедов 1984a* – К вопросу о трехчленных цепях типа слабець – ослабець – ослабевать // Структурно-функциональный анализ слова в русском языке. Издание АГУ им. С.М. Кирова. Баку, 1984.
- Самедов 1984b* – К вопросу о трехчленных цепях типа слабець – ослабець – ослабевать // Русский язык и литература в азербайджанской школе. 1984, № 11.
- Самедов 1987a* – О так называемых трёхчленных цепях с синонимичными крайними членами // Лексическая и грамматическая синонимия в русском языке. АГУ им. С.М. Кирова. Баку, 1987.
- Самедов 1987b* – О взглядах на границы префиксальных чистовидовых корреляций // Русский язык и литература в азербайджанской школе. 1987, № 7.
- СОШ* – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
- Стрекалова 1979* – Стрекалова З.Н. Морфология глагольного вида в современном польском литературном языке. М., 1979.
- СУ* – Толковый словарь русского языка. Т.3. М., 1939.
- Тимберлейк 1998* – Тимберлейк А. Заметки о конференции. Инвариантность, типология, диахрония и прагматика // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998. С. 11-27.
- Храковский 1987* – Храковский В.С. // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 124-152.
- Храковский 1997* – Храковский В.С. Понятийная база и опыт классификации сем типов множества ситуаций // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. 2. М., 1997. С.128-139.
- Храковский 1998* – Храковский В.С. Типология семьфактива // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998. С. 485-490
- Черткова 1996* – Черткова М.Ю. Грамматическая категория вида в современном русском языке. М., 1996.
- Черткова 1997* – Черткова М.Ю. Инварианты русского вида и аспектуальные универсалии // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. 1. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 191-209.
- Шатуновский 2009* – Шатуновский И.Б. Проблемы русского вида. М., 2009.
- Шелякин 1978* – Шелякин М.А. Предельные и непредельные глаголы нес вида // Семантика и функционирование категории вида русского языка. Вопросы русской аспектологии. Вып. 3. Тарту, 1978. С. 43-63.
- Шелякин 1983* – Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола. Таллинн, 1983.

Шелякин 1987 – Шелякин М.А. Способы действия в поле лимитативности // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С.63-85.

Шелякин 1997 – Шелякин М.А. О спорных вопросах русской аспектологии // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. 1. М., 1997. С. 210-219.

Энциклопедия 1998 – Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1998.

Nezrin G. SAMEDOVA

ON THE STATUS OF THE ASPECTUAL PARADIGM ПРЫГАТЬ / ПРЫГНУТЬ

Summary

The author proposes differentiating two homonymous imperfectives *прыгать* in Russian. One of them is characterized with the meaning of a process of the standard length, whereas the other has the meaning of a process of a non-standard (short) length. The latter can be termed momentary, while the former is named non-momentary. The suggested solution allows postulating two paradigms in Russian, namely the purely aspectual one the imperfective member of which is the momentary *прыгать* and the non-aspectual one the imperfective member of which is the non-momentary *прыгать*.

Key-words: two homonymous imperfective verbs *прыгать*, the meaning of a process of the standard length, the meaning of a process of a non-standard length, purely aspectual paradigm *прыгать* (momentary) / *прыгнуть*, non-aspectual paradigm *прыгать* (non-momentary) / *прыгнуть*.

UDK

Изворен научен труд

Антония ПЕНЧЕВА

Университет национальной и мировой экономики, София

antonia_pencheva@unwe.eu**О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА В ТЕКСТАХ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ НА БОЛГАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

В данной работе в сопоставительном плане рассматривается функционирование глагольного вида в русском и болгарском языках на материале дипломатических документов последних лет (межгосударственных соглашений, договоров, конвенций).

Категория глагольного вида присуща всем славянским языкам, особый интерес представляет ее изучение в русском и болгарском языках. Анализ материала показывает, что существуют как сходства, так и различия в употреблении вида глагола. В большой степени это зависит от системных характеристик обоих языков, от специфики вида болгарского глагола и функционирования видов в различных временах и наклонениях.

На конкретном материале прослеживается функционирование глагольного вида в документах официально-делового стиля.

Ключевые слова: категория глагольного вида, русский язык, болгарский язык, дипломатические документы.

В данной работе в сопоставительном плане рассматривается функционирование глагольного вида в русском и болгарском языках на материале дипломатических документов последних лет (межгосударственных соглашений, договоров, конвенций).

Категория глагольного вида присуща всем славянским языкам, особый интерес представляет ее изучение в русском и болгарском языках. Анализ материала показывает, что существуют как сходства, так и различия в употреблении вида глагола. В большой степени это зависит от системных характеристик обоих языков, от специфики вида болгарского глагола и функционирования видов в различных временах и наклонениях.

На конкретном материале прослеживается функционирование глагольного вида в документах официально-делового стиля.

Всем славянским языкам свойственны однотипные функциональные сходства при выражении различных типов ситуаций глаголами СВ и НСВ. Употребление видов определяется либо объективным характером обозначаемых действий – законченностью/незаконченностью, кратностью/продолжительностью, результативностью/нерезультативностью, либо интерпретацией действия во времени говорящим. (Петрухина 2000:59)

Внимательное изучение категории вида в славянских языках обнаруживает большую неоднородность ее смыслового наполнения. В данном сообщении мы остановимся на некоторых сходствах и различиях видо-временной системы болгарского и русского глагола. Эти вопросы находят своего освещения в научной литературе в работах Л. Андрейчина, Св. Иванчева, Ю. Маслова, Ив. Куцарова, В. Станкова, Г. Венедиктова, В. Марковской, Кр. Чакыровой и др. Для болгарского языка характерна семантическая и структурная самостоятельность оппозиции СВ и НСВ, которая подчеркивается одинаковостью образования форм будущего времени для обоих видов (ще посочи – ще посочват: ще определяют – ще определят). Также, как справедливо заметил Ю. Маслов, эта четкость отграничения оппозиции СВ и НСВ, связанная с соблюдением ряда тонких смысловых различий, составляет важную специфическую черту болгарского глагола. (Маслов 1984: 92-93). Кроме видовой основы, взятой как целое, с учетом ее семантики, морфологического состава и системных связей, которая является носителем видового значения во всех славянских языках, для болгарского языка характерен способ суффиксальной имперфективации. Практически с небольшими исключениями от любой основы СВ образуется основа НСВ с суффиксом имперфективации (доведа – довеждам, изляза – излизам)⁵. Вслед за Масловым можно утверждать, что «СВ обозначает действие в его неделимой целостности – «естественной целостности» единичного конкретного факта или более или менее «искусственной» целостности, возникшей путем <...> «суммирования», объединения в одно целое объективно не единого действия, или же путем «экземплификации», – путем показа объективно-многократного действия на единичном примере отдельного конкретного случая, единичного акта этого действия. НСВ обозначает действие без указания на его целостность» (Маслов 1984:178). В болгарском языке эти видовые значения сложным образом коррелируют с имперфектом и аористом, выражая значения конкретно-фактического/конкретно-процессного или неограниченно-кратного, суммарного/ обобщенно-фактического или длительного, ограниченного, чередующегося действия, действия с общефактическим значением и т.д.

В текстах официально-делового стиля (ОДС) наблюдается специфический отбор глаголов и их функционирование. Это связано прежде всего с предназначением ОДС обеспечить однозначное толкование и применение правовых и административных документов. Глаголы, употребляемые в частности в дипломатических документах, принадлежат к лексико-семантическому кругу правовых отношений (*рус.* заявлять / заявить, информировать / проинформировать,

⁵ Примеры по Л. Андрейчину «К морфологической характеристике видовой системы современного болгарского языка». В кн. Вопросы глагольного вида, М, 1962, с. 213-237.

считаться / сестся, утверждать / утвердить, соглашаться / согласиться, уполномочивать/уполномочить, нарушать/нарушить и их болгарские соответствия заявявам/заявя, информирам/да информирам, утвърждавам/утвърдя, съгласявам се / съглася се, упълномощавам / упълномощя, считам се / счета се, нарушавам/наруша и т.п.).

Мы поставили себе целью проанализировать употребление наклонений и времен в данном типе текстов. Обязывающий юридический характер международных договоров, соглашений, конвенций и других видов дипломатических документов реализуется прежде всего изъявительным и сослагательным наклонениями. В данном сообщении мы сосредоточимся на анализе функционирования глагольного вида в изъявительном наклонении в активном залоге.

Употребление глагольных форм НСВ в изъявительном наклонении подчеркивает значение постоянной, ненарушимой тяжести договоренностей на протяжении длительного временного отрезка, охватывающего момент высказывания: (1) **рус.** *Каждая из Договаривающихся сторон **поощряет** инвесторов другой Договаривающейся Стороны осуществлять капиталовложения на своей территории и **допускает** такие капиталовложения в соответствии со своим законодательством. Каждая Договаривающаяся се страна **гарантирует безусловную защиту капиталовложениям** <...>. Доходы от капиталовложений **пользуются** такой же защитой <...>. (ДПВЗК 1993 ст. 2) **болг.** *Всяка от Договарящите се страни **насърчава** инвеститорите на другата Договаряща се страна да осъществяват инвестиции на нейната територия и **допуска** такива инвестиции в съответствие с националното си законодателство. Всяка от Договарящите се страни **гарантира безусловната защита на капиталовложенията** <...>. Приходите от инвестициите **се ползват** от същата защита <...>. (ДНВЗИ 1993 чл.2)* В данных примерах в обоих языках наблюдается эквивалентность в употреблении глаголов НСВ в настоящем времени в значении повторительного настоящего и будущего действия. В исследуемых нами документах встречается множество подобных примеров, из которых можно заключить, что в текстах данного подстиля преобладают конструкции с глаголами НСВ в настоящем времени над конструкциями с глаголами СВ в настоящем времени.*

В текстах юридического характера на русском и болгарском языке наблюдается высокая частотность использования модальных конструкций в настоящем и будущем времени индикатива. Употребление глаголов СВ настоящего времени возможно в сочетании с модальными глаголами **рус.** *мочь + инфинитив, болг.* *мога + да-конструкция* и модальными словами **рус.** *должен, обязан, следует, болг.* *трябва да, дължен е да.*

(2) **рус.** *Государство пребывания **может** в любое время **уведомить** представляемое государство <...>. В таком случае представляемое государство **должно** соответственно **отозвать** это лицо <...>. <...> государство пребывания **может** соответственно **аннулировать** экзекватуру или иное разрешение данного лица или **перестать считать** его работником консульского персонала. (КК ст. 7.1) **болг.** *Приемащата държава **може** по всяко време **да уведоми****

изпращащата държава <...>. В такъв случай изпращащата държава **е длъжна** съответно **да отзове** това лице <...>. <...>приемащата държава **може** според случая **да оттегли** екзекватурата или друго разрешение на даденото лице или **да престане да го смята** за член на консулския персонал. (КК чл.7.1) В данных примерах глаголы мочь – мога употреблены в значении «имеет право».

Для выражения значения должностования, характерного для данных текстов, типично употребление модальных слов в сочетании как с глаголами НСВ, так и с глаголами СВ.

(3) *До назначения главы консульского учреждения представляемым государством по дипломатическим или иным соответствующим каналам **должно быть получено согласие** государства пребывания в отношении предполагаемого лица.* (КК ст.3.1) В приведенном примере в русском языке употреблена конструкция в страдательном залоге, в то время как в болгарском варианте употреблена активная конструкция *Преди назначаването на шефа на консулството изпращащата държава **трябва да получи** по дипломатически или по друг надлежен път **съгласието** на приемащата държава **да допусне** съответното лице **да изпълнява своите функции** в качеството му на шеф на консулството.* (КК чл. 3.1) В приведенных примерах наблюдается расхождение в функционировании модальных словосочетаний в обоих языках. В русском языке оно построено по формуле *должно + инф.СВ + страдательное причастие СВ + имя.* В болгарском языке эта формула более усложнена: *трябва+да+глагол СВ+имя+да+глагол СВ+да+глагол НСВ+имя.* В данном случае находит проявление аналитизм болгарского языка. Модальное слово «трябва» употреблено в значении «необходимо».

В зависимости от контекста модальное слово «трябва» может иметь и значение «длжен е» («должен»): (4) **болг.** *«Консулската поща може да бъде поверена на капитана на кораб или командира на въздухоплователно средство. Този капитан или командир **трябва да носи** официален документ <...>.* (КК чл. 17.7) **рус.** *«Консульская вализа может быть вверена командиру судна или самолета. Она **снабжается** официальным документом <...>.* (КК ст. 17.7) В данном примере снова наблюдается расхождение в построении высказывания в обоих языках. На месте модальной конструкции в болгарском тексте в русском тексте употреблен возвратный глагол НСВ в индикативе в конкретно-процессном значении.

Если сравнить в текстах документов употребление русского модального слова «должен», то можно установить, что в болгарском языке оно передается разными способами – словами «длжен е» и «трябва», как и другими эквивалентными способами. Например: (5) **рус.** *«компетентный орган, получивший персональные данные, **должен обеспечить** их эффективную защиту <...>.»* **болг.** *«компетентният орган, който получава личните данни, **е длъжен** ефикасно **да защити** <...>.»* (ССБП ст. 9.6, 9.7) ; **рус.** *«**должна** соответствовать»* **болг.** *«**трябва да** съответства»* (КК ст. 4.2); **рус.** *«Государство пребывания **должно разрешать и охранять** свободу сношений <...>.»* **болг.** *«Приемащата държава **разрешава и закриля** свободата на съобщенията <...>.»* (КК, ст. 17.1)

Модальные слова в этих примерах сочетаются с глаголами СВ и НСВ или двувидовыми глаголами индикатива, выражающих предельный или непределительный способ действия. В последнем примере в тексте на болгарском языке не употреблено модальное слово. Тем самым, употреблением глаголов НСВ настоящего времени выражается как бы бóльшая степень категоричности, готовности к действию, чем в модальной конструкции.

Для передачи значения высшей степени долженствования в русском языке употребляется модальное слово «обязан/не обязан», которому в болгарском соответствует «задължен/не е задължен»: (6) **рус.** «...обязаны вести учет данных» (ССБП ст. 9.6) **болг.** «... са задължени да водят на отчет» (ССБП чл. 9.6).

Известно, что в русском и болгарском языках НСВ более активен в конструкциях с отрицанием (Петрухина 2009:117). В следующем примере наблюдается употребление глагола НСВ в отрицательном значении при обозначении однократного действия в обоих языках. (7) «Если государство пребывания **не дает согласия** на назначение какого-либо лица в качестве главы консульского учреждения, оно **не обязано сообщать** представляемому государству **мотивы такого отказа**». (КК ст. 3.2) Производит впечатление однако различное оформление высказываний. В русском варианте конвенции высказывание оформлено как сложное предложение с придаточным условным, выражающим возможное, предполагаемое условие. В болгарском варианте предпочитается простое осложненное предложение: «Приемащата държава **не е длъжна да съобщава** на изпращащата държава мотивите за своя **отказ да даде** такова **съгласие**.» (КК чл. 3.2).

В будущем времени изъявительного наклонения в рассматриваемых текстах встречаем употребление глаголов как СВ, так и НСВ: **рус.** «Договаривающиеся стороны **будут вступать** в контакт каждый раз, когда создается ситуация, которая представляет угрозу миру <...>.» (ДДО ст. 4) **болг.** Договарящите се страни **ще встъпят** в контакт всеки път, когато се създава ситуация, която заплашва и нарушава мира <...>.» (ДДО чл. 4) В данных примерах нет совпадения при выражении возможного повторяющегося действия в будущем – при наличии лексического уточнения «каждый раз» («всеки път») в русском тексте употреблен глагол НСВ, а в болгарском глагол СВ, хотя в этом контексте возможно употребление и глагола НСВ.

Фреквентность употребления глаголов прошедшего времени в документах юридического характера, регулирующих вопросы межгосударственных отношений в самых разных областях в течение длительного будущего периода значительно ниже, чем глаголов настоящего или будущего времени. Чаще всего встречаются в преамбуле, где формулируются основания, приведшие к подписанию документа: **рус.** «Стороны **договорились** о следующем», «**согласились** о нижеследующем» **болг.** «Страните **се договориха** за следното». Употребление форм прошедшего времени наблюдается в придаточной части сложных предложений с условным значением («Ако кораб на изпращащата държава **се е разбил** или **е претърпял** друго бедствие <...> компетентните

органи на приемащата държава уведомяват за това <...>» (КК чл. 54.1); «Если судно представляемого государства претерпело крушение, село на мель <...> компетентные органы государства пребывания информируют <...> (КК ст. 54.1) или в других наклонениях, но они не являются предметом исследования в этом сообщении.

Из проведенного сопоставительного анализа употребления и функционирования глагольного вида в текстах дипломатических документов на болгарском и русском языках можно заключить, что в изъявительном наклонении наблюдается употребление глаголов НСВ и СВ в настоящем и будущем времени с преобладающим употреблением НСВ для выражения повторительного настоящего и будущего действия и обязательности выполнения юридических норм и договоренностей. Также характерно и широкое употребление модальных конструкций, выражающих долженствование или возможности осуществления действия. В настоящем сообщении мы остановились на конкретных вопросах, представляющих частью более широкого исследования эквивалентности текстов дипломатических документов на русском и болгарском языках.

Библиография:

- Андрейчин Л. (1962): К морфологической характеристике видовой системы современного болгарского языка. В кн. Вопросы глагольного вида, М, с. 213-237.
- Бондарко А. В. (1971): Вид и время русского глагола (значение и употребление), М.
- Бондарко А. В. (1983): Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии, Наука, Л.
- Маслов Ю. С. (1963): Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке, М-Л.
- Маслов Ю. С. (1981): Грамматика болгарского языка, Высшая школа, М.
- Маслов Ю. С. (1984): Очерки по аспектологии, Изд. Ленинградского университета, Л.
- Петрухина Е. В. (1991): Славянская категория глагольного вида и сопоставительный анализ. В ж. Сопоставительно езиковедение, XVI кн., София, , № 4, с. 30-37.
- Петрухина Е. В. (1998): Сопоставительная типология глагольного вида в современных славянских языках (на материале русского, западнославянских и болгарского языков). В кн. Типология вида. Проблемы, поиски, решения, М, с. 356-364.
- Петрухина Е. В. (2000): Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками, М.
- Петрухина Е. В. (2009): Объяснительная теория славянского глагольного вида. В ж. Вестник Московского университета, сер. 9, Филология, № 5, с. 111-127.
- Рассудова О.П. (1982): Употребление видов глагола в современном русском языке, изд. Русский язык, М, второе издание.
- Станков В. (1980): Глаголният вид в съвременния български книжовен език, С.
- Guzman Tirado, Rafael y Verba, Galyna (2005): Curso de traducción juridico-administrativa (ruso/español y español /ruso), Centro de lingüística aplicada Antea, Madrid.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

на русском языке:

- СВЗКИ (2007): Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Болгарии о взаимной защите классифицированной информации
- ССБП (2006): Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Болгарии о сотрудничестве в борьбе с преступностью, особенно в ее организованных формах
- КК (1995): Консульская конвенция между Российской Федерацией и Республикой Болгарией
- СИДН (1993): Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Болгарии об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и имущество
- ДПВЗК (1993): Договор между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Болгарии о поощрении и взаимной защите капиталовложений
- ДДО (1992): Договор о дружественных отношениях между Российской Федерацией и Республикой Болгарией

на болгарском языке:

- СВЗКИ (2007): Споразумение между Правителството на Република България и Правителството на Руската федерация за взаимна защита на класифицираната информация.
- ССБП (2006): Споразумение между Правителството на Република България и Правителството на Руската федерация за сътрудничество в борбата с престъпността, особено в нейните организирани форми.
- КК (1995): Консулска конвенция между Република България и Руската федерация
- СИДДО (1993): Спогодба между Правителството на Република България и Правителството на Руската федерация за избягване на двойното данъчно облагане с данъци на доходите и имуществото.
- ДНВЗИ (1993): Договор между Правителството на Република България и Правителството на Руската федерация за насърчаване и взаимна защита на инвестициите.
- ДПО (1992): Договор за приятелски отношения между република България и Руската федерация.

Antonia PENCHEVA

ABOUT THE FUNCTIONS OF VERBAL ASPECT IN DIPLOMATIC DOCUMENTS IN BULGARIAN AND RUSSIAN LANGUAGES

Summary

At comparative level, this article examines how verb type in the Bulgarian and the Russian languages functions in diplomatic documents from recent years (international treaties, contracts, conventions).

As verb type is a typical verb characteristic in all Slavic languages, it is of particular interest in Bulgarian and Russian language studies. The analyses of the material reveal both similarities and differences in the usage of verb types. To a great degree these are determined by the differences between the two language systems, the specifics of Bulgarian verb types, and the functioning of verb types in various verb tenses and verb moods.

This specific material examines the functioning of verb types in the language of documents in the formal/official-business style.

Key words: verb type, Bulgarian language, Russian language, diplomatic documents

UDK

Изворен научен труд

Світлана СОКОЛОВА

Інститут української мови НАН України, Київ

a-senchuk@ukr.net

ПОЛІПРЕФІКАЦІЯ ЯК ЗАСІБ ВИРАЖЕННЯ МНОЖИННОСТІ В СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ ПОРІВНЯНО З РОСІЙСЬКОЮ ТА БІЛОРУСЬКОЮ

Статтю присвячено дослідженню аспектуальних властивостей дієслів із двома префіксами (префікси по- та на- як другі) та подвійним префіксом попо- в сучасній українській мові порівняно з російською та білоруською. Встановлено тісніший, порівняно з російською, зв'язок вторинної префіксації з видом, який полягає у вільному приєднанні других префіксів лише до основ недоконаного виду. Значення множинності (дистрибутивності та кумулятивності) виникає в багатопрефіксних дієслів лише за наявності безпосереднього мотиватора недоконаного виду та відсутності похідного імперфектива. У дієсловах із подвійним префіксом попо- множинність виявляється як повторюваність самої дії. Яскраво виражена стилістична функція подвійної префіксації, яка в певних випадках є домінантною.

Ключові слова: поліпрефіксація, дистрибутивність, кумулятивність, аспектуальний ланцюжок, рід дієслівної дії, безособова форма.

Дієслівна множинність як категорійне явище в українському мовознавстві ще не зазнала повного опису. Окремі праці українських дослідників виконані переважно на матеріалі неслов'янських мов, зокрема англійської [23] та латини [24]. Різним параметрам кратності українського дієслова присвячені кілька робіт [10; 11; 13; 18], які ще не дають повної уяви про те, як виражається множинність в українському дієслові.

Поліпрефіксація, зокрема у сфері дієслова, широко відома як загальнослов'янське явище, яке має власні особливості у кожній слов'янській мові [15] й зафіксоване з давніх часів [5]. Основні її закономірності висвітлені передусім як явище словотвору [3; 7; 8; 12; 16; 20], а також як поширений у розмовному мовленні, просторіччі та народному мовленні [19] засіб вираження аспектуальних значень дистрибутивності [1] та кумулятивності [9: 268], подекуди демінутивності [6]. У сучасній українській літературній мові сполучуваність префіксів із префіксальними основами доконаного виду (ДВ) обмежена переважно умовно подільними основами зі зв'язаними коренями (*піймати, примітити*) та основами, які

семантично дуже далеко відійшли від мотиваторів (*добути, забути, допомогти, позичити*) [22]. Саме з цими основами, кількість яких обмежена, функціонує широке коло дієслівних префіксів. Пор.: *піймати – упіймати, примітити – запримітити, добути – роздобути, забути – позабути, допомогти – допомогти* та ін. Префікси або семантично порожні, або виступають у тих самих значеннях, що й з непохідними основами: *розпозичити, перезабути, підпомогти* та ін.

Практично вільно приєднуються як другі префікси з кумулятивним (*на-*) та дистрибутивним (*по-*) значенням до основ вторинного НДВ *поприбивати, повиносити, навиписувати*. Те саме спостерігаємо в російській і білоруській мовах.

У російській мові, поряд зі згаданими випадками, можлива (хоч і менш поширена) вторинна префіксація основ ДВ: *понасесть, понанести, повыгрести, позараста, наотобрать, наприбить*, що зближує її у цьому плані з болгарською, де другий (а інколи й більше) префікс «приєднується зовсім не для того, щоб надати дієслову значення ДВ, а для того, щоб внести новий лексичний відтінок і утворити нове дієслово» [9: 114]: *дообясн'я, наизл'язя, разотїдем се* та ін. До того ж у російській мові можливе приєднання префікса *по-* до префіксальних основ ДВ не лише в дистрибутивному, але й у значенні слабкої інтенсивності та нетривалого здійснення: *поуклониться, послабнуть* [6].

«Одним з найоригінальніших утворень, властивих системі родів дії дієслова в українській мові» [17], В.М.Русанівський називає дієслова з подвійним префіксом *попо-*, що належать до делімітативно-інтенсивного роду дієслівної дії (РДД) і вказують на тривалу, інтенсивну або багато разів повторювану дію, здійснювану протягом певного часового відрізка: *попоходити, попоносити, попоїздити, поподумати, попобити*. Усі дієслова цього РДД стилістично марковані і вживані лише в розмовному мовленні, у художній літературі – в мові персонажів. Російською мовою це значення можна передати поєднанням дієслів делімітативного РДД з лексичними засобами [2]. Подібний РДД (з префіксом *папа-*) є також у білоруській мові: *папаварыць, папавазіць, папагнуць, пападзвіца, папамерзнуць* [4: 401].

Метою цієї статті є дослідження аспектуальних властивостей дієслів із двома префіксами (префікси *по-* та *на-* як другі) та подвійним префіксом *попо-* в сучасній українській мові. Закономірності сполучуваності різних типів основ з кількома префіксами та подвійним префіксом в українській, російській та білоруській мовах відображені в табл. 1. У словниках подано лише незначну кількість цієї лексики. Мовна практика показує, що дієслова з префіксом *по-* як другим мотивовані дієсловами практично з будь-якими іншими префіксами, тоді як сполучуваність префікса *на-* з іншими префіксами у двопрефіксних дієсловах досить обмежена. За свідченням В.М.Русанівського, найчастіше виступають сполучення префіксів *нави-, навід-* і *наз-* (*нас-*) [16: 269]: *Збираються чабани, .. спускаються у вогку колодязну глибінь, щоб вибирати звідти різну нечисть, мул, залізячка... Цілу купу, чорну, смердючу, навикидають, наллють осторонь від колодязя* (О.Гончар); *Всі люди на лану бачили, як я показувала панові свої синяки, як скидала очіпок і навитягала з кіс дві добрі жмені волосся* (І.Нечуй-

Левицький); *Жінка стала одбирати книжки.. Чималеньку вже **навідкладала** купку і ще відбирала* (А.Головко).

В однопрефіксних дієсловах кумулятивне та дистрибутивне значення префіксів виявляються серед інших (просторових, часових, об'єктних). «Виступаючи ж перед іншими префіксами, морфеми *на-* й *по-* набувають однозначності і можуть кваліфікуватися як формальні показники лексико-граматичних розрядів – родів дії» [16: 268]. РДД з кумулятивним та дистрибутивним значенням досліджували кілька українських авторів, проте у жодній з цих праць [10; 11; 14; 18] значення множинності не пов'язане безпосередньо з поліпрефіксацією та ступенем словотвірної мотивації, так само і поліпрефіксальні утворення розглянуті незалежно від ступеня похідності [12].

Таблиця 1. **Сполучуваність різних типів основ-мотиваторів з префіксами *по-* та *на-* та подвійним префіксом**

Мова	Префікс	Тип основи-мотиватора				
		НДВ I	ДВ		НДВ II (з тим самим префіксом)	НДВ II (з іншим префіксом)
			Первинна, префіксальна (членована умовно), суфіксальна	Префіксальна (з іншим префіксом), вільно членована		
Українська	Попо-	<i>попоходити, попоносити, попоробити</i>	--	--	--	--
	По-	<i>походити, поносити, поробити</i>	<i>подати, позабути, поколихнути</i>	<i>поспитати, повстати</i>	--	<i>понавивозити, порозклучувати, повизбирувати</i>
	На-	<i>наносити, наробити, накидати</i>	<i>насісти, накинати</i>	<i>наздогнати</i>	--	<i>навідбирати, нарозклучувати</i>
Російська	По-	<i>поносить, походить, поделать</i>	<i>подать, позабыть</i>	<i>понасесь, понанести, повыгresti, позарасти</i>	--	<i>понаносить, повыгребать, позарастать</i>
	На-	<i>наносить, наделать, накидать</i>	<i>насесь, накинуть</i>	<i>наотобрать, наприбить</i>	--	<i>навыкидывать, неотнимать, наприбивать</i>
Білоруська	Папа-	<i>папабегаць, папаварыць, папатресці</i>	--	--	--	--
	Па-	<i>паездзіць, павадзіць, пабалаваць</i>	<i>падаць</i>	--	<i>папазвоньваць, папакошваць, папакручваць</i>	<i>панадсякаць, пападкресліваць, папрастаць</i>
	На-	<i>набраць, навешаць, наскубці</i>	<i>накінуць</i>	--	--	<i>напрысылаць, назасушваць, наперабіраць</i>

Аналіз матеріалу, отриманого шляхом суцільного вилучення з низки художніх текстів, показав, що ці значення виявляються в префіксів лише за умови їхнього певного розташування у мотиваційно-видовому (аспектуальному) ланцюжку. Зразки ланцюжків наведено у табл. 2.

Таблиця 2. Ланки аспектуального ланцюжка

НДВ I (I)	ДВ I (II)	НДВ II (III)	ДВ II (IV)	НДВ III (V)	ДВ III (VI)
брати	<i>зібрати</i>	<i>збирати</i>	<i>визбирати</i> назбирати	<i>визбирувати</i>	<i>повизбирувати</i>
спати	<i>виспатися</i>	<i>висипатися</i>	повисипатися		
тікати	<i>втекти</i>	<i>втікати</i>	повтікати		
везти	<i>вивезти</i>	<i>вивозити</i>	повивозити навивозити		
стрибати	<i>стрибнути</i>	-	зістрибнути	<i>зістрибувати</i>	<i>позістрибувати</i>
	<i>зайняти</i>	<i>займати</i>	<i>позаймати</i>		
гребти	<i>вигребти</i>	<i>вигрібати</i>	<i>повигрібати</i>		
лягати	<i>лягти</i>	-	вилягти <i>налягти</i> полягти	<i>вилягати</i> <i>налягати</i>	<i>повилягати</i> поналягати
сідати	<i>сісти</i> посідати	- -	обсісти насісти <i>посісти</i>	<i>обсідати</i> <i>посідати</i>	<i>пообсідати</i>
гнати	<i>здогнати</i> наздогнати	<i>здоганяти</i> <i>наздоганяти</i>	<i>поназдоганяти</i>		
	<i>скоротити</i>	<i>скорочувати</i>	<i>поскорочувати</i>		
	<i>встати</i> повстати	<i>вставати</i> <i>повставати II</i>	<i>повставати I</i>		
		<i>розмовляти</i>	порозмовляти		
	<i>позбавити</i> <i>позбутися</i>	<i>позбавляти</i> <i>позбуватися</i>			
ходити	-	-	<i>попоходити</i>		
носити	-	-	<i>попоносити</i>		
плакати	-	-	<i>попоплакати</i>		

Першою ланкою такого ланцюжка є безпрефіксний мотиватор НДВ I, другою – його префіксальний або суфіксальний мотиват ДВ. На другому етапі пару утворюють дієслово ДВ (частіше – перфективоване, але може бути й первинний перфектив) і вторинний імперфектив. Якщо дієслово ДВ не похідне від відповідного безпрефіксного мотиватора, то спірним залишається й питання первинності ДВ відносно НДВ (*лягати* – *лягти*, *сідати* – *сісти*, *давати* – *дати* та ін.). З погляду словотвірної мотивації вони фактично рівноправні, оскільки на синхронному рівні важко з'ясувати, який суфікс первинний – суфікс ДВ або суфікс НДВ, особливо в тих випадках, коли відбувається чергування тематичних показників інфінітивних основ (*кінчити* – *кінчати*, *скочити* – *скакати*), до того ж ще й ускладнене чергуванням (*скоротити* – *скорочувати*), хоч з погляду видотворення ці пари частіше розглядають як результат імперфективації. Зважаючи на морфемний склад і враховуючи синонімію безпрефіксного і префіксального ДВ (*лягти* – *полягти*), пропонуємо вихідною ланкою вважати безпрефіксний НДВ (*лягати*), а обидва перфективи зараховувати до другої.

Первинні префіксальні дієслова зі зв'язаними основами зараховуємо до другої ланки, їхні видові кореляти – до третьої. Префіксальні перфективи, мотивовані первинними перфективами (*сісти* – *засісти*, *лягти* – *полягти*) вважаємо належними до четвертої ланки з пропуском третьої. Такий підхід методично

зручний, оскільки дає змогу визначити місце кожного дієслова ДВ і НДВ в єдиному ланцюжку:

НДВ I – ДВ I – НДВ II – ДВ II – НДВ III – ДВ III.

З цих позицій легко пояснити наявність чи відсутність дистрибутивного або кумулятивного значення в дієслів із кількома префіксами у випадках, коли позицію на початку слова посідають префікси *по-* та *на-*. У таблиці дієслова з аналізованими префіксами з дистрибутивним або кумулятивним значенням виділено жирним шрифтом, а з іншим значенням – підкреслено. Значення множинності виникає в багатопрефіксних дієслів лише за наявності безпосереднього мотиватора НДВ та відсутності похідного імперфектива: *Усі **повдягались** у довгі подорожні сукні і ждали тільки старого Шрама* (П.Куліш); *Знову була потім у скверику, де старі жінки внуків своїх **повивозили** у візочках не прогулянку* (О.Гончар). Саме місцем двопрефіксного дієслова в аспектуальному ланцюжку можна пояснити омонімію дієслів ДВ та НДВ. Пор.: *Отже, кажуть, буде таке время, що князь приїде на Турову Кручу, **повстають** (ДВ II) тури і підуть шукати собі диких пущ по Україні* (П.Куліш); *Коли діти **повстають** (НДВ II) проти батьків, вони **повстають** проти всього, що вважалось святим. Але якщо батьки своєю смертю ще можуть відкупитися перед дітьми, то їх помилки не знайдуть виправдання, у помилках батьки не воскресають, щоб не воскресити фальш минулого* (Р.Андріяшик). За приєднання префікса безпосередньо до префіксальної основи ДВ значення множинності не виникає, а дієслова з різною кількістю префіксів фактично синонімічні. Пор.: – *Ось зараз заїдемо до крамнички, **спитаємо**, почім кумач* (З.Тулуб) – *Що сказати матері да сестрі? – **поспитав** Петро* (П.Куліш); – ***Стривайте**, мамо, не спішить. Розкажіть краще, що в нас там дома робиться* (О.Гончар) – *Бгатику! **Постривай**, дай хоч подивитись на тебе. Зупинився Шрам* (П.Куліш); *Семена хутко **здогнала** його мати, несучи щось у клуночку* (Леся Українка) – *Відїхавши на таку відстань, що підводи вже не можна було **наздогнати**, молодиця озирнулась* (Р.Андріяшик).

Дієслова з подвійним префіксом *поло-* відповідають четвертій (і в цьому випадку останній) ланці аспектуального ланцюжка через пропуск двох попередніх ланок, оскільки префікс *поло-* в українській мові – це єдиний формант: *Я на своєму віку доволі **попов'язала** ран козацьких, да й Леся моя до сього діла здатна. Немов господь нам і поможе!* (П.Куліш); *Вибрикайсь на волі, коли дуже розжирів на товариському хлібі! І чи раз же то траплялось, що сердешний сіромаха **попогасає** по городах, ухопить, як там кажуть, шилом патоки да, побачивши на власні очі, що чорт має в світі нічного путного, покине жінку й дітей, вернеться в курінь* (П.Куліш); *Тепер саме в косовицю доведеться **попоноситись** із рукою! І чарки горілки не заробиш. От тобі й рада!* (П.Куліш).

Дистрибутивне та кумулятивне значення дієслів здебільшого вимагають узгодження з кількісним значенням (форма множини) суб'єкта дії і обов'язково об'єкта: *Тільки став, задер голову – уже занепокоїлась, заворушилась, чи загравою розбуркана, чи за лелечат тривожиться, щоб не **повипадали** з гнізда* (О.Гончар); *Кругом запорожці, як тії гусаки, **повитягували** шиї; слухають, що гетьман скаже. А гетьман повів кругом якомсь лукаво очима* (П.Куліш); *Ще раз погляне козак на*

сивого діда, ще раз погляне на дівчат: **позасукували** по локоть рукава, попідтикали плаhti і мережані заполоччю подоли... (П.Куліш). Подекуди множинність поширюється і на об'єкт, і на суб'єкт: *Серед ночі в коридорах появилися наглядачі і, **повідчинявши** камери, гукали: – Виходь! Виходь з речами!* (Р.Андріяшик) У конструкціях, що не передбачають прямого об'єкта, кількісне значення може бути закладене в інструменталі: *Запорожці не **навтішались** із такої терпеливості* (П.Куліш); *Ти ще хочеш **навтішатись** моїми муками!* (П.Куліш). В дієсловах із другим префіксом *на-* кількісне значення об'єкта підкреслене його родовим відмінком, подекуди зі спеціальним показником кількості: *Вранці солдати **навидовбували** у городах картоплі, спекли на багатті* (Р.Андріяшик); *Я сподівався, що до «гостей» всі підготувалися. І возів, як на таке село, справді **назбирали** мало* (Р.Андріяшик); *Я **назгортав** купу трісок в протилежному кутку ґанку і, сівши, зустрівся з пильним поблискуючим поглядом Іллі* (Р.Андріяшик).

Багатопрефіксні дієслова практично завжди стилістично виразні [12], і це подекуди спричиняє те, що множинність відходить на другий план, наприклад у випадках, коли кількість суб'єктів або об'єктів – лише два: – *Ми з Миколою, можна сказати, **повиростали** в замку* (Р.Андріяшик); *Текля зійшла з розуму, коли від тифу **повмирали** її чоловік і дворічна дівчинка* (Р.Андріяшик); *Вибравшись на нари, вона [Щуриха] стала шукати чоботи, та я їх **попідвішував** до гаків на стелі* (Р.Андріяшик). Часом співвідносні з двома суб'єктами або об'єктами дії можна схарактеризувати як інтенсивні: *Справді, Василь Невольник був собі дідусь такий мізерний, мов зараз тільки з неволі випущений: невеличкий, похилий, а очі йому **позападали** і наче до чого придивляються, а губи якось покривились, що ти б сказав – він і зроду не сміявся* (П.Куліш); *Старий уже був дуже дідуган той Грива; брови на очі йому **понасовувались**, і борода сива, до пояса* (П.Куліш); *Петро Стінковий і Федір Загата **повискакували** з оборв в одну мить* (Р.Андріяшик); *На фронті мені **повитягувало** руки, і мій підмайстрівський костюм прикуців* (Р.Андріяшик).

Досить активно в українській мові функціонують дієприслівники та пасивні дієприкметники з кількома префіксами: *Пізніше, коли Вірунька, **повкладавши** дітей, сіла посидіти біля вікна у звичній своїй позі чекання, «Москвич» все ще стирчав у кінці вулички* (О.Гончар); *А вже якби не ти, то ми б дознались, із якого дерева **повиточувані** спиці в ридвані* (П.Куліш). Ознаковість віддієслівних прикметників підкреслює їхню результативність і тим самим інтенсивність цього результату: *Ранені кричали до них, благали дострілити... Боже, як вони кричали, як вони благали, ті люди з **повириваними** животами, з **попереломлюваними** хребтами, з **повідриваними** ногами й руками!..* (І.Багрянний); *Коні в їх потомлені, одежа й тороки **позапилювані**: зараз було знати, що ідуть не зблизька* (П.Куліш); *На ньому була срібляста смушева шапка, коричнева куртка, вовняні про свято штани і високі чоботи з **попротираними** халявами; з-під ліктя визирав рожевий обрубок пальця, ліва повіка, як завжди, коли Він на щось напружено дивився, була опущена нижче за праву* (Р.Андріяшик).

Безособова дієприкметникова форма на *-но, -то* – специфічна риса української мови, яка не лише не передбачає виконавця дії, але й забороняє

його, навіть у непрямому відмінку, – ще більше підкреслює важливість результату та його незворотність, оскільки відсутність суб'єкта сприяє зосередженню уваги навколо об'єкта: *Кругом стін полиці, а на тих полицях срібні, золоті й кришталеві кубки, коновки, пляшки, таці і всяка посудина, що то на війні **поздобувано** (П.Куліш); **Постояли на тому місці, де колись нібито була дзвіниця, стояла окремо від собору, але вони вже її не застали, ще до війни дзвіниця зникла, дзвони **познімано**, язики **повиривано**, іржава рейка – бездарна заміниця дзвонів – вульгарним уламком висить на стовпі як герб догматиків і юшкоїдів...*** (О.Гончар).

Отже, семантичну класифікацію двопрефіксних дієслів та дієслів із подвійним префіксом *попо-* слід будувати з обов'язковим урахуванням їхнього місця у словотвірно-мотиваційному ланцюжку та семантики основи-мотиватора. Дистрибутивне значення як вияв категорії множинності є провідним для двопрефіксних дієслів, мотивованих дієсловами НДВ, і вимагає обов'язкового узгодження з множиною суб'єкта або об'єкта. В українській мові подекуди кількість можливих суб'єктів або об'єктів при дієслові не перевищує двох, у цих випадках, як і в разі приєднання другого префікса до основ ДВ, переважає стилістична функція подвійної префіксації; досить поширене вживання двопрефіксних дієприкметників в атрибутивній та предикативній функції, м у цьому випадку множинність підкреслюється результативністю. У дієсловах із подвійним префіксом *попо-* множинність виявляється як повторюваність самої дії. Подальша імперфективізація усіх багатопрефіксних утворень зі значенням множинності неможлива.

Література

1. Ананьева Н.Е. Дистрибутивный способ глагольного действия в древнепольском языке // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. – Т. 4. – М.: МАКС Пресс, 2004. – С. 9-24.
2. Ачилова Е.Л., Соколова С.О. Специфика аспектуального значения приставки *попо-* в украинском языке // Типология вида / аспекта: проблемы, поиски, решения: Тезисы II Международной научной конференции 22-26 сентября 2009 г., Симферополь – Гаспра. – М.: Изд-во Московск. ун-та, 2009. – С. 18-21.
3. Беляков В. Словообразовательная семантика вторичных глагольных приставок // Русский язык: пересекая границы. – Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 2001. – С.19-27.
4. Граматыка беларускай мовы. – Т. I. Марфалогія. – Мінск: Выд-ва АН БССР, 1962.
5. Дмитриева О.И. Сочетаемость структурных компонентнов полипрефиксальных глаголов с вторичной приставкой *по-* // Единицы языка и их функционирование / Межвуз. сб. науч. трудов. – Вып. 3. – Саратов, 1997. – С. 20-24.
6. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. - М.: Наука, 1992.
7. Ільїн В.С. Префікси в сучасній українській мові. – К.: Вид-во АН УРСР, 1953.
8. Королева Ю.В. Полипрефиксальные глаголы в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Томск, 2003.
9. Маслов Ю.С. Грамматика болгарского языка: Для филол. фак. ун-тов. – М.: Высш. школа, 1981.
10. Мединська Н.М. Структура семантичного поля дієслів багатократно- дистрибутивної і розподільної дії: Автореф. дис... канд. філол. наук. – К., 2000.
11. Парилляк Л.І. Структура функціонально-семантичного поля ітеративності в сучасній українській мові: Автореф. дис... канд. філол. наук. – Івано-Франківськ, 2008.
12. Парук А.В. Семантико-грамматические и стилистические параметры многоприставочных глаголов украинского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Днепропетровск, 1990.

13. Пшенична І. Семантичний потенціал дієслівних предикатів із мультиплікативним значенням в українській мові // Наукові записки. – Вип. 75 (2). – Філологічні науки (мовознавство): у 5 ч. – Кіровоград: РВВ КДПУ ім. В.Винниченка, 2008. – С.101-103.
14. Рибенюк В.В. Функціональн-комунікативна і структурно-пропозитивна парадигма перфективів: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Дніпропетровськ, 2000.
15. Ройзензон Л.И. Славянская глагольная полипрефиксация: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Минск: Институт языкознания им. Якуба Коласа, 1970.
16. Русанівський В.М. Префіксальний словотвір // Словотвір сучасної української літературної мови. - К.: Наук. думка, 1979. – С. 228-284.
17. Русанівський В.М. Роди дії // Українська мова: Енциклопедія / Вид. 3-тє, зі змінами і доп. – К.: Українська енциклопедія, 2007. – С. 578.
18. Сидоренко Т.М. Кількісні способи дієслівної дії в українській мові: Автореф. дис... канд. філол. наук. – К., 2005.
19. Синицина Е.В. Функционирование приставки *по-* в глаголах (на материале донских казачьих говоров) // Филологический поиск / Сб. науч. трудов. - Вып. 5. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2006. – С. 75-79.
20. Скоумалова З. Глагольное образование // Русская грамматика. – Т. 1. – Praha: Academia, 1979. – С. 523-600.
21. Соколова С.О. Аспектуальні категорії українського дієслова на тлі інших слов'янських мов // Українська мова. – № 2. – 2003. – С. 61 – 70 .
22. Соколова С.О. Префіксація дієслів доконаного виду в українській мові // *Ukrainica I: Současná ukrajínistika: problémy jazyka, literatury a kultury. 1.část /Sborník článků 2. Olomoucké Simpozium ukrajínistů 26-28 srpna 2004. – Univerzita Palackého v Olomouci. Olomouc, 2004. – S. 43-48.*
23. Тронь А.А. Засоби вираження кратності у сучасній українській мові: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Львів, 2008.
24. Чернюх Б. Засоби вираження предикатної множинності в латинській мові // Наукові записки. – Вип. 75 (4). – Філологічні науки (Мовознавство): у 5 ч. – Кіровоград: РВВ КДПУ ім. В.Винниченка, 2008. – С.116-119.

Svitlana SOKOLOVA

POLYPREFIXATION AS MEANS OF EXPRESSION OF MULTIPLICITY IN THE MODERN UKRAINIAN LANGUAGE COMPARED TO RUSSIAN AND BELARUSIAN

Summary

Polyprefixation, including the verbal one, is widely known as a Slavic phenomenon, which has its own characteristics in every language and has been noted from the earliest times. Compared to the Russian language, in the modern Ukrainian literary language, there observed a closer connection between secondary prefixation and aspect: second prefixes freely attached only to the stems of imperfect aspect. This article describes aspectual properties of Ukrainian verbs, which possess second prefixes "po" and "na" and double prefix "popo" and compares them with the Russian and Belarusian verbs. Compared to the Russian language, a closer connection between secondary prefixation and aspect was determined in this article: the meaning of multiplicity (distributivity and cumulateness) is detected in multiprefix Ukrainian verbs only in the presence of a direct motivator and absence of a derived imperfective. In the verbs with double prefix "popo", multiplicity is expressed as a repetition of the action itself. The stylistic function of the double prefixation is strongly pronounced, and dominates in a number of cases.

Key words: polyprefixation, distributivity, cumulateness, aspectual chain, manner of verbal action, impersonal form.

UDK

Изворен научен труд

Олена Л. АЧИЛОВА

ТНУ ім. В.І. Вернадського, Сімферополь

АСПЕКТУАЛЬНО-ФАЗОВІ МОДИФІКАЦІЇ ДІЄСЛІВ БАГАТОКРАТНОЇ СЕМАНТИКИ В СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

Статтю присвячено проблемі словотвірної модифікації аспектуально-фазових значень українських дієслів з багатократною семантикою. Системний підхід до вивчення дієслів з мультиплікативною семантикою дає можливість виділити семантичні групи цих дієслів і встановити специфіку аспектуально-фазових модифікацій, а також засобів і умов її реалізації. Процес перфективації багатократних дієслів найчастіше призводить до виникнення семантичної опозиції «багатократність / однократність». Проте, дієслівні основи-мотиватори з мультиплікативним значенням подеколи мотивують похідні із семантичними ознаками фазовості (початку, тривалості або результативності), які певним чином впливають на багатократну семантику мотиватора.

Ключові слова: багатократність, однократність, фазові модифікації, початковість, тривалість, результативність.

Стаття присвячена проблемі словотвірної модифікації аспектуально-фазових значень українських дієслів із багатократною семантикою.

Дії (події, ситуації), розчленовані на необмежено повторювані окремі акти або кванти, називають кратними (багатократними) М.Я. Гловинська [1]; О.К. Грекова [2]; Ісаченко О.В. [3]; Рощина Л.М. [4]; М.О. Шелякін [9]. Семантична категорія кратності реалізується в загальнодієслівній категорії аспектуальності та її субкатегоріях: виду і родів дієслівної дії.

Вивчення семантико-словотвірних особливостей дієслова та визначення семантичних груп потребує підходу на рівні його лексико-семантичних варіантів, тому що здатність дієслова до реалізації кратної семантики пов'язана із семантичним варіюванням. Категорія кратності виявляється в опозиції багатократність / однократність: «Кратність – це аспектуальне значення, що реалізується як сукупність двох взаємопов'язаних значень: однократності та багатократності» [8: 3]. В опозицію багатократність / однократність передусім вступають дієслова, які мають формально виражену ознаку принаймні однієї з протиставлених сем. Це такі дієслова, які у разі перфективації зазнають зміни

суфікса первинної основи на суфікс *-ну-* (*-ону-*) і характеризуються тим, що форми недоконаного виду (НДВ) виражають багатократне значення, а їхні кореляти доконаного виду (ДВ) – однократне значення. Тобто однократність, зумовлена одноактністю, морфемно виражена, а багатократність виявляється лише в умовах опозиції.

Дослідження показало, що в основі опозиції перебувають багатократні дії, здатні до повторення й членування на окремі акти. Ці дії виражені дієсловами, які можна умовно поділити на такі семантичні групи: «звук, що видає людина», «звук, що видають істоти», «звук предметів / явищ природи», «мовленнєва діяльність людини», група зі значенням «бити, кидати, стріляти», «рух, зміни розташування в просторі», «фізичний вплив на об'єкт / суб'єкт», «фізична дія без впливу на об'єкт / суб'єкт», «фізіологія», «дії, пов'язані з рідиною», «зоровий ефект», «падіння», «вживання їжі, питва», «особливості ходи».

Більшість базових багатократних дієслів української мови, які виражають повторювану дію, членовану на окремі акти, характеризуються природною здатністю вступати до зазначеної опозиції з відповідною зміною видової характеристики мотивованого дієслова. Мотивати з однократним значенням актуалізують дію, що відбувається в один прийом (тобто фази початку й завершення дії абсолютно або частково збігаються) і є собою одним з можливих актів відповідного мультиплікатива (*ойкати – ойкнути, бекати – бекнути, брязкати – брязнути, жбурляти, жбурити 1 – жбурнути, вилити 1,2 – вильнути, буркати – буркнути, колоти 1,2 – кольнути, брикати 1 – брикнути, дихати – дихнути, капати 1,3 – капнути, мелькати – мелькнути, хлебестати – хлебеснути, беркицати – беркицнути, шкандибати – шкандибнути тощо*). На зразок: *Артамонов намагався думати про батьків, як вони зрадіють, побачивши його, як будуть охати й **ахати**, пританцьовуючи від радості* (Л.Д. Дмитерко). – *Євгеній аж **ахнув** при такім несподіванім обороті справи* (І.Я. Франко); *Довго підступали до стола люди, довго **брязкали** п'ятаки на столі* (І.С. Нечуй-Левицький). – *Вікно **брязнуло**, розлетілась шибка, посипалось скло* (К.О. Гордієнко).

Опозиційні відношення такого типу О.М. Соколов вважав одним із трьох значень граматичної фазовості: «Чітко виділяються три значення граматичної фазовості: процесно-завершувальна, багаторазова – одноразова, початково-процесна» [5: 50]. Під терміном «фазовість» розуміємо вираження обмеженості процесності будь-якою часовою межею від моменту початку до завершеності [6: 128].

Наслідок перфективації дієслів з багатократною семантикою не завжди спричиняє виникнення опозиції багатократність / однократність. Дієслова з багатократною семантикою переважно аналізують із погляду їхнього входження до опозиції однократність / багатократність. Проте перфективація цих дієслів не зводиться лише до утворення похідних із суфіксом *-ну-*. У перфективації дієслів із багатократним значенням беруть участь префікси, які модифікують семантику мотиватора. Дієслівні основи-мотиватори з мультиплікативним значенням регулярно мотивують похідні з фазовою семантикою («початок дії», «тривалість дії» і «результат дії»), яка модифікує багатократне значення мотиватора без його

подальшої нівеляції. Це означає, що фазові дієслова ДВ, похідні від багатократних основ, є аспектуально-фазовими модифікаціями мультиплікативів, тобто реалізують певну фазу виявлення повторюваних дії.

Актуальність роботи зумовлена необхідністю системного дослідження дієслів з багатократною семантикою та їхніх аспектуально-фазових модифікацій.

Наукова новизна статті полягає у системному описі похідних від дієслів із багатократним значенням з метою вивчення семантичних перетворень, пов'язаних із перфективацією.

Метою роботи є аналіз аспектуально-фазових модифікацій багатократних дієслів у сучасній українській мові. Джерелом дослідження став Словник української мови в 11 томах.

Методика й матеріал: у роботі використано метод суцільного вибирання зі словника, опозиційний аналіз у межах мотиваційно пов'язаних одиниць та контекстний аналіз.

Багатократні основи мотивують дієслова з семантичною ознакою «початок дії», при цьому кратне значення основи-мотиватора не втрачає актуальності, а семантика префікса (*за-*) накладається на значення основи. Таку модель семантично можна схарактеризувати як початок повторюваної дії, тобто як таку фазову точку, що є відправною для подальшого розвитку кратної дії.

Аналіз матеріалу свідчить, що від дієслів НДВ усіх семантичних груп з кратним значенням утворюються перфектні форми ДВ з початковою семантикою: *охати – заохати, бекати – забекати, бряжчати – забряжчати, барабанити – забарабанити, виляти – завиляти, бурчати – забурчати, дряпати – задряпати, брикати – забрикати, кахикати – закахикати, булькати – забулькати 1,2, блимати – заблимати, сьорбати – засьорбати, гупати – загупати 2, крокувати – закрокувати*. Пор.: *Того ж таки тижня самого занедужала панночка. Охає і стогне, і кричить* (Марко Вовчок). – *Знов полізла [Кайдашиха] на піч, заохала й знов лягла одпочивать* (І.С. Нечуй-Левицький).; Та ось **бряжчать** ключі, скриплять завіси, Стукають кроки – се сторожа входить (І.Я. Франко). – *Мати кинулася до кошика, забряжчала посудом, подала пирога* (В.С. Кучер).

Окремо виділяємо дієслівні лексеми, утворені приєднанням конфікса *роз-* (*розі*)...-ся до основи-мотиватора. У значенні таких дієслів сема початковості зумовлена тим, що після інтенсивного початку дія триває. Це «значення інтенсивного, раптового початку дії» [7: 126]. Крім того, слід враховувати багатократну семантику основи, яка залишається незмінною: *ахати – розахатися, гавкати – розгавкатися 1, брязкати – розбрякатися, кивати – розкиватися, кричати – розкричатися, брикати(ся) – розбрикатися 1, моргати – розморгатися, полоскати(ся) – розполоскатися, падати – розпадатися*. На зразок: *А вночі, як спала [Маріка], бухикала так густо, як велика* (С.В. Васильченко). – *Це вже дід твій запалив люльку та розшвендявся та розбухикався так, що й мертвого розбудить* (Ю. Збанацький); *Собаки брехали, аж вили, неначе за поли когось водили* (І.С. Нечуй-Левицький). – *Їм було байдужісінько, чого, власне, сердиться німець, чого розбрехався його собачка-такс* (О.Є. Ільченко).

У процесі перфективації дієслова НДВ з кратною семантикою можуть набувати значення певної тривалості дії (формально вираженого префіксом *по-*), не втрачаючи семантичного компонента багатократності: *гейкати – погейкати, белькотати – побелькотати, брязкати – побрязкати, гупати – погупати 1, виляти – повиляти, бубоніти – побубоніти, гризти – погризти 1, брикати – побрикати, дихати – подіхати, бризкати – побризкати 2, блискати – поблискати, клювати 1 – поклювати 2, крокувати – покрокувати 2*. Пор.: *Надійшов старий Рябина, кахикає, харкотить і охає* (І.Я. Франко). – *Він пошпортав рукою в потертому портфелі. Витяг звідти якісь папери, **покахикав*** (С.М. Журахович); *Стара пані притуляє до очей якісь прозорі скельця і щось **белькоче*** (О.В. Донченко). – [Петраш:] *Тут нова okazія... Парламентер від Петлюри.., може, хай трохи **побелькоче** з тобою?* (Ю.О. Мокрієв).

Дієслівні лексеми семантичної групи «падіння» характеризуються семантикою миттєвості, несподіваності, що зумовлює їхню неможливість виступати мотиваторами дієслів, що позначають певну тривалість дії.

Окрему групу утворюють дієслова, похідні від основ-мотиваторів з кратним значенням, до яких приєднується префікс *про-*, що також надає похідним дієсловам семантичної ознаки «якийсь час»: *ахати – проахати, валувати – провалувати, бренькати – пробренькати, бемкати – пробемкати, гойдати – прогойдати, базікати – пробазікати, гризти – прогризти 2, плигати – проплигати 2, зівати – прозівати, булькотати, булькотіти – пробулькотати, пробулькотіти, крокувати – прокрокувати 2*. Для лексем ЛСГ «вживання їжі, питва» значення багатократної дії, обмеженої часовим проміжком, виражене префіксом *про-*, не актуальне. Це значення передають лише форми з префіксом *по-*. Дієслівні основи ЛСГ «зоровий ефект» також не сполучаються з префіксом *про-* у цьому значенні. Семантику дії, обмеженої в часі, дієслова цієї групи передають шляхом сполучення однократних форм ДВ з лексичними засобами кількісних уточнень (*блиснути **кілька разів, тричі** шугнути* тощо) або багатократних форм НДВ з часовими детермінантами (*мерехтіти якийсь час, довго мигтіти* і т.ін.). Дієслова ЛСГ «падіння» не сполучаються з семантикою «дія, обмежена часовим проміжком», що зумовлене їхнім лексичним значенням.

Зауважимо, що на відміну від дієслівних утворень з формантом *по-*, лексеми з префіксом *про-* потребують контекстної підтримки для вираження повторюваної дії, обмеженої певним часовим проміжком. За відсутності лексичних показників значення дієслів з афіксом *про-* зводиться до однократного виявлення дії: *прокукурікати **цілу ніч*** (багатократна тривала дія) – *прокукурікати (один раз)*. Пор.: *В другому кінці вагона дедалі голосніше **стогнав** обпалений танкіст* (О.Т. Гончар). – *Он учора, як сова та, як сич, **цілу ніч простогнала** [Загнибідиха] та проголосила* (Панас Мирний) – *Раптом **простогнав** Василь Максимович – тим довгим здавленим стогином, коли сниться щось жахливе* (Ю.Ю. Шовкопляс); *На селі було тихо. Тільки десь на далекому кутку сонно **брехав** собака* (О.В. Донченко). – *Усю ніч Рябко **пробрехав**, – мабуть вовка чув* (Словник Гринченка).

Особливу групу дієслів зі значенням обмеженості в часі утворюють суто українські похідні з подвійним префіксом *попо-*. Такі дієслова виражають «тривалу, інтенсивну або багато разів повторювану дію, здійснювану протягом певного часового відрізка» [7: 128]. Серед таких дієслів є похідні від мультиплікативних основ-мотиваторів. Зауважимо, що крім повторюваного значення мотиватора, дієслова з префіксом *попо-* актуалізують семантику обмеженості дії в часі й інтенсивності її виконання (*стогнати – попостогнати, лаяти – пополаяти, гриміти – попогриміти, бити – попобити 1, крутити – попокрутити, говорити – попоговорити, топтати – попотоптати, скакати – попоскакати, дихати – поподихати, брѣхатися – попобрѣхатися, падати – попопадати, їсти – попоїсти*). Пор.: *Вічно товчуться [у заїзді] оті створіння [люди], кричать, метушаться і сміять* (М.М. Коцюбинський); *Поранений глухо стогнав* (П.Ф. Кочура). – *Що вже попокричав, що попостогнав уві сні, так бодай і не згадувати...* (Остап Вишня); *Кругом його [стовпа] гуде безсонний жук* (Л.І. Глібов). – *Дітки гомонять самі одні, і вже така їм утішка з того, як горобці прилетять – зацвірінкають або голуб попогуде* (Марко Вовчок).

Обмежено-інтенсивне значення не актуалізують дієслова груп «зоровий ефект» і «особливості ходи». На нашу думку, це пов'язане з тим, що в значенні цих дієслів уже закладена сема інтенсивності, а обмеженість дії в часі реалізують мотивати цієї групи з префіксами *по – і про-*.

Багатократні основи мотивують також похідні з фазовим значенням завершення або результату дії. При цьому багатократність основи-мотиватора зберігається й у похідних формах ДВ з результативним значенням, але стає менш актуальною, периферійною. Тут багатократність, ускладнена результативністю, перетворюється на інтенсивність. Модель утворення результативних дієслів від мультиплікативних мотиваторів можна позначити як фінальну фазову точку, якій передувала повторювана дія.

Семантика результативності може виявлятися з різним наповненням: досягнення дією результату, завершення дії без подальшого її тривання тощо: *гарикати – нагарикати, скрекотати, скрекотіти – відскрекотати, відскрекотіти, дзвонити – видзвонити 2, стрелити – дострелити 1,2, колисати – заколисати 1, базікати – добазікатися, гризти – обгризти, стрибати – відстрибати, смоктати – досмоктати, крапати – закрапати, сьорбати – насьорбатися 1*. Пор.: *Знаю, що так не минеться – буде гарикати [Мотря] під дверима, буде витівати, поки не зволоче мене з ліжка* (С.В. Васильченко). – *За день так наговоришся та нагарикаєшся, що увечері тільки й тягне на самоту* (В.С. Кучер); *Над парками на київських кручах кружляло, каркаючи, гайвороння* (Ю.К. Смолич). – *Вона [ворона] повернулася з дуба тільки ввечері і накаркала такого дощу й грому, що погноїла все сіно* (О.П. Довженко).

Таким чином, результативні дієслова не походять від основ-мотиваторів семантичних груп «зоровий ефект», «падіння», «особливості ходи», що зумовлюється неактивністю суб'єкта дії і незалежністю результату від суб'єкта.

Результативні дії можуть характеризуватися великим ступенем інтенсивності, що виражають кумулятивні (сумарні) та дистрибутивні дієслова.

Обов'язковою характеристикою таких дієслів є наявність суб'єкта, який виконує дії. Кумулятиви й дистрибутиви зараховують до багатократних дієслів, проте вони не завжди походять від основ з мультиплікативною семантикою. Тому в нашій роботі розглянемо лише такі з них, які мотивовані багатократними дієсловами.

Кумулятивні дієслова походять від дієслів семантичних груп «фізичний вплив на об'єкт / суб'єкт», «мовленнева діяльність людини», «бити, кидати, стріляти», «рух, зміна положення в просторі», «фізіологія», тобто від таких дієслів, які означають дії суб'єкта / суб'єктів, спрямовані на досягнення результату з семантичною ознакою «якась кількість» (*кусати – накусати, базікати – набазікати, кидати – накідати 1, смикати – насмикати 1, 2, ковтати – наковтатися*). Пор.: *Лакеї, конюхи і слуги, Всі кухарі і скороход, Побравшись за руки, ходили І все о плутнях **говорили*** (І.П. Котляревський). – *Клава взяла чемодан в другу руку, кинула весело: – **Наговорила, накаркала** – тьху! Не будемо гадати та загадувати* (І.О. Рябокляч); *Батько... десь під посадкою похапцем **ковтає** торішні консерви з бляшанки* (О.Т. Гончар). – *Довго я пірнав, аж поки води **наковтався*** (Юрій Збанацький).

Дієслова з дистрибутивним значенням є похідними від базових дієслів семантичних груп «фізичний вплив на об'єкт / суб'єкт», «бити, кидати, стріляти», «фізіологія», «рух, зміна положення в просторі». Ці дієслова характеризуються спрямованістю дії на різні об'єкти (або у різні місця, охоплені дією) та наявністю певного виконавця або виконавців (*кусати – обкусати, кидати – вікидати 1, глитати – переглитати, хватати – розхватати*). Пор.: *Десь далеко **стукає** калатало нічного сторожа* (М.М. Коцюбинський). – *Узяв [Микола] залізний ломик і почав **обстукувати** стіни, стелю, перевіряючи, чи не відірветься під час роботи якийсь шматок* (Д.В. Ткач); *Ми з архітектором стояли біля джерела і крізь скляні трубочки **смоктали** із склянок воду* (О.Г. Десняк). – *Дяки і гості пообідали.., кісточки **пересмоктали*** (Г.Ф. Квітка-Основ'яненко).

Таким чином, нами виділено 14 семантичних груп дієслів НДВ з багатократною семантикою, від яких походять дієслова ДВ з різними аспектуально-фазовими модифікаціями у виявленні дії. У перфективах мультиплікативне значення основ-мотиваторів цих семантичних груп зберігається, передусім якщо модифікація стосується початку дії або обмеження певним часовим проміжком. Результативна модифікація певною мірою послаблює багатократне значення, зосереджуючи увагу на результаті і перетворюючись на інтенсивність. Встановлено специфіку аспектуально-фазових модифікацій дієслів з багатократним значенням, а також засоби й умови їхньої реалізації.

Література

1. Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. – М.: Наука, 1982 – 155 с.
2. Грекова О.К. Виды значений повторяемости и средства их выражения // Вестник Московского университета, Сер. Филология, 1979, №2. – 37-48 с.
3. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: Морфология II. – Братислава: Изд-во Словацкой АН, 1960. – 577 с.

4. Рощина Л.М. Способы выражения повторяемости действия в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1977. – 24 с.
5. Соколов О.М. Фазовое варьирование в видовых оппозициях русских глаголов // Филологические науки. – 1985. №.4. – С. 46-52.
6. Соколов О.М. Основы имплицитной морфологии русского языка. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 203 с.
7. Соколова С. О. Префіксальний словотвір дієслів у сучасній українській мові – К.: Наукова думка, 2003. – 283 с.
8. Тронь А.А. Засоби вираження кратності у сучасній англійській мові: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Львів, 2008. – 24 с.
9. Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола: (Теоретические основы). – Таллин: Валгус, 1983. – 216 с.

Джерело

Словник української мови в 11 томах. – К.: Наукова думка, 1976.

Olena ACHYLOVA

ASPECTUAL AND PHASAL MODIFICATIONS OF VERBS, WHICH POSSESS MULTIPLICATIVE SEMANTICS IN MODERN UKRAINIAN

Summary

This article discusses the issue of word-formative modification of aspectual and phasal meanings of the Ukrainian verbs, which possess repetitive semantics. Systematic approach to the study of verbs, which possess multiplicative semantics, gives a possibility to identify semantic groups of verbs, determine specificity of aspectual and phasal modifications and means and conditions of its realization. *Perfectivation* process of frequentative verbs often entails creation of semantic opposition "frequentative / semelfactive". However, in some cases verb stem - motivators with multiplicative meaning can motivate derivatives, which possess semantic features of phasal actions (beginning, duration, or resultativeness) that in a certain way affect the motivator's repetitive semantics.

Key words: multiplicative, semelfactive, phasal modifications, beginning, duration, resultativeness.

Виолета Јанушева

Универзитет „Св. Климент Охридски“, Битола

vjanuseva@yahoo.com**МУЛТИПЛИКАТИВНАТА ВИДСКА КОНФИГУРАЦИЈА (МВК) НА СЛОЖЕНИТЕ СЕАНТЕМИ ОД ПРВ СТЕПЕН (СЛОЖЕНОСТ ОД ПРВО РАМНИШТЕ)**

Во трудот се претставува МВК на сложените семантеми од прв степен, од првото рамниште на сложеност, се покажуваат моделите на овие семантеми и се определуваат формалните показатели на структурите за изразување на оваа конфигурација.

МВК му припаѓа на сложените несвршен вид. Доминантниот вид на МВК е изразен преку компонентата: *се случува нешто* и го означува дејството во неговото траење. Во рамките на тоа траење, односно во рамките на тој континуум се повторува (мултиплицира) моментот. Подредениот моментен вид е претставен преку делот *повеќепати P, P, P, ...* Тој е претставен преку дејството изразено со глаголската семантема. Дејството се претставува како серија од моменти кои се повторуваат.

Моментот кој се мултиплицира се сфаќа како прост момент. Простиот момент е еднократен акт кој се повторува на временскиот континуум. Станува збор за регуларно, потребно повторување инхерентно на глаголската семантема. Во однос на ова МВК се разликува од ХВК која ја претставува можноста дејството да се случи, а не фактичкото траење на дејството. Анализата покажува дека најчесто ХВК се надградува врз МВК, дека само контекстот може да постави граница меѓу овие две конфигурации и дека на ова поле потребни се понатамошни испитувања.

Анализата покажува дека мултипликативните семантеми се повеќезначни. Во однос на поимската сложеност анализата покажува дека МВК не може да се изрази преку прости семантеми, туку само преку сложени мултипликативни семантеми од прв и втор степен. Во однос на МВК во македонскиот јазик не постојат коренски мултипликативни семантеми туку само коренски морфеме со моментна видска вредност.

Анализата покажува дека видскиот момент кај овој вид семантеми се лоцира во коренската морфема и во суфиксот и дека во македонскиот јазик постојат двоморфемски, триморфемски, четириморфемски мултипликативни семантеми од прв степен од првото рамниште на сложеност. Анализата, исто така, покажува дека не постојат формални показатели што ја определуваат МВК.

Клучни зборови: мултипликативна видска конфигурација, мултипликација, момент.

1. Општи податоци

Терминот МВК како семантичка категорија за првпат се употребува во теоријата на Каролак, а понатаму таа семантичка теорија е разработена и применета и врз глаголите во македонскиот јазик од Спасов, Пановска-Димкова, Тофоска и др. МВК, според семантичката теорија за видот, претставува една од конфигурациите која му припаѓа на сложениот несвршен вид, во кој доминира континуумот. Појдовна точка во Трудот се семантички ориентираните испитувања за глаголскиот вид, односно теоријата на Станислав Каролак, според која видот може да се изразува и со лексички и со граматички морфеми⁶.

Во Трудот се претставува МВК во македонскиот јазик само на сложените семантики од прв степен од првото рамниште на сложеност⁷, се даваат моделите на овие мултипликативни сложени семантики и се определуваат формалните показатели на структурите за изразување на МВК кај овој вид семантики, групирани според семантичката и структурна сложеност.

МВК го претставува сложениот несвршен вид и означува дека се мултиплицира моментот, односно се повторува моментот кој се наоѓа во глаголската семантика - кај конфигурациите со доминантат момент и кај конфигурациите со доминантат континуум⁸.

Семантичка особеност на МВК е дека мултипликативната глаголска семантика означува дејство кое по својата природа се состои од редица истородни акти или моменти кои се повторуваат⁹, како и тоа дека МВК е монотемпорална што значи дека моментите кои влегуваат во мултипликативното множество се однесуваат на еден непрекинат временски период кој може да биде краток или долготраен.

⁶ За семантички ориентираните испитувања на глаголскиот вид во македонскиот јазик, в. Каролак (1997, 2000), Спасов (1996-2005), Пановска-Димкова (1997-2003), Тофоска (1997-2005)

⁷ За мултипликативните сложени семантики од прв степен од второто рамниште на сложеност и за мултипликативните сложени семантики од втор степен, в. Јанушева (2009) - докторска дисертација. При анализата на сложените мултипликативни семантики од прв степен од првото рамниште на сложеност не се разгледува улогата на префиксите (морфеми кои ја рефлектираат видската вредност на коренската морфема или внесуваат дополнително лексичко значење) кои структурно го зголемуваат бројот на морфемите на семантемата.

⁸ в. Каролак (1997, 2000), Спасов (1996-2005), Пановска-Димкова (1997-2003), Тофоска (1996-2004). Во анализата на МВК, односно на моментот кој се мултиплицира не се навлегува во толкувањето на различните математички, филозофски и други импликации на многузначниот поим момент и сл. Поимот момент се прифаќа аксиоматски во она значење што го има во секојдневната комуникација, многу кратко времетраење на дејството претставено со глаголската семантика, неодреден краток период на време, мигновено дејство, мал дел од секундата, минутата, часот, денот без да се определува времетраењето на тој момент. Исто така, не се навлегува ни во дефинирање на времетраењето на интервалите меѓу моментите кои се составен дел на одредена глаголска семантика. И за нив се прифаќа дека станува збор за неодредено краток период на време. Интервалот се сфаќа како времетраење меѓу два момента, два настана или две ситуации.

⁹ Формални показатели, карактеристични за мултипликативното множество, како на пример, множинската форма на субјектот и на директниот предмет во Трудот не се разгледуваат.

2. Логичка дефиниција на мултипликативната видска конфигурација

Логичката дефиниција на мултипликативната видска конфигурација гласи: *се случува нешто повеќепати (од X) или се случува P, P, P, ...* и означува мултиплицирање, повторување, односно многукратност на моментот во дејството и на моментот во настанот или ситуацијата сфатени како момент¹⁰.

Тропа на масата: *се случува x да прави троп + да прави троп + да прави троп + ... на масата.*

Марија чукнува на вратата: *се случува Марија да чукне + да чукне + да чукне + ... на вратата.*

Парафразите на глаголските семантеми се различни и тие зависат од видската карактеристика на соодветната категорија на која припаѓа глаголската семантема.

2.1. Доминантен континуативен вид

Се случува нешто повеќепати (од X)

Надредената континуативна видска вредност на МВК е претставена преку исказот: *се случува нешто*. Континуативниот вид го означува дејството во неговото траење, односно во неговото случување. Континуативноста е дел од релативно апстрактна семантичка компонентата, односно компонента на поимот на процес се случува¹¹. Во рамките на тој континуум, во рамките на тоа случување на дејството се повторува (мултиплицира) моментот. На пример, во реченицата: *Тој тропа*, дејството на тропање трае неограничено во времето: *се случува тропање*.

2.2. Подреден моментен вид

Се случува нешто повеќепати - *P, P, P, ... (од X)*

Моментниот вид е претставен преку делот повеќепати: *P, P, P, ...* Подредениот моментен вид е претставен со дејството означено со глаголската семантема (в. Каролак и Спасов (1997) и Пановска-Димкова (2003)). Дејството го претставува подредениот момент кој се повторува во времето.

¹⁰ За моментот може да се користи и поимот настан. Во тој случај се врши апстракција на моментите што се случиле во настанот. Сфаќањето на настанот како момент е важна специфичност на МВК, но таа во Трудот не се разгледува. За настанот сфатен како момент в. Јанушева (2009) - докторска дисертација

¹¹ Каролак (2000: 73) смета дека континуативноста е дел од релативно апстрактна семантичка компонента врз која се базирани процесуалните поими, односно континуативноста е компонента на процесот се случува. Поимот се случува ги опфаќа сите дејства со континуативна доминанта кои можат да се сфатат како множества од настани, без разлика на тоа дали дејствата се случуваат со јасно определен вршител или не.

Дејството се претставува како серија моменти кои се повторуваат, серија од еднократни акти што ги врши агенсот во една последователност, при што еден момент претставува еден завршен акт од низата акти што го сочинуваат тоа дејство. Мултипликацијата е множество на поврзани моменти на временскиот континуум, а интервалот, исто така, означува поим на множество поврзани моменти сместени меѓу два момента - почетен и краен.

Подредениот моментен вид го означува повторувањето на моментот и може да биде претставен со простиот моментен вид и со која било конфигурација со моментна доминанта.

3. Прост момент

Моментот кој се разгледува кај МВК сфатен како прост момент, претставува еднократен акт или чин кој се мултиплицира, т.е. се повторува во рамките на временскиот континуум. Станува збор за регуларно (потребно) повторување, инхерентно на глаголската семантика што соодветствува на мултиплицирање на моментот, односно на МВК. На пример, коренската морфема *чук*- има моментна видска вредност и означува прост момент, еднократен чин или акт. Кога на коренската морфема со моментна видска вредност *чук*- ќе ѝ се додаде суфикс со континуативна видска вредност *-а*, се добива семантика со мултипликативна видска конфигурација: *се случува x да прави чук + да прави чук + да прави чук + ...*:

се случува нешто
континуум
-а

повеќепати
момент + момент + момент
P, P, P, ...
чук + чук + чук +....

(од X)

Примери на употреба:

Надвор некој пука со пушка: *се случува некој да прави пук + да прави пук + да прави пук + ... со пушка.*

Кога е нервозен удира со нозете по клупата: *се случува тој да прави удар + да прави удар + да прави удар + ... по клупата.*

3.1. Значење на мултипликативната видска конфигурација

Видската категорија мултипликативност означува дека се повторува моментот во дејството. Моментот се повторува на временскиот континуум без да се исполнува некаков услов. МВК, за разлика од ХВК, не ја претставува можноста дејството да се случи, станува збор за дејство кое се случува во актуелно време, односно за тоа дека повторувањето на низата од моменти што го сочинуваат тоа дејство се случува во актуелно време.

3.2. Повеќезначност на мултипликативните сложени семантеми од прв степен од првото рамниште на сложеност

Поголемиот број од сложените мултипликативни семантеми од овој вид кај кои повторувањето на моментот е регуларно и неопходно, односно оние каде дејствата можат да се претстават како низа од еднократни чинови или моменти, може да се каже дека се појдовно мултипликативни. Сепак, испитувањата покажуваат дека тие влегуваат и во контексти кои ја покажуваат нивната повеќезначност.

Како резултат на видската повеќезначност се добиваат и различни реченици: *Тој сече*¹² *леб* - ТЛК vs *Тој сече парчиња леб* - МВК vs *Тој сече леб* - ХВК. Во глаголската семантема *сек* е вградена мултипликација, бидејќи дејството на сечење подразбира повторување на низа од истородни моменти, односно еднократни чинови. Одговор на прашањето дали семантемата *сече* е телична, хабитуална или мултипликативна покажува контекстот, а доколку контекстот е синонимен, тогаш толкувањето на семантемата како телична, хабитуална или мултипликативна зависи од парафразата што се дава за таа глаголска семантема во тој одреден контекст. Претпоставуваме дека тоа зависи од информацијата која е првенствено важна за зборуваачот.

Повеќезначноста на овој вид семантеми значи дека врз МВК се надградува значењето на ХВК или пак дека МВК се надградува врз друга видска конфигурација, најчесто врз ТЛК¹³.

3.3. Мултипликативната видска конфигурација и контекстот vs ХВК

Односот меѓу МВК и ХВК е многу комплексен. За да се покаже разликата меѓу нив потребно е да се оддели редовното, регуларното, потребното повторување, инхерентно на семантиката на глаголската семантема што е соодветно на МВК од честото повторување и склоноста да се повторува дејството, можноста дејството да се случува што е соодветно на ХВК. На пример, во реченицата: *Некој троп во дворот*, глаголската семантема *тропа* покажува МВК: на временскиот континуум се случува повторување, мултиплицирање на низата моменти што го сочинуваат дејството *тропа*, со парафраза: *се случува x да прави троп + да прави троп + да прави троп + ... vs За Нова година одам во Грција* - глаголската семантема *одам* покажува ХВК, повторувањето не е инхерентно на глаголската семантема *одам*, не е својствено на семантемата *одам*, не трае дејството на одењето туку можноста одењето да се случи, значи се случува како резултат на дејствувањето на одреден фактор S.

Сложените семантемите од прв степен кои покажуваат МВК од прво рамниште на сложеност можат да се јават и во контекст неодреден во времето.

¹² Во трудови кои се занимаваат со слична проблематика глаголската семантема *сече* е определена како појдовно телична, в. Тофоска (2005).

¹³ За надградувањето на МВК врз ТЛК в. Јанушева (2009) - докторска дисертација.

На пример, *Тој троп во дворот* - актуелен контекст vs *Секоја вечер некој троп во дворот* - контекст неопределен во времето (атемпорален). Во рамките на ХВК може да се повторува одреден момент, односно ХВК да е надградена врз МВК. Надградувањето значи дека врз сложената видска конфигурација се додава значење: *Секоја вечер некој троп во дворот*, Ако S се случува P, а P е составено од истородни P, P, P, ... (в. Пановска-Димкова 2003: 61): *x е таков што (кога е вечер) се случува P (тропа во дворот), а P (тропа) е составено од P, P, P, ... (троп + троп + троп +...).*

Изгледа дека е сосема едноставно да се разграничат овие две видски конфигурации, имајќи ја предвид веќе споменатата разлика, но испитувањата покажуваат дека сепак тоа и не е така едноставно¹⁴. Во принцип, на секоја мултипликативна семантема може да се надгради значењето на хабитуалната видска конфигурација со прилошките определби кои покажуваат вообичаеност на дејството: секоја ноќ, во саботите и сл. И без прилошките определби, во зависност од парафразата на глаголската семантема, од нејзината природа и од поширокиот контекст семантемата може да покажува една или друга видска конфигурација.

4. Семантичка сложеност на мултипликативната видска конфигурација

4.1. Модели на сложени семантеми од прв степен со мултипликативна видска конфигурација - сложеност од прво рамниште

Сложеноста од прво рамниште се однесува на простата мултипликација, односно на мултипликацијата на семантички простиот момент. Под семантички прост момент го подразбираме моментот во коренската морфема на семантемата, како и моментот во суфиксот.

4.2. Мултипликативни коренски морфемии

Мултипликативни коренски морфемии, како и мултипликативни коренски морфемии, во комбинација со суфикс или префикс со или без видска вредност, односно со неутрализирана видска вредност во македонскиот јазик не постојат. Тоа значи дека не постојат мултипликативни семантеми изразени преку едноморфемски показател во комбинација со префикс или суфикс со или без видска вредност. Поради самата природа на мултипликацијата да изразува повторување не е можно да постојат мултипликативни корени (в. Спасов 2008).

На пример, коренската морфема *троп-*, има моментна видска вредност и означува прост момент, еднократен акт или чин така што во неговата семантика не може да има повторување. Кога на оваа проста коренска семантема ќе ѝ се

¹⁴ Ова особено се однесува на мултипликативните сложени семантеми кај кои настанот е сфатен како момент, но, во зависност од контекстот и на сложените мултипликативни семантеми од прв степен од првото рамниште на сложеност, како и на сложените мултипликативни семантеми од втор степен. Понатамошните испитувања треба да се фокусираат на покажување на јасна граница меѓу овие две конфигурации.

додаде суфикс со континуативна видска вредност *-а*, дури тогаш станува збор за повторување, односно мултиплицирање на моментот во дејството, како и за траење на таа мултипликација на временскиот континуум. Значи, се мултиплицира еднократниот акт *троп*. Во македонскиот јазик, во однос на МВК, постојат само коренски морфеме со моментна видска вредност.

4.2.1. Коренска морфема со моментна видска вредност

Моментот во коренската морфема на глаголската семантема означува еднократен акт или чин. На пример, коренската морфема *чук* означува прост момент, еднократен чин.

Коренска морфема со моментна видска вредност се јавува кај глаголските семантеми, кои припаѓаат на сложениот несвршен вид, што означуваат дејство кое може да биде претставено како низа од еднородни акти: *гиба - гибне, мава - мавне, мига - мигне, мрда - мрдне, вика - викне, скока - скокне, чука - чукне, боцка - боцне, делка - делне, трепка - трепне, тропа - тропне, капе - капне, копа - копне, рипа - рипне, каса - касне, клоца - клоцне*. Еднократноста е јасно изразена кај глаголските семантеми кои имаат ономотопејска основа: *грака - гракне, ика - икне, мјаука - мјаукне, чкрапа - чкрапне, џавка - џавне, офка - офне, крцка - крцне, лае - лавне, голта - голтне, колва - колвне*. Сложениот несвршен вид кај кои дејството се претставува како низа од еднократни моменти ја покажува МВК.

Кога на коренската морфема ќе ѝ се додаде суфиксот *-а*, кој има континуативна видска вредност се добива сложена двоморфемска семантема од прв степен во однос на сложеноста од прво рамниште. На пример, глаголската семантема *скока* е составена од коренската морфема *скок* која покажува прост моментен вид. Кога на оваа морфема ќе ѝ се додаде суфиксот *-а* се добива двоморфемска сложена семантема од прв степен која покажува МВК, односно суфиксот *-а* покажува дека на временскиот континуум се повторува моментот од коренската морфема *скок* и парафразата на оваа глаголска семантема е: *се случува х да скока (се случува х да прави скок + да прави скок + да прави скок + ...)*.

Ова значење го имаат и коренските морфеме кај глаголските семантеми кои, покрај горното значење, имаат дополнително и значење на извршување на дејството во мала мера: *кубе - кубне, гребе - гребне, струже - стругне, гази - газне, гризе - гризне, ниша - нишне* и сл. На пример, во реченицата: *Го гребе по лицето*, глаголската семантема *гребе* се состои од коренска морфема *греб*, која има моментна видска вредност. Со додавање на суфиксот *-е*, семантемата покажува МВК, со парафраза: *се случува х да го гребе по лицето (се случува х да прави греб по лицето + да прави греб по лицето + да прави греб по лицето + ...)*.

Во согласност со горекажаното, во однос на поимската сложеност, мултипликативна семантема која покажува само една видска вредност не постои. Тоа значи дека двете видски вредности на МВК (наредениот континуативен вид

и подредениот моментен вид) нема да можат да бидат изразени преку едноморфемски видски показател, односно преку коренската морфема.

5. Сложеност од прво рамниште. Мултипликативна видска конфигурација кај сложените семантеми од прв степен - сложеност од прво рамниште - мултипликација на простиот момент

Структурата за изразување на МКВ е мултипликативна сложена семантема од прв степен. Мултипликативна сложена семантема од прв степен се гради кога на коренска морфема со моментна видска вредност ќе ѝ се додаде суфикс кој има континуативна видска вредност: *-а, -ва, -ува, -е, -и, -ира*.

Според поимската сложеност мултипликативна сложена семантема од прв степен содржи две автономни вредности: коренска морфема со моментна видска вредност и суфикс со континуативна видска вредност. На пример, мултипликативната семантема *чука* е изградена од коренот со моментна видска вредност *чук* + суфиксот *-а* кој има континуативна видска вредност. Во глаголската семантема *чука* се содржат две видски вредности, континуум и момент, а тоа ја прави оваа семантема сложена од прв степен.

5.1. Двоморфемски мултипликативни сложени семантеми од прв степен - коренска морфема со моментна видска вредност + суфикс со континуативна видска вредност

Двоморфемска сложена мултипликативна семантема од прв степен од првото рамниште на сложеност се гради кога на коренска морфема со моментна видска вредност ќе ѝ се додаде суфикс со континуативна видска вредност. Континуативни суфикси кои учествуваат во градбата на овој вид семантеми се: *-а, -ува, -е, -и, -ира*.

Подолу се изделени само коренските морфеме со моментна видска вредност кај глаголските семантеми кај кои повторувањето на моментот е регуларно и неопходно за значењето на семантемата. Не се прави инвентаризација на сите коренски морфеме со моментна видска вредност, туку се наведени најчесто употребуваните и се прави анализа на некои покарактеристични примери:

алк-а, бац-ува, бер-е, бле-е, бод-е, брц-а, бувт-а, буц-а, вик-а, враж-а, врек-а, гиб-а, граб-а, граб-и, грак-а, грач-и, греб-е, гриз-е, грм-и, гуг-а, гук-а, газ-и, допир-а, дрп-а, дуп-и, екслод-ира, ждриг-а, жег-а, свеч-и, ик-а, кас-а, кашл-а, кив-а, ким-а, клеп-а², клик-а, клим-а, клоц-а, клук-а, колв-а, коп-а, кошк-а, крак-а, крек-а, крц-а, ла-е, лап-а, лиж-е, мав-а, мак-а, мек-а, молск-а, мрд-а, мук-а, пип-а, плук-а, препк-а, препн-ува, прет-а, пук-а, рж-и, рик-а, рип-а, сеч-е, светк-а, светн-ува, скок-а, сопн-ува, срк-а, стег-а, струж-е, трг-а, треб-и, троп-а, туп-а, удир-а, фаќ-а, фрк-а, фрч-и, цап-а, цврк-а, цик-а, циц-а, црек-а, црк-а, чап-а, чеш-а, чкрап-а, чкрип-и, чук-а, цвак-а, шврк-а, шиб-а, шкрип-и, шлак-а, шлап-а, шмрк-а, штип-е, штрак-а, штрек-а, шум-и.

Примери на употреба:

Потоа спиеше на чардак ... втонат во вријавец: *врекаа* пијани гласови ... (Р, 72); ... и одново ги осветли задоцнетите пазарџии што се *кошкаа* ваму-таму. (Р, 103); Подрипнуваа и *викаа* препалени ... (Р, 111); Луѓето се *фаќаа* за мевовите, се кинеа од смеа ... (Р, 115); Но, тогаш жените во публиката ... и се *дулеа* еднасодруга и си зборкаа. ... (Р, 168); А се зададе накај Езерото, седна во песокта ... и *фрлаше* камчиња во водата. (Р, 190); Камчињата *скокаа* по згорнината како прогонети зајаци. (Р, 190); Во куќата брашнарковска не ќе има деца ... туку само пари што да *свечат*. (Р, 208); ... та жените клетки, ... ги *тупаа* по плеките ... ги *бувтаа* со тупаници ... (Р, 251); ... прстите си ги кршеше и долната усна си ја *касаше* ... (Р, 364); И секирата само свирка и *светка* и летаат деланки од крај неа. (П, 14); Тој послушно застана, а таа *алкаше* во мракот. (Р, 421); Северецот ја ниша патнана-врата, не слегув да ја затворам ... та сега *чкрта*. (Р, 489); Ова што *клоца* во мене не е брашнарковско ... (Р, 500); Доне со лактот го *удираше* Грчето. (ЦС, 46); По вода не *мекаше* само Христос. (ЦС, 47); Или како остана жив меѓу тие куршуми што *фрчеа* од сите страни? (ЦС, 95); ... на што старчето, без да се обрнува, *клима* со главата, ... (БД, 43); Јаренцето ги познаваше многу добро неговите раце и ... ги *лижеше* нив ... (БД, 212); ... кога чу сосема јасно како нешто *ржи* недалеку од него ... (БД, 223); Луѓето го мушкаа за ребрата, го *тргаа* за ракавите. (П, 12); Ја гледам како *кашла* ... (П, 37); *Мукаа* и ја *корнеа* земјата со роговите и со копитата. (П, 41); И кумбето *тропа* и *лука*, а војниците бегаат ... (П, 49); Бабиницот *цвака* еден буков лист, ко коза и само молчи. (П, 50); ... *рикаат* кравата и магарето. (П, 55); Ја гледам трупалката кај што *сечеше* дрвја ... (П, 57); ..., а до него кучето Чако, квичи, завива, гребе со ноктите, *копа* земја. (П, 62);

Семантемата *копа* е видски повеќезначна. Појдовно таа е определена како телична семантема (в. Тофоска 2005). Но, во контекстот таа може да покажува МВК: *се случува Чако да копа земја (се случува Чако да копне земја + да копне земја + да копне земја + ...)*.

Тој пишти, а јас *мавам*. (П, 76); ... Уља, јатрва ми, ме *шиба* со лактот ... (П, 82); Чако сети дека не идат од мака и *лае* ... (П, 92); Па после го *шврка* со камшикот по главата. (П, 108); Ние *грабаме*, се туркаме и грабаме. (П, 111); Црпиме, го *гребиме* тенекето, ... (П, 111); Телето ... *мрда* со опавчето и ја *шиба* кравата во вимето. (П, 113); ...а возот само си пуфка, си *штрака* на шините ... (П, 119); ... и само *кашламе*, *киваме*. (П, 133); Ние ... *ждригаме*, *икаме* од виното, од јадењето. (П, 148); А камбаната *клепа*. (П, 150); Сите ... гледаат по кучето наше и си *плукаат* во пазувите. (П, 152); Пред нас *скокаат* жаби и водни змии во реката. (П, 158); Ми *чкрипи* разбојот ... (П, 178); Си *берев* цвеќиња, стрино Велико, вели Горица ... (П, 202); Тоа *голта* млеко, а јас ... (НТ, 88);

Семантемата *бере* покажува видска повеќезначност. Појдовно е определена како телична семантема (в. Тофоска 2005), но во контекстот покажува и МВК: *се случуваше Горица да бере цвеќиња (се случуваше таа да собра / набере едно цвеќе + да собра / набере уште едно цвеќе + да собра / набере уште едно цвеќе + ...)*.

Гризиме пексимит како глувци овес. (П, 207); Околу илјада топови *лукаа*. (П, 208); Катник, оздола. Ме *клука*, дури в теме ме *удира*. (П, 223); *Чукам* со пиралката и ги плавам алиштата ... (П, 246); Ги легнуваат под колена, а тие *блекаат* и *клоцаат*, *претаат* во снегот (П, 55); *Касаат* ... ни го *дупат* лицето ... Ни *рипаат* олкави меури. (НТ, 218); Се удираме преку целото лице ... и после ... само се *чешаме*, се *дрпаме* по удреното (НТ, 218); ...а таа само *шмрка* и ништо не ми кажува. (НТ, 229)

Плачам, и само го *бацувам*, целото го *бацувам* ... (НТ, 309); Надвор *кракаат* кокошките, излегле на пасење со маглите (П, 56); Зад мене *штракаат* празни пушки (П, 100).

5.1.2. Триморфемски сложени мултипликативни сематема од прв степен - коренска морфема со моментна видска вредност + суфикс со моментна видска вредност (неутрализирана видска вредност) + суфикс со континуативна вредност

Триморфемски сложени мултипликативни семантеми од прв степен од првото рамниште на сложеност се градат на тој начин што на коренска морфема со моментна видска вредност од претходната точка ќе ѝ се додаде суфикс со моментна видска вредност - неговата видска вредност е неутрализирана од видската вредност на коренот (значи, суфикс со неутрализирана видска вредност или суфикс без видска вредност, суфикс кој ја рефлектира видската вредност на коренската морфема) и суфикс со континуативна видска вредност. Суфикси со неутрализирана видска вредност кои учествуваат во градењето на триморфемска сложена мултипликативна семантема од прв степен се *-к-*, *-н-*, *-т-*. Суфикси со континуативна видска вредност кои учествуваат во градбата на триморфемска мултипликативна сложена семантема од прв степен се *-а* и *-ува*:

ав-к-а*, *бак-н-ува*, *бап-к-а*, *бап-н-ува*, *бле-к-а*, *блек-н-ува*, *боц-к-а*, *боц-н-ува*, *брц-к-а*, *буц-к-а*, *буц-н-ува*, *вик-н-ува*, *врек-н-ува*, *врес-н-ува*, *врис-н-ува*, *врес-к-а*, *врис-к-а*, *гак-н-ува*¹, *гиб-н-ува*, *голт-н-ува*, *граб-н-ува*, *грак-н-ува*, *греб-н-ува*, *греп-к-а*, *гриз-н-ува*, *гриц-к-а*, *грм-н-ува*, *гров-к-а*, *гров-н-ува*, *гров-т-а*, *гроф-н-ува*, *гуг-н-ува*, *гук-н-ува*, *драс-к-а*, *драс-н-ува*, *дрп-н-ува*, *дум-к-а*, *дуп-н-ува*, *ек-н-ува*, *ждриг-н-ува*, *жег-н-ува*, *сир-к-а*, *свек-н-ува*, *свиз-н-ува*, *иш-к-а*, *кас-н-ува*, *квак-н-ува*, *квик-н-ува*, *кив-к-а*, *кив-н-ува*, *ким-к-а*, *ким-н-ува*, *клап-н-ува*, *клац-к-а*, *клек-н-ува*, *клеп-н-ува*², *клик-н-ува*, *клоц-н-ува*, *клук-н-ува*, *колв-н-ува*, *коп-к-а*, *коп-н-ува*, *крек-н-ува*, *крик-н-ува*, *крц-к-а*, *крц-н-ува*, *лав-н-ува*, *лап-н-ува*, *мав-к-а*, *мав-н-ува*, *мав-т-а*, *мак-н-ува*, *мек-н-ува*, *мјау-к-а*, *млас-к-а*, *мрд-н-ува*, *мук-н-ува*, *оф-к-а*, *оф-н-ува*, *пат-к-а*, *плес-к-а*, *плис-к-а*, *прс-к-а*, *пув-к-а*, *пуф-т-а*, *рев-н-ува*, *рик-н-ува*, *рип-к-а*, *рип-н-ува*, *’рс-к-а*, *’рс-н-ува*, *скок-н-ува*, *срк-н-ува*, *стис-к-а*, *стис-н-ува*, *струг-н-ува*, *трас-к-а*, *трас-н-ува*, *треп-к-а*, *треп-н-ува*, *трес-к-а*, *трес-н-ува*, *троп-к-а*, *троп-н-ува*, *туп-к-а*, *туп-н-ува*, *туф-к-а*, *фиу-к-а*, *фрас-к-а*, *фрас-н-ува*, *фрк-н-ува*, *фук-н-ува*, *цив-к-а*, *цик-н-ува*, *циц-н-ува*, *црек-н-ува*, *црк-н-ува*, *чап-н-ува*, *чеп-к-а*, *чеп-н-ува*, *чеш-к-а*, *чеш-н-ува*, *чкрап-н-ува*, *чкрип-н-ува*, *чук-н-ува*, *цав-к-а*, *цав-н-ува*, *цит-к-а*, *цит-н-ува*, *шврк-н-ува*, *шиб-н-ува*, *шкрип-н-ува*, *шлак-н-ува*, *шлаг-н-

ува, шмрк-н-ува, штип-к-а, штип-н-ува, штрак-н-ува, штрап-н-ува, штрек-н-ува, шуш-к-а, шуш-н-ува.

Примери на употреба:

... их, лом направија во класот, *плескаа* по ритмот на тарабуките ... (Р, 135); ... а од темницата во соседните куќи *сиркаа* глави. (Р, 243); Така, Ѓорше, рече доста со тие мајмунлаци, *врескаше* ... (Р, 169); *Туфкаше* и суреше во жарта, а на синот мислеше. (Р, 191); ... зашто во собата само кандилото *прскаше* искри виделина ... (Р, 309); А жените во приемната сè уште *цимкаа* и бришеа носови ... (Р, 403); Оние што слушаа околу ги *крцкаа* забите и го пцуеја кралот ... (ЦС, 29); ... тој *мласкаше* со расечените усни и ја следеше песната ... (ЦС, 33); Само мали и невидливи бранчиња *плискаа* по брегот ... (ЦС, 53); ... некоја невидлива сила му го *штрекнуваше* телото ... (ЦС, 106); Оние двајца долго *луфтаа* со нозете, тресејќи го снегот од обувалата. (БД, 10); ... со него се тркалаа ... карпи, што ги *циткаше* ... онаа ... сверка ... (БД, 165); ... седеше ... и едностојно *тупкаше* ... по кадифената покривка. (Р, 201); Јас *офкам*, си ги прегризувам вилиците, да не чуе Јон, да не чуе никој. (П, 33); Дење, ноќе ги слушаеме топовите како ... *грофтаат* ... (П, 59); Ни клинови да ги *боцкаат* во ципите ... (П, 37); ... а долу во пондилата *првкаат* магарето и кравата. (П, 54); И со рацете само *мавта* и ја турка водата. (П, 55); ... и да појде меѓу две води и со зрната да го *боцнува* детето ... (П, 61); За право повеќе ме *драскаше*, оти дланките му беа испукани ... (П, 66); Околу нас само куршуми *цивкаат*, ама ниеден не ме погаѓа. (П, 67); Одиме по ливадите и *штипкаме* киселица. (П, 90); ... а возот само си *луфка*, си штрака на шините ... и така *паткаме*, ... (П, 119); Го врзувам Чако, а тоа само *трепка* и ме гледа за чудено. (П, 124); Седиме така покрај реката со Ристета, ги *мрцкаме* нозете. (П, 162); А камбаната клепа. Ко ровји ... се гласи, *плуска* над селото, свечи. (П, 150); Што чу, Мисајле, кој иде, Мисајле, *гракнуваме* сите одеднаш. (П, 199); Пред нас оди Дуко Вендија и само *лувка* со цигарата ... (П, 201); Ги тргнуваат шамиите преку лице и *клекнуваат* ко кукмарци ... (НТ, 54); Се *стискаат* и претаат ко црви во рана. (НТ, 203); Го *мрцкаат* носот во танките чорби ... (НТ, 233). Знам и зошто мачките по цел ден ... *мјаукаат* зимно време. (ГВ, 11).

5.1.3. Четириморфемски сложени мултипликативни семантеми од прв степен - коренска морфема со моментна видска вредност + суфикс со моментна видска вредност + суфикс со моментна видска вредност + суфикс со континуативна видска вредност

Четириморфемска мултипликативна сложена семантема од прв степен на сложеност од првото рамниште се гради кога на коренска морфема од т. 5.1.2. ќе ѝ се додадат два суфикса со моментна видска вредност, односно со неутрализирана видска вредност и суфикс со континуативна видска вредност: *мјау-к-н-ува*.

6. Заклучоци

МВК е конфигурација која му припаѓа на сложениот несвршен вид. Нејзината логичка дефиниција е: *се случува нешто повеќепати (од X)*. Доминантниот вид на МВК е изразен преку компонентата: *се случува нешто* и го

означува дејството во неговото траење. Во рамките на тоа траење, односно во рамките на тој континуум се повторува (мултиплицира) моментот. Подредениот моментен вид е претставен преку делот P, P, P, \dots Тој е претставен преку дејството изразено со глаголската семантема. Дејството се претставува како серија од моменти кои се повторуваат.

Моментот кој се мултиплицира во Трудот се сфаќа како прост момент. Простиот момент е еднократен акт кој се повторува на временскиот континуум. Станува збор за регуларно, потребно повторување, инхерентно на глаголската семантема, повторување кое се случува во актуелно време. Во однос на оваа карактеристика МВК се разликува од ХВК која ја претставува можноста дејството да се случи, а не фактичкото траење на дејството. Употребата на мултипликативна сложена семантема во контекст неопределен во времето значи дека ХВК се надградува врз МВК.

Поради повторувањето кое е карактеристично и за МВК и за ХВК, овие две конфигурации често се подведуваат под иста категорија и изгледа дека е едноставно да се одделат овие две видски конфигурации. Анализата покажува дека само контекстот може да постави граница меѓу овие две конфигурации и дека на овој план се потребни понатамошни испитувања.

Мултипликативните семантеми се повеќезначни. Интерпретацијата на една глаголска семантема во поглед на нејзината припадност кон одредена конфигурација зависи од парафразата, од улогата на замислениот или остварен контекст, од информацијата што зборуваачот сака да ја постави на преден план, како и од улогата на другите членови во реченицата.

Поимската сложеност на семантемите со МВК не може да се изрази преку прости семантеми. Таа се изразува преку сложени мултипликативни семантеми од прв и од втор степен. Во македонскиот јазик не постојат прости мултипликативни семантеми, ниту прости мултипликативни семантеми во комбинација со суфикс или префикс со или без видска вредност. Значи, не постои коренска морфема која ќе биде мултипликативна, односно која сама по себе ќе го изразува повторувањето, туку на коренската морфема мора да ѝ се додаде суфикс со континуативна видска вредност. Значи, во однос на МВК во македонскиот јазик постојат само коренски морфеме со моментна видска вредност.

Видскиот момент се лоцира во коренската морфема кај мултипликативните глаголски семантеми кои означуваат дејство што може да биде претставено како низа од еднородни акти, а кои покрај тоа имаат и дополнително значење на извршување на дејството во мала мера и во суфиксот, кој има моментна видска вредност и претставува суфикс со неутрализирана видска вредност. Во македонскиот јазик постојат двоморфемски, триморфемски и четириморфемски мултипликативни семантеми од прв степен од првото рамниште на сложеност.

Анализата покажува дена не постојат формални (структурни) експоненти што ја определуваат МВК, туку контекстот кој се сфаќа како дел од конфигурацијата е показател за голем број примери.

Скратеници: МВК - мултипликативна видска конфигурација; ХВК - хабитуална видска конфигурација; ТЛК - телична видска конфигурација; П - „Пиреј“, ЦС - „Црно семе“, БД - „Белата долина“, ГВ - „Големата вода“, НТ - „Небеска Тимјановна“, Р - „Разбој“.

Користена литература

- Авилова, Н. С. 1976. *Вид глагола и семантика глаголногo слова*. Академия наук СССР, Институт русского языка, Издательство „Наука“, Москва.
- Антинуци, Ф, Геберт, Л. 1997 - Antinucci, F., Gebert, L. 1997. *Semantyka aspektu czasownikowego*. *Studia gramatyczne*, I: 7-43.
- Бондарко, А. В. 1984. *Теория грамматического значения и аспектологические исследования*. Академия Наук СССР, Институт языкознания, Ленинград „Наука“, Ленинградское отделение.
- Бондарко, А. В. 1987. *Теория функциональной грамматики*. Академия Наук СССР, Институт языкознания, Ленинград „Наука“, Ленинградское отделение.
- Димитровски, Т, Корубин, Б. и Стаматоски Т. 1986. *Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања*, ред. Б. Конески. Скопје, Македонска книга и Графички завод „Гоце Делчев“.
- Каролак, С. 1994 - Karolak, S. 1994. *Le concept d'aspect et la structure notionnelle du verbe*. *Studia cognitive*, 1: 21-41.
- Каролак, С. 1995 - Karolak, S. 1995. Понятийная и видовая структура глагола. *Семантика и структура славянскогo вида* I: 93-112.
- Каролак, С. 1997 - Karolak, S. 1997. Вид глагольной семантики и видовая деривация. *Семантика и структура славянскогo вида* II: 97-110.
- Конески, Б. 1987. *Грамматика на македонскиот литературен јазик, дел I и II*. Скопје, Култура: 382-393.
- Конески, К. 1994. Зборообразувањето и глаголскиот вид. *Литературен збор*, 4-6: 17-26.
- Конески, К. 1999. *За македонскиот глагол*. Скопје, Детска радост.
- Минова-Ѓуркова, Л. 1994. *Синтакса на македонскиот стандарден јазик*. Скопје. Радинг.
- Миркуловска, М. 1999. Моментноста како темпорална карактеристика на глаголската лексема во Граматиката на Конески. *Придонесот на Б. Конески за македонската култура*, посебно издание. Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, Скопје: 167-171.
- Пановска-Димкова, И. 2003. *Видската категорија хабитуалност во македонскиот јазик*. Докторска дисертација, Скопје.
- Спасов, Љ. 1995. Од глаголскиот вид во македонскиот јазик. *Прилози на МАНУ*, XX, 1-2:207-214.
- Спасов, Љ. 1997. Дефинициите на видските (аспектните) конфигурации во македонскиот јазик. *Предавања на 29 Меѓународен СМЈЛК*: 31-36.
- Спасов, Љ. 1997. Од резултатите на истражувачкиот проект за глаголскиот вид во македонскиот јазик. *Прилози на МАНУ*, XXII, 1-2: 79-91.
- Спасов, Љ. 2005. *Резултативната видска конфигурација во македонскиот јазик*. Во ракопис.
- Спасов, Љ. 2008. Дали постојат мултипликативни корени во изразувањето на видот во македонскиот стандарден јазик? *35 Научна конференција на МСМЈЛК*.
- Тофоска, С. 1998. Механизми на генерирање на теличната конфигурација во македонскиот јазик. *Семантика и структура на словенскиот вид*, III: 123-134.

Храковски, В. С. 1989 - Храковский, В. С. 1989. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация. *Типология итеративных конструкций*. Академия Наук СССР, Институт языкознания, Ленинград „Наука“ Ленинградское отделение.

Violeta JANUSHEVA

MULTIPLICATIVE ASPECT CONFIGURATION (MAC) OF COMPLEX FIRST LEVEL SEMANTEMES (FIRST CLASS COMPLEXITY)

Summary

This article is focused on the multiplicative first level semantemes from first class of complexity, on the models of these semantemes and on the formal indicators of the structures for expressing this configuration.

MAC belongs to the compound imperfective aspect. The dominant aspect of MAC is expressed through a component: *something is happening* and denotes the action in its duration. Within the frames of this duration, i.e. in the frames of that continuum the moment is repeated (multiplied). Subordinated moment aspect is presented through the part *many times P, P, P...* It is presented through the action expressed with the verbal semanteme. The action is presented as series of repeating moments.

The moment which is multiplied is seen as simple moment. This simple moment is an action occurring once which is repeated in the time continuum. It is about a regular repeating inherent on verbal semanteme. Regarding this MAC is different than HAC which gives the possibility of the action to happen, not the factual duration of the action. Analysis has shown that most often HAC is upgraded on MAC, that only the context can set a boundary between these two configurations and that further research is needed in this field.

Analysis has also shown that multiplicative semantemes are polysemantic. Regarding the notion complexity, analysis shows that MAC cannot be expressed through simple semantemes, but only through first and second level complex multiplicative semantemes. In Macedonian language when MAC is concerned, there are not root multiplicative semantemes but only root morphemes with moment aspect value.

Analysis has shown that aspect moment in this type of semantemes is located in the root morpheme and in the suffix and that in Macedonian language there are two-morpheme, three-morpheme, four-morpheme multiplicative semantemes from the first level and first complexity class. Analysis has also shown that there are not formal indicators which determine MAC.

Key-words: multiplicative aspect configuration, multiplication, moment

Искра ПАНОВСКА-ДИМКОВА

Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, Скопје

ipdimkova@yahoo.com**СЛИЧНОСТИ И РАЗЛИКИ МЕЃУ ХАБИТУАЛНАТА
И МУЛТИПЛИКАТИВНАТА ВИДСКА КОНФИГУРАЦИЈА**

Во трудот се разгледуваат сличностите, но пред сè разликите меѓу хабитуалната и мултипликативната видска конфигурација. Допирна точка меѓу хабитуалноста и мултипликативноста, што нив ги одделува од простиот континуативен вид, е тоа што и двете означуваат повторување на момент/настан во рамките на континуумот, каде што континуативната видска вредност е доминантна, а подредениот моментен вид е претставен преку дејството изразено со глаголската семантема кое не трае во времето.

Основната разлика меѓу двете конфигурации е во тоа што кај мултипликативната видска конфигурација повторувањето е актуелно, додека кај хабитуалната видска конфигурација постои можност дејството да се случи, што значи повторувањето е поставено во неактуелен контекст. Оттука хабитуалноста задолжително се врзува со придружни показатели кои ја потенцираат нејзината политемпоралност, а мултипликацијата избира показатели кои укажуваат на нејзината монотемпоралност.

Во однос на сложеноста, се укажува на повисокиот степен на сложеност на хабитуалната видска конфигурација во однос на мултипликативната – секоја мултипликативна семантема може да биде и хабитуална и хабитуалноста може да се надгради врз секоја мултипликација, но обратната релација не е можна.

Клучни зборови: хабитуалност, мултипликативност, итерација, повторувањена дејството, неактуелен контекст.

0. Хабитуалната и мултипликативната видска конфигурација претставуваат видски конфигурации со континуативна доминанта, и според семантичката теорија за глаголскиот вид спаѓаат во иста група со простиот континуативен вид и со теличната видска конфигурација (Спасов, 1997). И двете конфигурации покажуваат еден вид повторување на глаголското дејство, па оттука цел на овој труд е да се разграничат овие два вида повторување (итерација) на дејството, укажувајќи на допирните точки на двете конфигурации, но пред сè на нивните специфики.

1. Во аспектолошката литература овие две видски конфигурации најчесто ги наоѓаме разгледувани во рамките на лексичко-семантичките

категории на видските ликови, Akzionsart, подведени под заедничкиот термин 'множественост' на дејството. Така, на пример, во руската школа се забележуваат две гледишта. Според едното, итеративноста и мултипликативноста заедно со дистрибутивноста претставуваат семантички поттипови на функционално-семантичкото поле 'кратност', односно 'множественост' (Бондарко, 1987; Храковски, 1989), а според другото станува збор за специјални значења на несвршениот вид (узуално, многукратно, итеративно итн.) (Падучева, 1996).

Во македонската литература традиционално се зборува за несвршени, свршени и повторливи глаголи, на пример: несвршен: *седи* - од него изведен со суфиксација свршениот *седне*, и од него изведен со помош на суфиксот *-ува* повторливиот *седнува*. Третата форма од низата најчесто претставува хабитуална семантема, но може да претставува и мултипликативна. На пример: *Тој рано се разбудува* - хабитуално и *Нокеска петпати се разбудував* - мултипликативно. Но глаголските семантеми кои изразуваат повторување, а не го содржат суфиксот *-ува* не се издвојуваат во посебна група, туку се разгледуваат во рамките на несвршениот вид, како што се глаголите: *чука*, *тропа*, *лука* (мултипликативни) или: *наоѓа*, *краде* - глаголи најчесто хабитуални.

2. Според семантичката теорија за глаголскиот вид која разликува два прости вида: континуативен и моментен, со чие комбинирање се добиваат сложени видови, и хабитуалноста и мултипликативноста претставуваат сложени видови со континуативна доминанта.

Нивните логички дефиниции гласат:

Хабитуалност: *X е таков што (кога/ако S) (му) се случува P*

Мултипликативност: *Се случува P, P, P (од X)*

Од дефинициите произлегува дека со хабитуалната видска конфигурација се означува можност дејството да се случи, додека со мултипликативната се означува актуелно повторување на дејството во времето.

На пример:

Таа секое утро купуваше весник. = 'таа е таква што (кога/ако е утро) и се случуваше да купи весник' - хабитуалност.

На секој полсаат го отвораше прозорецот за да проветри. = 'се случуваше да го отвори прозорецот, да го отвори прозорецот, да го отвори прозорецот...'

3. Она што ги поврзува двете конфигурации, а истовремено ги разликува од теличната конфигурација која исто така е со континуативна доминанта и од простиот континуативен вид е тоа што глаголското дејство означено од хабитуалната или од мултипликативната семантема не е она што трае во времето, туку напротив го претставува подредениот моментен вид (настан) во овие две конфигурации. На пример: *Тој секогаш му црта животни на Максим* - хабитуалност. Во овој случај не е цртањето тоа што трае во времето, туку можноста тоа да се случи, додека чинот на цртање го претставува подредениот моментен вид (настан) на хабитуалноста. Слично кај мулти-

пликацијата, на пример: *Вчера цел ден чукаше некој надвор*, со морфемата *чук-* е претставен подредениот моментен вид на мултипликацијата, а она што трае, односно надредениот континуативен вид е низата на повторените настани, или многукратноста на актот на чукање.

Ова се докажува и преку парафразите на нивните логички дефиниции каде што Р е претставено преку свршен глагол, на пример: *Тој секогаш му црта животни на Максим* - хабитуалност: 'кога/ако S, се случува тој да му нацрта животни на Максим'. Или: *Вчера цел ден чукаше некој надвор* - мултипликативност: 'вчера цел ден се случуваше некој да чукне, да чукне, да чукне...'. За разлика од хабитуалноста и мултипликацијата, кај теличноста (исто така вид со континуативна доминанта) и кај простиот континуативен вид, дејството означено со глаголската семантема го претставува континуумот и реално трае во времето, на пример: *Тој црта животни* - теличност, или: *Тој живее на Водно* - прост континуативен вид, дејствата на цртање и живеење го претставуваат континуумот и траат во актуелното време.

Настаните што се повторуваат кај хабитуалноста и мултипликативноста се секогаш идентични. Значи во сите случаи станува збор за ист агенс и ист настан. На пример, во мултипликативното множество на настани изразено во реченицата: *Старецот неколку минути чукаше на прозорецот*, станува збор за еден ист старец кој чукнува на еден ист прозорец. Или: *Момчето секое лето оди кај баба му* - едно исто момче го врши истото дејство на одење кај една иста баба.

4. Но, и покрај овие сличности, хабитуалната и мултипликативната видска конфигурација многу се разликуваат меѓусебно, а основната разлика се состои во тоа што го претставува надредениот континуативен вид, односно што е она што трае кај двете конфигурации, кога видовме дека дејството означено со глаголската семантема не е она што трае: кај хабитуалноста трае можноста, потенцијалноста дејството да се случи, додека кај мултипликативноста трае актуелната низа еднородни акти. Оттука, хабитуалната видска конфигурација секогаш избира атемпорален (неактуелен) контекст и не може да се врзе со актуелно времетраење, додека мултипликативноста секогаш се врзува со актуелен контекст.

Во таа смисла придружните показатели во текстот можат да претставуваат тест за тоа дали некоја семантема е хабитуална или мултипликативна. На пример, хабитуалноста може во секој случај да биде придружена од показатели за регуларноста на повторувањето: *Тој доаѓа кај нас - често, понекогаш, на секои две години, ретко* итн., кои укажуваат на политемпоралноста на хабитуалноста: настаните се случуваат во различни временски периоди, отсечки. За разлика од тоа, мултипликативноста не се врзува со овие показатели, туку напротив со показатели за означување на актуелно време од типот: *сега, вчера, во моментот* и сл., кои укажуваат на нејзината монотемпоралност - настаните се случуваат во еден непрекинат временски период.

Понатаму, потенцијалноста (наредениот континуативен вид) на хабитуалната видска конфигурација бара исполнување на одреден услов, кој може да биде и експлицитно изразен во реченицата, или да биде имплицитен, кој претставува тригер-фактор за случување на дејството, којшто кај мултипликативноста воопшто го нема. На пример: *Тој секое утро купува весник* - 'тој е таков што кога/ако е утро се случува да купи весник', додека во реченица од типот: *Сабајлево нешто чукаше надвор*, за низата настани што се повторувале нема услов кој ќе го предизвика нејзиното случување.

5. И на крајот, нешто во однос на нивната сложеност: во однос на коренските морфемии, за хабитуалноста е докажано дека видски еднозначни хабитуални корени не постојат, туку речиси сите корени со континуативна доминанта, значи континуативни и телични¹⁵, можат да бидат и хабитуални (овде не спаѓа само една група корени со прост континуативен вид, со кои се означуваат основните континуативни поими во својот најчист вид, од типот: *граничи*, *е*, *се наоѓа*, *се протега* и сл.), па соодветно се индексираат како хабитуални, мултипликативни, телични итн. Истото важи и за префиксните и суфиксните образувања, што со еден збор значи дека:

а. Секоја мултипликативна семантема може да биде индексирана и како хабитуална, на пример *пука_{мл}* и *пука_{хб}*:

пука_{мл}: *Некој пука надвор* vs *пука_{хб}*: *Секоја зима ни пука цевката од парното*.

Но, обратната релација не е можна: хабитуалните семантеми не можат да се индексираат како мултипликативни, како што се на пример глаголите од типот *краде*, *наоѓа*, *убива* и сл., кои во ретки случаи можат да се индексираат евентуално како телични: *Види го оној краде!*, но во никој случај не како мултипликативни. Уште повеќе, за разлика од мултипликативноста, кај хабитуалноста постојат видски еднозначни хабитуални семантеми, значи исклучиво хабитуални, кои не се индексираат никако поинаку освен како хабитуални. Такви се семантемите од типот: *нацртува*, *прочитува*, *изедува* и сл. за кои е докажано дека се специфично средство во македонскиот јазик за изразување на хабитуалноста: *Секое утро изедувам по едно јаболко. Весникот го прочитувам од почеток до крај*.

б. Врз секоја мултипликација може да се надгради хабитуалност. Во тие случаи, мултипликацијата се сфаќа како интервал (лимитирана мултипликација) врз која се надградува хабитуалноста. На пример: *Секоја вечер тој чука нешто во дворот* е реченица во која е изразена хабитуална видска конфигурација чиј подреден настан е мултипликативниот интервал на *чука*: 'тој е таков што (кога/ако е вечер) се случува да чука (извесно време)'. Со други зборови,

¹⁵ Во своето излагање на тема *Дали постојат мултипликативни корени во македонскиот јазик?* изнесено на Научната конференција во Охрид (август, 2008 г. – во печат), проф. д-р Људмил Спасов докажа дека сепак не можеме да зборваме за мултипликативни корени, што значи дека мултипликативните семантеми можат да бидат само сложени.

хабитуалноста може да содржи мултипликација и парафразата во тој случај гласи: 'X е таков што (кога/ако S) се случува P, каде што P е составено од истородните P_1, P_2, P_3' . Обратната релација меѓу овие две конфигурации не е можна – мултипликацијата не може да се надгради врз хабитуалноста.

6. Да заклучиме:

- Допирна точка меѓу хабитуалната и мултипликативната видска конфигурација е тоа што и двете означуваат повторување на момент/настан во рамките на континуумот, каде што континуативната видска вредност е доминантна, а подредениот моментен вид е претставен преку дејството изразено со глаголската семантема кое не трае во времето.
- Основната разлика меѓу двете конфигурации е во тоа што кај мултипликативната видска конфигурација повторувањето е актуелно, додека кај хабитуалната видска конфигурација постои можност дејството да се случи, што значи повторувањето е поставено во атемпорален (неактуелен) контекст.
- Голем број семантеми можат да се индексираат и како хабитуални и како мултипликативни, како, на пример, семантемата *заспива*, која се индексира како *заспива_{хб}* кога означува потенцијално повторување на настанот во времето (*Јас заспивам со читање*), или како *заспива_{мл}* и тогаш означува актуелно повторување на настанот во времето: *Ноќеска петпати заспивав и се будев*.
- Поради означувањето на повторливост, честопати овие две конфигурации во апсектолошката литература се разгледувани заедно како семантика што го содржи признакот 'множественост', но притоа не се укажува на фактот дека хабитуалната видска конфигурација е посложена од мултипликативната – секоја мултипликативна семантема може да биде и хабитуална и хабитуалноста може да се надгради врз секоја мултипликација, но обратната релација не е можна.

Користена литература:

- Бондарко, А.В. et al. 1987. *Теория функциональной грамматики. Введение, Аспектуальность, Временная локализованность, Таксис*. Ленинград, Наука: 347.
- Јанушева, В. 2009. *Мултипликативната видска конфигурација во македонскиот јазик*. Докторска дисертација. Фонд на Филолошкиот факултет „Блаже Конески“, Скопје.
- Karolak, S. 1998. Uwagi o morfologii aspektu macedońskiego. *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*, 35.
- Каролак, С. 2005. *Семантика и структура на глаголскиот вид во македонскиот јазик*. Филолошки факултет „Блаже Конески“ - Скопје.
- Падучева, Е.В. 1996. *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. Москва: 464.
- Пановска-Димкова, И. 2002. *Лимитативната видска конфигурација во македонскиот јазик*. Скопје, ЗД-Проект студио: 185.

- Пановска-Димкова, И. 2003. *Видската категорија хабитуалност во македонскиот јазик*. Докторска дисертација. Фонд на Филолошкиот факултет „Блаже Конески“, Скопје.
- Спасов, Љ. 1997. Дефиниции на видските (аспектните) конфигурации во македонскиот јазик. *Предавања на XXIX меѓународен СМЈЛК*: 31-36.
- Спасов, Љ. 1997. Од резултатите на истражувачкиот проект за глаголскиот вид во македонскиот јазик. *Прилози на МАНУ*, XXII, 1-2: 79-91.
- Храковский, В.С. 1989. Семантичките типови множества ситуации и их естествената класификација. *Типология итеративных конструкций* (от. ред. В.С. Храковский). Ленинград, Наука: 5-53.

Iskra PANOVSKA-DIMKOVA

**SIMILARITIES AND DISSIMILARITIES BETWEEN THE HABITUAL AND THE
MULTIPLICATIVE ASPECTUAL CONFIGURATIONS**

Summary

The paper deals with the similarities, but even more with the dissimilarities between the habitual and the multiplicative aspectual configurations. Their point of contact, which in the same time sets them apart from the simple continuative aspect – is the fact that both configurations denote repetition of a moment/event within the continuum, the continuative aspectual value being the dominant one, whereas the subordinate momentary value is represented by the action expressed by the verbal semanteme and does not last in time.

The basic dissimilarity between the two configurations is the fact that in the multiplicative aspectual configuration, the repetition is actual, whereas in the habitual aspectual configuration there is a possibility for the action to take place, which means that the repetition is placed in a non-actual context. Therefore, habitualness always associates with qualifiers emphasizing its poly-temporality, whereas multiplication selects qualifiers pointing out its mono-temporality.

Regarding their complexity, the study points to the higher complexity degree of the habitual aspectual configuration in comparison with the multiplicative one – each multiplicative semanteme can be habitual as well, and habitualness can be built on each multiplication, whereas the opposite relation is not possible.

Key words: habitualness, multiplication, iteration, action repetition, non-actual context.

UDK

Изворен научен труд

Људмил СПАСОВ

Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, Скопје

ljspasov@ukim.edu.mk

ПРЕГЛЕД НА ДОСЕГАШНИТЕ ПРОУЧУВАЊА НА РЕЗУЛТАТИВНАТА ВИДСКА КОНФИГУРАЦИЈА

Авторот дава преглед на досегашните проучувања на резултативната видска конфигурација во словенските јазици и во македонскиот јазик. Се заклучува дека не постои целосно проучување на резултативната видска конфигурација како што се сфаќа во теоријата поставена од Станислав Каролак и обработена во рамките на проектот Глаголскиот вид во македонскиот јазик. Постојат, меѓутоа, различни анализи особено во врска со значењето на префиксно-глаголските синтагми, потоа на суфиксно-глаголските синтагми во рамките на зборообразувачките структурни модели и нивните значења, потоа во однос на резултативните значења на соодветните непрефиксирани форми на глаголите во разни словенски јазици кои зафаќаат различни проблеми поврзани со применетата анализа во споменатиот проект.

Клучни зборови: глаголски вид (аспект), прост вид, сложен вид, форма на видот, семантика на видот, видска конфигурација, структуралистички концепции, неструктуралистички концепции, резултативна видска конфигурација, словенски јазици, македонски јазик, семантика и структура на видот во македонскиот јазик.

1. Општо

На почеток мора да се нагласи дека овој преглед нема амбиција да направи исцрпен инвентар на досегашните проучувања на резултативната видска конфигурација поради најмалку две причини: првата причина произлегува од општопознатиот факт дека литературата посветена на глаголскиот вид е огромна, како и од фактот дека проучувањата на оваа тема се протегаат на повеќе од еден век; втората причина лежи во фактот дека колку што ми е мене познато, не постои целосно проучување на резултативната видска конфигурација како што е ова предложено од наша страна. Постојат, меѓутоа, различни анализи особено во врска со значењето на префиксно-глаголските синтагми, потоа на суфиксно-глаголските синтагми во рамките на зборообразувачките структурни модели и нивните значења, потоа во однос на резултативните значења на соодветните непрефиксирани форми на глаголите во разни словенски

јазици кои зафаќаат различни проблеми поврзани со нашата анализа. Меѓутоа, иако директно не се вклопува во насловот на темава даден погоре, потребно е да се определат и поопштите теоретски појдовни позиции на нашата анализа.

Во таа смисла на почетокот треба да се истакне дека и покрај целата методолошка разновидност во проучувањето на начините на изразувањето на глаголскиот вид во несловенските и пред сè во словенските јазици, сепак можат да се издвојат заеднички тенденции во сфаќањето на глаголскиот вид (аспектот) (в. претходно) и тоа во следните насоки:

- 1) глаголскиот вид е категорија на формата/структурата од што следи заклучокот дека некои јазици (словенските) ја поседуваат оваа категорија додека други јазици (несловенските) не ја поседуваат оваа категорија. Ова сфаќање произлегува од структуралистичката концепција за јазикот односно од појавите што се наоѓаат на јазичната површина.
- 2) глаголскиот вид е категорија на значењето и поради тоа неа ја познаваат сите природни јазици, додека нејзината структурализација зависи од групите на јазиците (словенските vs несловенските) или од идиоматската структура на конкретен јазик. Ова сфаќање произлегува од семантичката концепција за јазикот односно од појавите што се наоѓаат во јазичната внатрешност (длабинска структура).

За едно вакво разгледување мошне важно, исто така, е анализирањето на термините кои најчесто се употребуваат во литературата посветена на глаголскиот вид, бидејќи иако определени термини се врзуваат со соодветни теоретски концепции, тие не секогаш се употребуваат еднозначно. Понатаму потребно е да се укаже на термините синоними (или блискозначните синоними) што им припаѓаат на различните теоретски концепции односно школи. На таков начин ќе се постигне нивна споредливост. Патем речено, современата аспектологија се соочува со проблемот на терминологијата. Многу научници се сложуваат дека е дојдено времето да се спроведе инвентаризација на аспектолошките термини и да им се даде егзактно толкување. Тоа ќе доведе до смалување на омонимијата и синонимијата непожелна во научната терминологија. За ова мислење в. Гловинскаја (1997: 158), Геберт 1997: 154).

Поради сето тоа, овој преглед се движи во следните насоки: најпрвин ги разгледува основните термини кои се употребуваат во структуралистичките приоди во изучувањето на глаголскиот вид, потоа ги разгледува појдовните позиции на постструктуралистичките приоди во изучувањето на глаголскиот вид. Понатаму пред сè се покажани проучувањата на словенските јазици, но и на несловенските како споредба, а одделно се покажани проучувањата посветени на македонскиот јазик при што заради увид во развитокот на научната мисла прегледот е даден хронолошки.

И на крајот: прегледот има за цел да ја аргументира анализата на резултативната видска конфигурација којашто следи потоа и затоа е структуриран според неа (в. понатаму).

1.1. Структуралистички концепции

1.1.1. Aktionsart (мак. видски лик)

Каролак (1992) докажа дека и покрај фактот дека поимот дејство покажан преку глаголската лексема во рамките на структуралистичката концепција е прифатен како неутрален во однос на видот, па во таа смисла на глаголската лексема ѝ се дава способност за алтернативна коокуренција со несвршената односно свршената видска морфема, сп. *жени се - ожени се, губи - загуби* и сл., не постојат семантички единици кои ќе му соодветствуваат на терминот видски лик. Според тоа во семантички ориентиранiot приод во проучувањето на глаголскиот вид нема место за терминот видски лик. Во таа смисла кај морфемите кои се сфаќаат како експоненти на видскиот лик треба како резултат на нивната декомпозиција да се изделат видските семи од другите кои немаат врска со видската семантика. Ова се однесува на префиксите кои се семантички гледано кумулативни морфеме, сп. го префиксот *на-* во пр. *наработи се, насобра овошје* каде префиксот *на-* покрај свршеноста на глаголот има значење и на кумулација.

Против користењето и сфаќањето на терминот видски лик (руски *способ действия*) врз основа на своите истражувања на рускиот материјал се искажува и Кронгауз (1997), бидејќи според него не може на објективен начин да се опише семантиката на префиксираните глаголи со помош временските видски ликови.

1.1.2. Видовая пара (мак. видски пар)

Падучева (1998), согледувајќи ја важноста од систематизација на поимите и термините што се употребуваат во руската аспектологија, прави обид да ја продолжи работата на Маслов (1965) и во насока на од него спроведената концепција, ја покажува преведливоста на термините од една научна концепција во друга. Овде ќе наведем некои од термините за кои зборува Падучева, поврзани со овој труд.

Согласно со традицијата на словенската аспектологија во опфатот на поимањето на глаголскиот вид пред сè се разбира опозицијата меѓу свршениот вид (СВ) и несвршениот вид (НСВ). Видскиот пар обединува два глагола од спротивен вид меѓу кои нема разлика во лексичкото значење, туку само во граматичкото, сп. *победи - победува, отвори - отвора* и сл. Меѓутоа Падучева нагласува дека има глаголи кај кои не може да се постави горната опозиција и тие глаголи се класифицираат како непарни, но според интуицијата, а не според фактите, така на пр. глаголот *сместува* може во зависност од контекстот да покаже и хабитуалност, сп. *Во салата секој следен пат се сместуваат сè повеќе и повеќе гледачи*. Оттука следи, заклучува Падучева, дека термините имперфективизација и перфективизација се употребуваат во две значења: морфолошки начин на образување на глаголите и семантичка деривација. Недостатокот на ваквиот пристап лежи во фактот дека видот и во таа смисла видските конфигурации, не се разбрани како семантичка категорија која може да

се изрази на формален план како комбинација на лексичките со граматичките морфеми (в. претходно).

1.1.3. Предельное/непредельное действие (мак. сооднесеност на дејството - несооднесеност на дејството)¹⁶

Маслов (1978) покажува дека опозицијата меѓу предельное и непредельное действие или пошироко меѓу предельное действие и непредельности (тука спаѓаат глаголите кои покажуваат непредельное действие и состојба) има внатрешнојазичка основа. Глаголите кои покажуваат сооднесеност на дејството нормално завршуваат со преод во некоја друга во целина определена „состојба“ сп. на пр. *Доаѓа тука*, завршува со настапувањето на состојбата *Се наоѓа овде*. Како сооднесени се јавуваат и глаголи кои претставуваат процеси што не зависат од волјата на субјектот како на пр. *замрзнува (за вода)* итн. Опозицијата сооднесеност наспрема несооднесеност може да се реализира во јазикот и како спротивставување на различни значења на еден ист глагол. Во многу случаи несооднесениот глагол во апсолутна употреба станува сооднесен со дополнение од определен вид како на пр. *пуши* (во апсолутна употреба - несооднесен) наспрема *пуши/испуши цигара* (сооднесен). Во однос на оваа тема, важна е констатацијата на Маслов (1978: 16) дека сооднесеноста на дејството се конкретизира кај одделните аспектни значења, односно со разновидностите на резултативниот „видски лик“, сп. на пр. *Се стори човек*. (сооднесен глагол во апсолутна употреба во синтагмата *се стори човек* со т.н. интранзитивизирачко *се*, кој покажува инхоативна конфигурација) наспроти пр. *Парите го сторија човек*. (сооднесен глагол со изјаснета причина на дејството кој покажува резултативна конфигурација) (за ова в. и претходно).

1.2. Постструктуралистички концепции

1.2.1. Семантичка теорија на видот

Поаѓајќи од гореприфатената (в. претходно) дефиниција на глаголскиот вид (аспектот) која гласи: видот претставува таква семантичка категорија на внатрешното време базирана врз присуството/отсуството на времетраењето (в. Каролак 1994: 21; Гијом 1929: 47) која може да се изразува со лексички и граматички морфеми, можат да се постават следните хипотези:

- пред сè морфемата е најмалиот елемент на граматиката, оттаму
- сложениот вид (конфигурациите) претставуваат комбинација на лексичките и граматичките морфеми, па затоа
- целата морфологија се наоѓа во лексиконот што значи дека зборовите не треба да се сфаќаат како глобални единици, туку како единици структурирани од морфеми кои имаат семантичка мотивација (в. Бирд 1995), сп. *од-и*, *од-е-ње*, *од-е-јќи*.

¹⁶ Напоменувам дека овој термин не го најдов во македонската паралела на Речникот на словенската лингвистичка терминологија и дека македонскиот адекват е мој.

Уште во 1967 семантичарите се искажале за аспектолошката проблематика (в. Вјежбицка 1967: 2249) со што во аспектологијата е свртено вниманието врз фактот дека е потребно истражување на проблемот на семантиката на видот (аспектот) на глаголот и дека семантиката на глаголскиот вид мора да биде разгледувана како меѓузависност на видот на глаголот и семантичката структура на другите елементи на реченицата: членот, бројот итн., сп. *Гради куќа* (= телична конфигурација според нашето сфаќање, в. претходно), *Гради куќи*. (= хабитуална конфигурација), како и дека особено внимание треба да биде ставено врз реченичната семантика изразена преку поврзувањето на глаголот со директниот предмет и усогласувањето на времето, сп. *Дедо ми ја изгради куќата на ул. Орце Николов и во неа живеел до 1939 година*.

Прифаќањето на глаголскиот вид (аспектот) како семантичка категорија бара izdelување на поимното рамниште (рамништето на содржината) од структурното рамниште (рамништето на формата). Каролак (1998: 9) истакнувајќи дека во таа смисла аспектот го сместуваме во поимното рамниште, го разликуваме поимот на аспектот од показателите на аспектот. Тој го дава следниот пример: една од компонентите на содржината на македонските глаголи како *легнува, седнува, исчезнува* е континуативниот аспект додека нејзин дискретен показател е суфиксалната морфема *-ува*, друга компонента на содржината на овие глаголи е моментниот аспект додека негов дискретен показател е суфиксалната морфема *-н-*, една од компонентите на глаголите *легнува, седнува* е моментниот вид, а неговиот показател, којшто е и показател на соодветниот поим содржан во коренската морфема *лег-, сед-*.

Ваквото сфаќање што произлегува од теоријата на Станислав Каролак се разликува од начинот на сфаќањето на видот во аспектолошката традиција и бара отфрлање на дотогашното сфаќање дека глаголот и неговата форма се експоненти само на еден вид кој единствено го претставува граматичката морфема. При анализата на видот значи се применува методот на декомпозиција: најнапред декомпозиција на формата на морфемски единици со истовремено определување на поимната и аспектната содржина на секоја одделна морфема и понатаму, во случај морфемата да претставува сложен поим, негова декомпозиција на попусти поимски единици со истовремено изнаоѓање на видската припадност на секој од изделените поими. Сп. *Никола ја изработи домашната задача*. - *изработи* се дели на морфемски единици *из-работ-и*, *из-* семантички празен префикс со аспектно значење на момент, *работ-* коренска морфема со континуативен аспект и *-и* суфикс со неутрализирана видска вредност. Комбинацијата на моментниот и континуативниот вид заедно со истакнатата причина на дејството: агенс и предмет на дејството ја даваат резултативната конфигурација (в. претходно).

1.2.2. Категоријата на видот (аспектот) како граматикализирана семантичка категорија

Антинучи и Геберт (1977) во својот труд за семантиката на глаголскиот вид ја поставуваат тезата дека досегашните синтетички проучувања на глаголскиот вид се неадекватни пред сè поради два фактора: првиот фактор

произлегува од недоволната јасност во разликувањето меѓу видот и Aktionsart. Во таа смисла авторите се залагаат да се дојде до дефиниција на видот независна од Aktionsart; вториот фактор, според авторите е поважен и се темели на недоволното земање предвид на семантичката градба на глаголот како и уште повеќе на класата на глаголите поврзана со променливоста на видските форми. И во оваа смисла проблемот на видот не може да биде целосно изјаснет ако не се има предвид лексичко-семантичкиот карактер на глаголот што значајно дека видската сема не го исцрпува значењето на глаголот. Според авторите, единствено најновите лингвистички теории како што се трансформативната граматика и генеративната семантика можат да бидат теории кои ќе осигураат соодветна анализа на појавите поврзани со глаголскиот вид.

Каролак (1996) истакнува дека овој труд неговата полска и италијанска верзија (Антинучи и Геберт 1975/1976) може да се прифати за пресвртен во сè уште контроверзната дебата во врска со темата глаголски вид, посебно словенскиот. Појдовната теоретска позиција на овој труд е интерпретација на категоријата на аспектот како граматикализирана семантичка категорија преку методологија блиска до генеративната семантика. Каролак на истото место констатира дека овој труд во науката не нашол на соодветно внимание ниту на прифаќање на концепциите изложени во него, не толку поради фактот дека се објавени на јазици со ограничен опсег, туку пред сè поради фактот дека споменатата концепција применета во овој труд отстапува од сфаќањата на категоријата на аспектот што владеат во современата аспектологија, особено словенската.

Каролак во дискусијата ги сумира резултатите до кои дошле Антинучи и Геберт и во текстот во пет точки ги дава разликите меѓу изложената концепција на Антинучи и Геберт и концепцијата на која тој е автор. Сумирано овие разлики од гледна точка на концепцијата на Каролак изгледаат како што следува:

1. на рамништето на содржината видот е поврзан со поимната структура претставена преку глаголи и други предикативни изрази, сп. *експлод-ира* (прост моментен вид), *Детето го пук-н-а балонот*. (целата реченица ја дава резултативната конфигурација со изјаснета причина на дејството), *в-плет-е* (префиксот е носител на резултативната конфигурација - префикс кој го управува видското значење), *Играше балет од пет до дваесет и пет години*.
2. на рамништето на формата видот претставува особеност на семантемите кои претставуваат поими, а семантемата може да биде показател на простиот вид (моментниот или континуативниот) или на конфигурацијата на видовите (в. претходно)
3. глаголите (вербалните семантеми) консеквентно се подредени во видски релевантни семантички класи сп. *вплете* (резултативна конфигурација), *расте* (телична конфигурација) итн.
4. глаголите кои претставуваат прости поими хиерархиски се разликуваат од глаголите кои претставуваат конфигурации кај кои моментниот вид е само еден од составните елементи сп. ја на пр. дефиницијата на резултативната видска конфигурација: резултативната конфигурација претставува

комбинација од два момента и еден континуум и се состои од три семи: **М + М + К**. Двете моментни семи се неутрализираат на временската оска, т.е. двата момента се слеваат во еден, додека континуативната сема покажува резултантна состојба сп. *Моцарт создад-* (резултативен корен) *-е* (суфикс без видска вредност) *нова опера*.

5. показателите на видот не се единствено ограничени на еднозборовни глаголски структури што значи дека некои од компонентите на конфигурацијата можат да бидат изразени со елементи на вербалниот контекст сп. *Работеше денеска од 10 до пет часот попладне.*, сп. ги и пр. на лимитативната конфигурација (в. претходно).

Во прилог на анализата на глаголскиот вид од гледна точка на семантиката се залагаат и Дурст-Андерсен (1997), Бондарко (1997), Комри (1997).

2. Резултативната видска конфигурација во проучувањето на одделните словенски јазици

Терминот кој овде се употребува *резултативна видска (аспектна) конфигурација* со значење **резултативност** како семантичка категорија за првпат се употребува во теоријата за глаголскиот вид на Ст. Каролак (в. Каролак 1997, Спасов 1997) и претставува именување на една од оние видски конфигурации која му припаѓа на свршениот вид со кој доминира моментот.

Видската резултативност како семантичка категорија според ова сфаќање е триаспектна што значи дека се состои од два момента и континуум, а нејзината логичка форма покажува причина (х предизвика дека...), настан (се случи), состојба (дека трае Q) (в. претходно). Сп. го пр. кој покажува резултативна видска конфигурација *Македонскиот тенисер го победи својот противник во вечерашниот меч.* со пр. *Македонскиот тенисер победи во вечерашниот меч.* кој покажува инхоативна видска конфигурација и каде што имаме настан (стана победник) и состојба (е победник), значи двоаспектна конфигурација.

Инаку резултативноста во досегашната аспектолошка литература се разгледува како „модификација“ на глаголското дејство, односно како видски лик - Aktionsart, сп. Симеон (1969) каде за резултативниот вид се зборува како за резултативен подвид на свршениот вид со кој се изразува резултат или свршување на едно дејство (или: завршно-свршен, ингресивен, финален вид), се разбира без да биде земена предвид каузацијата разбрана, во рамките на нашата теорија, како предикација: од семантички аспект изјаснување на причината и оформување на синтаксичка врска меѓу подметот и граматичкиот прирок. Сп. го пр. *Кловнот го исправи велосипедот на едно тркало.*

Според тоа, на она што во нашата теорија е опфатено под терминот *резултативна видска (аспектна) конфигурација* му соодветствуваат повеќе видски ликови кои искажуваат завршување на активноста (овде не мислам на терминативната видска конфигурација, в. претходно). Притоа некои од структурите кои кај нас се одраз на *резултативната видска (аспектна) конфигурација* можат како видски ликови да имаат различни именувања.

2.1. Резултативната видска конфигурација изразена преку коренската семантема

Грубор (1953: 106-107) зборува за резултативната состојба (состојба дека трае Q) (в. претходно) кај резултативната видска конфигурација именувајќи ја како точка на извршеност сп. *ora potkućnicu - uzora potkućnicu za dan*.

Маслов (1963: 9 и понатаму) разгледувајќи го глаголскиот вид во современиот бугарски јазик за првпат во славистиката, колку што ми е мене познато оформувањето на видот го разгледува како комбинација на видски и лексички морфеми, вклучувајќи ја и коренската морфема, во рамките на глаголската основа. Вака разбраната глаголска основа тој ја именува како **видска основа** (ВО) и за него таа е делот од глаголскиот збор којшто останува по отстранувањето на сите флективни морфеми како што се личните наставки, временските наставки итн., освен наставките на имперфективизацијата сп. за бугарскиот јазик *донес-* во однос на формите на аористот *донесох, донесе...* Во оваа смисла Маслов се искажува против видскиот лик, истакнувајќи дека ВО е морфолошки експонент на видското значење, а не само, како што често се смета во словенските граматика, глаголските префикси и некои суфикси, на пр. *-н-, -ува*. Понатаму (с. 30) Маслов зборува за перфективна основа (на што во рамките на нашата теорија соодветствува **резултативен корен/основа**) на некои глаголи во бугарскиот јазик, како на пр. *чу-, каж-, врз-, дад-, реч-, благослов-, глоб-, прат-, прат-, трамп-, фрл-* итн.

Интересен е заклучокот на Маслов (с. 68) во врска со непрефиксираните и без наставки префективни и двовидски ВО во бугарскиот јазик во однос на рускиот јазик, а имено во современиот бугарски јазик такви има 80 на број за разлика од рускиот јазик каде такви ВО има 35. Маслов (с. 71) истакнува дека една важна тенденција во врска со непрефиксираните и без наставки ВО во бугарскиот јазик е силно изразено движење од имперфективноста кон двовидоста и потоа кон чиста перфективизација на пр. *гост-, дар-, контуз-* и сл. Маслов се повикува на анализите на Грицкат (1958) истакнувајќи дека и таа доаѓа до сличен заклучок во однос на српскохрватскиот јазик. За разлика од тоа источнословенските и западнословенските јазици одат кон друга насока. Интересно е да се истакне дека македонскиот јазик во овој поглед се изделува од своето јужнословенско окружение и се приближува кон источнословенските и западнословенските јазици (в. ја анализата на македонскиот материјал).

Во врска со морфологијата на глаголскиот вид во современиот бугарски литературен јазик Маслов (с. 163-164) изведува неколку важни заклучоци за нашата работа. Ќе ги споменам:

1. глаголските морфеми се носители на видското значење, но и експоненти на видскиот лик,
2. само суфиксите на имперфективизацијата се јавуваат како граматички видски експоненти,

3. свршениот вид, којшто според значењето се карактеризира како основен член во корелацијата со несвршениот вид, од формална страна се карактеризира пред сè со отсуство на видскиот суфикс на имперфективизацијата (така е во бугарскиот и во другите словенски јазици),
4. според тоа ВО се делат на „првично“ перфективни и на „првично“ имперфективни и ВО изведени од перфективни ВО.

За нашата работа овие заклучоци се важни затоа што ја објаснуваат мотивацијата на постоењето на двата вида несвршен и свршен, простиот континуативен и простиот моментен како и видските конфигурации во кои доминира континуативниот односно моментниот вид. Освен тоа врз основа на овие заклучоци (и се разбира врз основа на анализите кои им претходат) се надврзува анализата на семантички простите семантими што покажуваат една автономна видска вредност и семантички сложените семантими кои покажуваат две автономни видски вредности со доминација на континуумот односно моментот (в. понатаму), како и најважниот факт дека од семантичка гледна точка теличните глаголи кои му припаѓаат на несвршениот вид (в. претходно, дефиниции на видските конфигурации) се деривирани од резултативни како и инхоативни глаголи кои му припаѓаат на свршениот вид, сп. и *отвори - отвора, фрли - фрла* и сл.

2.2. Резултативната видска конфигурација изразена преку префиксно-коренската семантема

Маслов (1963: 120 и понатаму) зборува за улогата на префиксите во ВО во современиот бугарски литературен јазик. Притоа тој укажува на префиксирани глаголи кои имаат имперфективно значење како на пр. *предсто(й)-* (мак. *претстои* само во трето лице) *на Бугарија предстоеше да земе участие във войната* итн., меѓутоа за овој труд особено интересни се т.н. „приставочно-радикалните ВО“ коишто се единствено перфективни т.е. свршени по вид. Тоа се историски структури од префикс + корен на пр. *съ-зъдати* кои добиле форма *създа(д)-* (мак. *создад-е*), а кои од современа гледна точка функционираат како резултативни корени. Сп. во македонскиот јазик *наслед-, побед-, причест-* и сл. Овој факт на којшто укажува Маслов е мошне значаен затоа што покажува дека видските форми и нивните значења се менливи во текот на времето. Оттаму кога се зборува за структурата на глаголскиот вид во еден јазик треба да се има предвид строго синхрониската ситуација.

Особено интересна е студијата на Грицкат (1966-1967) за префиксацијата како средство на граматичката перфективизација затоа што тука се изнесуваат некои трајни сознанија за природата и улогата на префиксите и тоа врз материјал од српскиот-хрватскиот јазик. Еве ги оние сознанија што се од интерес за нашата анализа:

1. До чиста перфективизација (перфективизација кога се можни само два члена: *писати - написати* и не е можен третиот член **написивати*) доаѓа кога на имперфективниот глагол му се додава таков префикс којшто со својата лексичка

страна може да означи извршување на семантичката ориентација на соодветниот имперфективен глагол сп. *писати - написати*.

2. Притоа доаѓа до неутрализација на модификаторската улога (сема) на префиксот и се прифаќа само маркирачката улога на префиксот, сп. го пр. што го дава Грицкат (с. 197) *теснити - стеснити*, па вели „kada se želi perfektizovati neki glagol, zna se tačno koje se značenje želi perfektizovati (bilo ono jedino ili jedno od prisutnih u imperfektivnom glagolu); za toa se odabere najrodnije prefiksno značenje, - i jedna gramatička radnja se obavi bez leksičkih intervencija. Ako treba iskazati čisto perfektivno značenje glagola *tesniti*, uzima se prefiks (jer se to čini pomoću prefiksa), i to tautologičan, odn. tautologični značenjski odsek tog prefiksa, da u novu reč ne bi pridošlo neko novo značenje koje se ne traži.“ Искажана со поформален јазик горната констатација гласи вака:

- префиксите се сложена семантичка структура, тие претставуваат амалгами од момент (точка на временскиот континуум) и граматички семи (предикат, модификатор на околности)
- во соодветни споеви меѓу префиксот(ите) и глаголот доаѓа до неутрализација (или - на повторување) на некои од елементите на префиксот со некои од елементите на глаголот што зависи од граматичкото и лексичкото значење на глаголот, па ако се вратиме на нашиот пример, тогаш ја имаме следната ситуација: коренската морфема *тесни-ти* претставува телична структура што значи сложена видска конфигурација составена од момент и континуум со доминација на континуумот и со лексичко значење 'нешто да се прави тесно'; може да се земе дека и префиксот го има истото лексичко значење кое се неутрализира, додека моментот од префиксот го удвојува моментот од видското значење на глаголот, па добиваме резултативна видска конфигурација со истото лексичко значење.

Во продолжение (с. 202 и понатаму) Грицкат наведува некои од префиксите и глаголите кои се подложни на чиста перфективизација. Тоа се телични или континуативни глаголи според нашата терминологија (в. претходно) кај кои се одвива процесот прикажан погоре, па се добиваат инхоативи или резултатив. Еве некои: *подлокати, уронити, узљутити, отхранити* итн.

До истите заклучоци за улогата на префиксите во врзувања со глаголски основи наведени кај Грицкат (1966-1967) доаѓа и Грубор (1955: 105-106 и на други места), па вели: „prefiksom treba naglasiti da inkoativnost, finitivnost i dr. nijesu aspektna značenja ni najmanje, nego značenja onih prefiksa (za-, pro-, raz- ...), a aspektna je tamo samo perfektivnost, koja dolazi od slaganja kakva bilo prijedloga i glagola u jedni cjelinu, riječ“.

Пајар (1997: 170) зборувајќи за улогата на префиксите во изразувањето на категоријата на видот во рускиот јазик заклучува дека префиксите играат основна улога во врска со поимот настан и имаат два (односно три) статуса:

1. Префиксот го определува настанот додека глаголската основа само го специфицира начинот на остварување на процесот сп. *го откриши носот на статуата* каде префиксот *од-* покажува одделување. Овде се гледа улогата на

префиксот во остварување на предикацијата, она што кај нас е наречено префикс-предикат односно префикс кој го управува видското значење.

2. Префиксот внесува квалитативна определба (кај нас наречена определба на околност), прави спецификација на процесот изразен (искажан) со основата што овозможува да се преосмисли процесот како настан, сп. *пересолить суп – ја пресоли супата* (ситуација кога количеството на солта се оценува како преголемо во однос на нормата).
3. Пајар (с. 170) зборува и за т.н. перфектирачки префикси (в. Грицкат 1966-1967), но само како за хипотеза и тој за рускиот јазик како такви ги наведува префиксите *из-* и *у-*, но нагласува дека тука се потребни дополнителни испитувања.

Пајар (с. 170-171) давајќи рецептура како треба да ги опишуваме префиксите во рускиот јазик, ја исфрла и идејата за тоа дека повеќето префикси се амалгами на претходно споменатите состојби. Оваа идеја наоѓа целосна примена во рамките на нашата теорија.

Каролак (1997а: 54 и понатаму) во делот за семантичкиот статус на граматичките морфеме, izdelува кај нив две категории: 1) морфеме со семантичка функција односно со видска вредност сложена (конфигурација на прости видови) или проста (моментен односно континуативен прост вид) и 2) морфеме со структурна функција (без видска вредност).

Во принцип не постои разлика меѓу семантичкиот статус на префиксот и коренот на зборот, така на пр. префиксот *до-* во комбинација со коренот *гради* го дава видскиот лик означен во литературата како комплетивно-партитивен или со други зборови го има истото значење и истата видска вредност изразени со коренската морфема на глаголот *додаде*, значи *додаде уште еден дел кон градбата*. Ова значи дека префиксот *до-* во семантички однос ја повторува информацијата со коренската семантема: покажува вид инкорпориран во специфичен поим, односно резултативна видска конфигурација. Така на пр. сложената морфема *се_на-* во комбинацијата (составот) *денеска се начита* што се означува како сативен видски лик го содржи истиот сложен вид како и изразот *читаше доволно*.

Некои префикси, влезени во т.н. видски ликови, го покажуваат видот во чиста форма. Таков е македонскиот префикс *за-* во глаголските форми *за-сака*, *за-молкна* кои покажуваат инхоативна видска конфигурација што значи дека префиксот ја одзема видската вредност на коренот и тој станува морфема со структурна функција, односно корен без видска вредност. Истата ситуација ја имаме со резултативниот префикс *в-* во комбинација со коренот *ков-*, значи *в-ков-а* сп. *Ја вкова шајката во сидот*.

Со структурна функција (без видска вредност) е на пример суфиксот кај глаголите *вер-ува*, *танц-ува* каде што коренската морфема е еднаква и за именките и за глаголите сп. *вер-ба*, *танц-Ø* каде што коренската морфема е носител на простиот континуативен вид така што простиот континуативен вид на суфиксот е неутрализиран од видската вредност на коренот.

Интересен е моделот на изучувањето на семантиката на префиксите кој го предлагаат Волохина и Попова (1997). Авторките (с. 40) доаѓаат до заклучок дека чистовидови префикси (в. претходно: перфектирачки префикси кај Грицкат) не постојат и затоа, според нив, не треба да се бара решение на проблемот на видот во семантиката на глаголските префикси. Овој заклучок се аргументира со еден претходен заклучок дека префиксот секогаш се користи како зборообразувачко средство внесувајќи во семемата (составот на семите на планот на содржината, кому на планот на изразот му соодветствува лексемата) на изведениот глагол некоја нова сема и преку тоа доаѓа до негово лексичко разликување од глаголот од којшто е изведен.

Ваквото размислување трпи критика пред сè поради ноторниот факт дека префиксите се амалгами (в. претходно и понатаму), односно тоа се морфемии кои покрај видската вредност изразена како момент на временската оска имаат и други содржини, така на пр. префиксот *раз-* во комбинација со коренот *град-* и содржи негација, па *разгради* се парафразира како *стана таков дека веќе не е изграден*. Но од друга страна, во комбинација со различни глаголски основи доаѓа до неутрализација (или - неактивирање) на некои од значењата, или обратно до активирање на некои од значењата што е зависно од глаголската основа. Притоа, при декомпозицијата треба да се изделат видските семи од другите кои немаат врска со семантиката на видот. Сп. *у-краде* = видска сема: момент + семантички празна наспроти *ис-краде* = видска сема момент + семантички акумулација со значење: *украде сè до крај* и со парафраза: *се случи нешто што предизвика дека серијата на настани е исцрпена* (дистрибутивна видска конфигурација, в. претходно).

2.3. Резултативната видска конфигурација изразена преку коренско-суфиксна семантема

Од суфиксите кои во македонскиот јазик учествуваат во резултативната конфигурација со моментна видска вредност се јавуваат *-ира*, *-из-ира*, *-ува*, *-ос-а*, *-ис-а*, *-н-* и *-к-*. Повеќето од нив се јавуваат и во другите словенски и јужнословенски јазици, меѓутоа секако најинтересни се судејќи според она што е напишано за нив, т.н. двовидски глаголи кои во македонскиот јазик во најголем број се со наставките *-ира*; *-из-ира*. Општоприфатена е констатацијата за словенските јазици дека класификацијата на глаголите со наставките *-ира*; *-из-ира* како двовидски (глаголи што покажуваат свршен и несвршен вид) зависи од аспектната вредност на коренот.

Од оваа гледна точка интересно е да се проследат проучувањата за овие суфикси со видска вредност кај јужнословенските јазици.

Така во врска со бугарскиот јазик Маслов (1963: 84 и понатаму) посебно внимание обрнува на видските основи (ВО) со зборообразувачките суфикси *-ув-* (*-изув-*, *-вув-*, *-ствув-*), *-ов-*, *-в-* потоа *-ир-* (*-изир-*) + *а* како и *-ас-* (*-ос-*, *-ис-* итн.) + *-а-* во современиот бугарски литературен јазик и притоа истакнува неколку мошне важни заклучоци, особено во врска со нашата методологија:

- Маслов (с. 84-85) укажува на фактот дека лингвистите не се единствени во однос на двовидските ВО во смисла на тоа дека некои лингвисти сметаат дека дел од нив се имперфективни, така на пр. во Речникот на БАН глаголите *бабува-*, *диктува-*, *ергенува-* итн. се предаваат како несвршени, додека во Речникот на Андрејчин и др. истите глаголи се дадени како двовидски. Маслов наведува цела серија на такви примери и неговото објаснение се сведува на морфонолошки факти, имено дека гореспоменатите наставки се синоними, односно имаат иста форма и за свршениот и несвршениот вид. Мислам дека е можно и друго објаснување, имено: прво, семантиката на видските форми (структури) е подложена на постојан развиток така што зборувачите на јазикот, припадници на различни генерации не секогаш се согласни за тоа дали некоја глаголска форма е од свршен или несвршен вид, второ, низ дијалектите на јужнословенските јазици (вклучувајќи го тука и бугарскиот) се случува една глаголска форма да има различно толкување во однос на видот, во едни дијалекти да биде само несвршена, во други и свршена така што оваа ситуација се пренесува и во литературниот јазик. Ваквото објаснување произлегува и од анализата на нашиот материјал (в. понатаму).
- Што се однесува на двовидските ВО на *-ира-* Маслов (с. 97 и понатаму) укажува дека повеќе од три четвртини од овие ВО во бугарскиот јазик учествуваат во преодни глаголи што значи дека прават и резултативни видски конфигурации (покрај инхоативните и теличните), сп. *бламира*, *балсамира*, *бомбардира* итн.
- Во однос на ВО со суфиксите *-ас-* (*-ос-*, *-ис-* итн.) + *-а-* Маслов (с. 104 и понатаму) истакнува дека речиси сите (со неколку исклучоци) ВО со овие суфикси се префективни, дел од нив се преодни сп. *вароса-*, *боядиса-*, а дел се непреодни сп. *брадјаса-* (обрасне со брада), *тревјаса-* (обрасне со трева) и сл. Разликата меѓу бугарскиот и македонскиот јазик е токму во широко изразената можност на вторична транзитивизација на непреодните глаголи во македонскиот јазик така што границата меѓу појдовно непреодните глаголи и преодните во македонскиот јазик не е релевантна што значи дека практички сите глаголи со оваа наставка во македонскиот јазик под определени услови можат да изразат инхоативна и резултативна конфигурација.

Соколов (1978: 60) во однос на суфиксите *-ас-* (*-ос-*, *-ис-* итн.) + *-а-* во бугарскиот јазик издвојува циркумкурсивно-резултативен видски лик што значи дека резултатот е локализиран во соодветен просторствен опфат распределен по површината на предметот, сп. *белосвам*, *боядисвам*, потоа за дејство извршено во целосен обем, сп. *беше ископал јама*.

2.4. Резултативната видска конфигурација изразена како перифрастички конструкции

Маслов (1978: 21 и понатаму) зборува за поврзаноста на аспектните значења со лексичката семантика на глаголот (аспектуальные значения / органически сплетены с лексической семантикой глагола). Во сферата на

глаголската аспектуалност влегуваат исто така и аналитички видски ликови (во нашата терминологија - перифрастички конструкции), т.е. изразување на аспектните значења со помош на определени глаголски синтагми од типот *начать* + инфинитив, *случалось* + инфинитив како и со помош на повторување на глаголската форма. Иако Маслов зборува за перифрастички конструкции кои покажуваат инхоативна конфигурација да речеме на македонски *почна да работи*, овде е важна идејата дека видската конфигурација може да биде претставена преку перифрастички конструкции.

Инаку немам сретнато никаде во литературата посветена на глаголскиот вид да се зборува за резултативна видска конфигурација изразена преку перифрастички конструкции. Меѓутоа, на перифрастичките конструкции што покажуваат почеток на дејство им се посветени трудовите на Тополињска (1984) и на Миркуловска (2000). За разлика од споменатото, за делимитацијата изразена како временско ограничување, односно како време - мера за количество на траење во поновата аспектолошка литература сè почесто се зборува (в. Пановска-Димкова 1998: 33 и пошироко). Една од причините можеби лежи во фактот дека свршениот вид на глаголот се сфаќа како затворен во неговата граматичка форма. Примерите од типот *направи бојкот, стори ниет, (го) направи будала, (го) изеде јанса* и други каде имаме работа со синсемнатичен глагол се сфаќани единствено како синтагми, без да биде земена предвид нивната видска информација.

3. Резултативната видска конфигурација во проучувањето на македонскиот јазик

3.1. Резултативната видска конфигурација изразена преку коренската семантема

Во литературата немам сретнато проучувања на оваа тема.

3.2. Резултативната видска конфигурација изразена преку префиксно-коренската семантема

Во делот каде зборува за образувањето на свршени од несвршени глаголи во Граматиката на македонскиот литературен јазик, Конески (1982: 391 и пошироко) како еден од начините на таквото образување во македонскиот јазик ја изделува префиксацијата. Во врска со тоа ги издвојувам неговите заклучоци:

- Префиксирањето на глаголите треба да биде сфатено согласно на принципите на синхрониската зборообразувачка анализа. Конески вели дека често префиксираната и непрефиксираната иста глаголска основа стануваат два збора што зависи од употребениот префикс, сп. *тепа - ис-тепа* (ист збор, разликата е во несвршениот наспрема свршениот вид) - *о-тепа* (друг збор, синоним на *уби*).
- Префиксирањето на глаголите има класификаторска улога (го менува глаголскиот вид од несвршен во свршен), сп. *каже - ис-каже-рас-каже*. Интересна е една негова забелешка (с. 392): „глаголите како *префаќа, доплаќа* и др. претставуваат образувања со наставка од свршените

префати, доплати, а не со префикс од несвршените *фаќа, плаќа*'. Овде се покажува односот меѓу теличната видска конфигурација *префаќа, доплаќа* и резултативната *префати* односно терминативната *доплати* видска конфигурација изразена преку видската разлика меѓу свршениот корен *фат-*, *плат-* и несвршениот корен *фаќ-*, *плаќ-*.

- Префиксирањето на глаголите има модификациска улога (не доаѓа до промена на видот, а само нијансирање на основното глаголско значење во врска со значењето на префиксот, сп. *види - извиди*). И овде е интересна следната забелешка (с. 392): „има притоа и такви случаи кога префиксираниот глагол се употребува со неизменето значење спрема непрефиксираниот: *врати се - поврати се*. Сп.: *Не можле да ѝ повратат*. (М. Цепенков), со исто значење како: *да ги вратат*." Овде се укажува на префикси без видска вредност и без значење, односно на семантички празни префикси.
- Конески (с. 393) зборува и за „глаголи што не се употребуваат непрефиксирани“, во нашата терминологија за т.н. врзани основи и ги дава и следните примери: *в-лезе - из-лезе, за-тне - во-тне*. Овде се укажува на структури кај кои префиксот е носител на резултативното значење додека коренот е без видска вредност.

За инвентарот на префиксите во македонскиот јазик, нивните значења и употреба, меѓу другите, имаат пишувано Конески (с. 394-404) во одделот за префиксите во македонскиот литературен јазик, Угринова (1960) во монографијата за значењата на глаголските префикси во македонскиот јазик, Конески, К. (1995) во одделот за префиксните глаголски образувања во современиот македонски јазик.

Сакајќи да го избегнам разгледувањето на секое дело одделно, а со тоа да ги избегнам нужните повторувања, се одлучив поаѓајќи од она што е кажано во споменатите дела, како и од поновите сознанија на науката (Грамматика-морфологија 1984: 470 и пошироко) да изнајдам оперативни дефиниции на синтагмите од префиксите и глаголските основи кои учествуваат во резултативната видска конфигурација што понатаму ги користам во анализата на материјалот (в. понатаму).

Префиксацијата, како и секој глаголообразувачки процес, е тесно поврзан со видот на глаголот. Оваа врска поинаку се покажува на формалното рамниште, а поинаку на функционалното рамниште.

Од формална гледна точка дериватот кој се разликува од појдовниот глагол со префиксален формант секогаш е од свршен вид, сп. *оди* (несвршен) наспроти *изоди, дооди, пооди* (свршен).

Функционалната врска на префиксацијата со видот, т.е. изразувањето на видските дистинкции преку префиксите, е многу покомплицирано. Тука се поставуваат повеќе прашања:

- ◆ Дали префиксите на дериватите им придаваат различни значења од значењата што ги имаат глаголските основи?
- ◆ Дали модификацијата или мутацијата му придава на дериватот такви составни семантички елементи кои создаваат видски парови?
- ◆ Дали значењето на основниот глагол може да биде изразено во двата вида и дали експонент (показател) на видската разлика е опозицијата на наставките на основата?

Овде може да разликуваме неколку ситуации:

- Постојат празни префикси во однос на значењето и видот и нивна единствена функција е создавањето на синоним во однос на основниот глагол, сп. *се поврати* ← *се врати*.
- Од релациите од типот *купува* : *купи* → *докупи*: *докупува* произлегува дека префиксите извршуваат семантичка функција, модификациска или мутациска, додека видските опозиции се покажуваат преку опозициите на наставките на основата *-и* // *-ува*.
- Како вистинска видска функција се прифаќа функцијата на префиксите во паровите како: *сошие* ← *шије*, *напише* ← *пише*.

Сега ги објаснувам термините употребени погоре, а имено: модификација и мутација.

Модификација: модификациските деривати им даваат нови значења (нов предикат) на основната лексема. Речиси сите модификациски деривати се еквиваленти на глаголската група (синтагма) составена од глагол и некои негови модификатори. Корелат на глаголот во оваа група во деривацијата претставува зборообразувачката основа, а на модификаторот - формантот, на пр. *по-гледа* ← *гледа* = '*погледа малку, незначително*'.

Мутација: мутациските деривати именуваат нови десигнати со оглед на определената семантичка релација на основниот збор. Мутацијата кај префиксираните глаголи изведени од глаголи се должи на тоа дека формантот внесува значење на нова активност додека содржината на основата претставува нејзина определба. Во овие деривати доаѓа значи до кондензација на два предиката со делумно идентични аргументи. Нивното заемно прилагодување ја осветлува општата релација меѓу предикатот (формантот) и аргументот на настанот којшто игра улога на апстрактно средство на активност или поретко евентуално резултат на објектот (основата). Сп. *за-лепи* ← *лепи*, *из-мисли* (*нешто*).

Го прикажувам моделот *префикс + глагол* кај некои синтагматски споеви што учествуваат во резултативната видска конфигурација:

- *в-* (мутациски дериват-нешто во нешто-инкурзив): *в-гнете*, *в-пише*;

- *в-* (мутациски дериват-резултативна свршеност-ефектив) *в-кисне*/¹⁷, *в-кочан-и*;
- *во-* (мутациски дериват-нешто во нешто-инкурзив): *во-влече*;
- *во-* (мутациски дериват-резултативна свршеност-ефектив): *во-оружи*
- *до-* (модификациски дериват-додаде уште нешто-ретроспективна карактеристика на акцијата): *до-даде, до-гради*;
- *за-* (мутациски дериват-нешто некаде-насоченост): *за-фрли*;
- *за-* (видски дериват-изјаснување на каузацијата-момент): *за-бележи*;
- *за-* (модификациски дериват-мала мера-ефективност на акцијата): *за-мие*;
- *за-* (мутациски дериват-резултативна свршеност-ефектив): *за-поп-и/т*;
- *из-* (видски дериват-изјаснување на каузацијата-момент): *из-гасне, из-вари*;
- *из-* (мутациски дериват-резултативна свршеност-ефектив): *из-јарм-и*
- *на-* (модификациски дериват-мала мера-ефективност на акцијата): *начуе*;
- *на-* (видски дериват-резултат на акција-момент): *на-пише*;
- *над-* (модификациски дериват-над мера-релативна карактеристика): *над-земе*;
- *о-* (мутациски дериват-резултат на акција): *о-бере*;
- *об-* (модификациски дериват-целосна опфатеност-комплетивна формација): *об-лепи*;
- *об-* (мутациски дериват-резултативна свршеност-ефектив): *об-надежи*
- *од-* (мутациски дериват-спротивно од она што е изразено со основата на глаголот-анулативна акција): *од-врзе, од-рече, од-доми*;
- *од-* (видски дериват-резултат на акција-момент): *од-брани*;
- *од-* (модификациски дериват-целосна опфатеност-комплетивна формација): *от-пее*;
- *по-* (видски дериват-резултат на акција-момент): *по-дели*;
- *по-* (модификациски дериват-направи уште малку-ретроспективна карактеристика на акцијата): *по-стегне*;
- *под-* (видски дериват-резултат на акција-момент): *пот-пише, пот-сети*;
- *под-* (модификациски дериват-мала мера-комплетивна формација): *пот-турне, под-даде*;
- *пре-* (видски дериват-резултат на акција-момент): *пре-даде, пре-земе, пре-трпи*;
- *пре-* (мутациски дериват-делење на предметот-креативна акција): *пре-кине, пре-крши*;
- *пре-* (мутациски дериват-трансформативна формација): *пре-копа, пре-лепи, пре-врти*;
- *пре-* (модификациски дериват-прекумера-комплетивна формација): *пре-пече; пре-тепа*;
- *при-* (модификациски дериват-додаде уште нешто-ретроспективна карактеристика на акцијата): *при-даде, при-купи*;
- *при-* (видски дериват-резултат на акција-момент): *при-бележи, при-готви*;

¹⁷ Ознаката /т значи употреба на вторично преоден глагол (в. претходно и понатаму).

- *про-* (мутациски дериват-формација на насока: низ нешто-перкурзив): *про-боде, про-ниже;*
- *про-* (видски дериват-изјаснување на каузацијата-момент): *про-гледа/т;*
- *про-* - (видски дериват-резултат на акција-момент): *про-чита, про-толкува;*
- *раз-* (мутациски дериват-формација на насока: на разни страни): *раз-гони, рас-(с)ее;*
- *раз-* (модификациски дериват-карактеристика на висок степен на интензивност на акцијата): *раз-јаде; рас-кара/т;*
- *раз-* (видски дериват-изјаснување на каузацијата-момент): *раз-лае/т, раз-гори;*
- *раз-* (мутациски дериват-спротивно од она што е изразено со основата на глаголот-анулативна акција): *раз-везе, раз-мота, раз-власти*
- *с-* (мутациски дериват-формација на насока: оддалечување): *с-влече;*
- *с-* (мутациски дериват-резултативна свршеност-ефектив): *с-кочани*
- *с-* (видски дериват-резултат на акција-момент): *с-гази, с-вари*
- *у-* (мутациски дериват-нешто во нешто-инкурзив): *у-ткае*
- *у-* (видски дериват-резултат на акција-момент): *у-грее, у-лови*

Моделот два (и повеќе) префикси + глагол нема посебно да го разгледувам на ова место, туку на соодветните места во текот на анализата, бидејќи ваквото разгледување излегува од рамките на целите поставени погоре.

За префиксите во полскиот и македонскиот јазик пишува Врубел (1996: 7-11). Особено место тој им дава на префиксите што внесуваат сопствена „процесуална“ содржина и претставуваат предикат поблизу детерминиран преку основниот глагол. Така на пр. исказот со глаголот *одработи долг* е кондензација од двореченичната структура *х му го врати долгот на у на тој начин што работеше кај у*. Оттука произлегува дека второстепената предикатска вредност на целата формација е сосредоточена во префиксот. Ова наоѓа свој израз во семантичко-синтаксичките промени, а посебно во преобразувањето на интранзитивни глаголи во транзитивни, сп. *ги из-оди сите улици*, односно *помина низ сите улици на тој начин што одеше (ги изоди)*. Ова претставува важен заклучок за анализа на улогата на резултативните префикси во резултативната видска конфигурација

Посебно место зазема прашањето на префиксацијата на глаголите на *-ира* и на *-ува*. Во принцип, во однос на додавањето на разни префикси кон овие глаголи постојат системски рестрикции како и кај наследената глаголска лексика (в. понатаму), но во игра тука се пред сè рестрикциите од конвенционален карактер, произлезени од сè уште нестабилизираните решенија во рамките на узуалната и, следствено на тоа, на проскриптивната норма, па оттаму иде малиот (или - големиот, зависно од визурата) број на префиксираниите форми на овие глаголи во јазичната употреба, па дури и нивно неразбирање, в. на пр. Марков (1972: 7) кој префиксираниите глаголи на *-ира* и на *-ува* во македонскиот јазик во однос на ситуацијата во рускиот јазик ги сфаќа како „своевиден куриозитет“. Како што се истакна претходно, префиксите претставуваат морфеме кои ја модифицираат видската вредност на глаголската основа, или се префикси -

амалгами, што значи дека покрај видската вредност, имаат и други содржини: квалитативно/ адвербијално значење, или се семантички празни префикси, така на пр.: префиксот *раз-* може покрај свршеноста да го претставува и поимот негација, сп. *раз-организира - Претставата се разорганизира.* (= стана таква дека повеќе не се организира); префиксот *на-* покрај свршеноста може да претставува и кумулативна морфема, сп. *на-организира - Во животот се наорганизира различни манифестации.* (= мноштво на манифестации) (в. Каролак 1992: 98). Во врска со степенот на раширеноста на префиксираните форми на овие глаголи и, во врска со тоа, какви се разликите меѓу разговорниот јазик и проскриптивната норма, односно каде одат развојните тенденции Саздов, С. (1993: 44-45) дава интересен материјал од дневниот печат. Тој ги издвојува следните префикси како продуктивни: *из-: из-демонстрира, из-реагира, ис-конструира, ис-планира, ис-тренира; пре-: пре-аранжира, пре-димензионира, пре-структурира; раз-: рас-пломбира* итн.

3.3. Резултативната видска конфигурација изразена преку коренско-суфиксна семантема

Овде од интерес се пред сè оние суфикси со моментна аспектна вредност кои учествуваат во резултативната видска конфигурација, а чијашто видска вредност се разликува од онаа на коренот, односно оние суфикси што се врзуваат со корени кои покажуваат прост континуативен вид и телични корени кај кои континуативниот вид е доминантен. Во македонскиот јазик таквите суфикси можат да бидат:

1. Со континуативен корен:

- *-ира: аплиц-ира;*
- *-ува: дар-ува;*
- *-ис-: бакар-ис-а;*
- *-ос-: брад-ос-а;*
- *-из-: автомат-из-ира;*

2. Со теличен корен:

- *-н-: лег-н-е/т;*
- *-н-: диг-н-е;*
- *-а: венч-а* (глаголот е од свршен вид): *Ги венчаа децата.*

За овие суфикси на различни места пишувале Конески (1982), Корубин (1955), Марков (1983), Конески, К. (1995) и други автори, но никој не ги разгледува како носители на видско значење, туку како форманти во образувањето на свршените или двовидските глаголи во свршена употреба.

Интересно прашање за македонскиот јазик, како и за другите словенски јазици, е да се покажат видските карактеристики на едно множество глаголски лексеми во македонскиот стандарден јазик наречени во македонската наука според видските карактеристики: *двовидски*, според зборообразувачкиот модел: глаголи со наставките *-ира/-из-ира*, според основата определени како глаголи со

номинална/ деноминална основа, а според потеклото: глаголи-заемки од (западно)европските јазици, како на пр.: *алудира, аплицира, брифира, демонстрира, електризира, третира, солидаризира, трансформира, шампонира* итн. (сп. на пр. Конески, К. 1994; Марков 1972; Минова-Ѓуркова 1966)

Во нашата наука досега на овие глаголи им е посветено прилично внимание и тоа во однос на:

- 1) Потеклото на суфиксите *-ира/-из-ира*: суфиксот *-ира*, според Конески, К. (1995: 132) е од германскиот јазик (в. и Марков 1980: 114), додека *-из-ира* претставува проширување на основниот суфикс со суфиксниот елемент *-из-* по потекло од грчкиот јазик, додека Марков (1970 а: 612) укажува на можноста дека суфиксот, односно суфуксите идат од германскиот јазик, сп.: *telephonieren - phantasieren*. Минова-Ѓуркова (1966: 117), повикувајќи се на Јернеј (1959: 31) и Стефанов (1954: 369), истакнува дека *-ира* во нашиот јазик „стои наспрема германскиот инфинитивен суфикс *-ieren*, кој всушност е хибридна адаптација на француската инфинитивна наставка *-ier* односно *-ir ...* Кај еден дел од глаголите оваа наставка се јавува во проширен вид, т.е. како *-из-ира*. Во елементот *-из-* овде ја согледуваме грчката наставка *-ис* што се јавувала во тој јазик во состав на глаголи од именски основи“. Во иста насока иде и забелешката на Аргировски (1993: 27) за потеклото од грчкиот јазик на наставките *-ас-а, -јас-а, -ес-а, -ис-а, -ос-а*, сп.: *дрв-ос-а; зем-јос-а; кин-ис-а* и сл., односно дека тие му припаѓаат на сигматскиот аорист.
- 2) Во однос на видот на овие глаголи во литературата преовладува карактеристиката дека се „главно двовидски“ (в. на пр. Конески, К., 1995: 133).¹⁸ Само како несвршени (сп. на пр. РМЈ) се означени следните глаголи: *агитира, алудира, буџетира, галопира, гравитира, дефилира, иронизира, експериментира, маневрира, позира, респектира, студира, тероризира, фигурира, шофира*, меѓутоа Конески, К. (1995: 133) укажува дека меѓу овој тип глаголи има и такви што можат да се сретнат и како свршени и ги наведува примерите: *артикулира, бојкотира, дресира, култивира, релетира*. Од друга страна глаголот *инсценира* во РМЈ е означен само како свршен, на што реагира Минова-Ѓуркова (1966: 122) и истакнува дека тој може да се употреби и како несвршен, на пр.: *Секогаш инсценира караници*. Всушност, контекстот (= секогаш) укажува на потенцијална особеност за вршење на определен акт, односно има значење на хабитуалност. Минова-Ѓуркова (1966: 122) (сп. и Марков 1972: 7) понатаму констатира: „Видот на овие глаголи, кои се јавуваат само во една форма, всушност е обусловен од нивното лексичко значење. Од карактерот на тоа значење зависи дали еден таков глагол ќе се јавува во двата или само во едниот вид.“

¹⁸ Определбата дека тие се главно двовидски нема директна поддршка во современиот јазичен материјал, туку произлегува главно од наznakите во РМЈ, што, во крајна линија произлегува од тогашниот материјал што го нудел стандардниот јазик (да се потсетиме дека РМЈ е составуван кон крајот на 50-те и почетокот на 60-те години на веков), време кога, гледано од денешна перспектива, степенот на стандардизацијата на јазикот бил понизок, односно постоеле поголем број на потенцијални појави.

Со ова е отворено прашањето на формата, односно пошироко гледано, прашањето на формалните експоненти кои овие глаголи ги означуваат на ниво на збороформата како свршени или несвршени. Овие глаголи според формата се изедначени со глаголите од наследената лексика од *a*-групата, сп. ги на пр. низите: *читам - читаш - чита* (сег. време) со *читав - чита - чита* (аорист), наспроти *констатирам - констатираш - констатира* (сег. време) со *констатирав - констатира - констатира* (аорист). Овде треба да се потсети дека двовидски глаголи постојат и во наследениот лексички фонд, како на пр. *дар-ува* (в. Teunissen, соопштение), сп. го и пр.: *Аферата, уште извесно време ќе ја разбранува јавноста.*, што значи дека суфиксите *-ира* и *-из-ира* се конкурентни во извесни употреби со суфиксот *-ува*. Директен доказ за тоа е можноста вербализирачкиот суфикс *-ира* да добива конкуренција во суфиксот *-ува*: *фалсифиц-ира - фалсифик-ува; комплиц-ира - комплик-ува* (со назнака дека и двете форми можат да бидат од свршен и од несвршен вид), иако во врска со овој вид на адаптацијата треба да се истакне дека е ограничена од узуалната норма, иако е поддржана од проскриптивната норма, сп. Корубин (1955: 96) кој од нормативна гледна точка ја поддржува домашната наставка *-ува* кај овие глаголи, сп. на пр. и: *интерес-ува, квалифик-ува*, а кон таквото мислење придружува и Минова-Ѓуркова (1966: 121) укажувајќи на паралелноста во значењето, т.е. на свршената и несвршената употреба, при што таа во однос на свршената употреба ги препорачува формите *по-грч-и, по-македонч-и* во однос на *грц-из-ира, македон-из-ира*, форми кои претставуваат резултативна конфигурација, односно имаат резултативно значење, при што треба да се истакне дека во јазичната употреба не постои целосна паралелност во нивната акцептабилност, сп. *покрсти - *крстизира*.

3.4. Резултативната видска конфигурација изразена како перифрастички конструкции

За оваа проблематика досега колку што ми е познато не е пишувано. Миркуловска (2000) има пишувано за перифрастичките инхоативи во македонскиот јазик што е првпат кај нас да се покаже дека перифрастичките конструкции носат видска информација (в. претходно).

ЛИТЕРАТУРА:

- Антинучи и Геберт 1977 = Antinucci, F. i Gebert, L. 1977. Semantyka aspektu czasownikowego. *Studia gramatyczne* I: 7-43
- Антинучи и Геберт 1975/1976 = Antinucci, F., Gebert, L. 1975/1976. L'aspetto verbale in polacco. *Ricerche Slavistiche*, XXI-XXIII: 5-60
- Аргировски 1993 = Аргировски, М. 1993. Деноминативни глаголи образувани со наставката **-оца** во македонскиот јазик. *Литературен збор*, 1-6:27-29
- Бирд 1995 = Beard, R. 1995. *Lexeme-Morpheme Base Morphology; a General Theory Inflection and Word Formation*. Albany, NY: SUNY Press
- Богацки, Каролак 1991 = Bogacki, K., Karolak, St. 1991. Fondements d' une grammaire à base sémantique, *Lingua e Stile*, XXVI, 3: 309-345

- Boguslavski 1985 = Bogusławski, A. 1985. The problem of negated imperative in perfective verbs revisited. *Russian Linguistics*, 9
- Бондарко 1997 = Бондарко, А. В. 1997. О системе анализа семантики глагольного вида (на материале русского языка). *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*, Том 1: 6-18
- Бородич 1953 = Бородич, В. В. 1953. К вопросу о формировании совершенного и несовершенного вида в славянских языках. *Вопросы языкознания*, 6: 68-86
- Виноградов 1947 = Виноградов, В. В. 1947. *Русский язык*. Москва: Наука
- Волохина, Попова 1997 = Волохина, Г. А., Попова, З. Д. 1997. Категория глагольного вида в свете семантического устройства глагольных приставок. *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*, Том 3: 34-41
- Достал 1954 = Dostál, A. 1954. *Studie o vidovém systému v staroslovenstine*. Praha
- Галтон 1976 = Galton, H. 1976. *The Main Functions of the Slavic Verbal Aspect*. MANU: Skopje
- Gebert 1998 = Gebert, L. 1998. Aspekt, modalność a siła ilokutywna. *Семантика и структура на словенскиот вид III*. Скопје: Филолошки факултет „Блаже Конески“, 11-22
- Гериј 1957 = Garey, H. V. 1957. Verbal aspect in French. *Language* 33: 91 -110
- Гжегорчикова 1997 = Гжегорчикова, Р. 1997. Новый взгляд на категорию вида в свете когнитивной семантики. *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*, Том 2: 21-35
- Гијом 1929 = Guillaume, G. 1929. *Temps et Verbe. Théorie des aspects, des modes et des temps*. Paris: H. Champion
- Гијом 1988 = Guillaume, G. 1988. *Principi teorijske lingvistike*. Zagreb: Globus
- Гловинскаја 1997 - Гловинская, М. 1997. Еще раз к вопросу об инвариантах совершенного и несовершенного вида. *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*, Том 1: 37-50
- Гортан-Премк 1996 = Гортан-Премк, Д. 1996. О несамосталним семантичким елементима у структури лексема. *Јужнословенски филолог*, LII: 19-24
- Гортан-Премк 1997 = Гортан-Премк, Д. 1997. *Полисемја и организација лексичког система у српском језику*. Београд: Институт за српски језик САНУ
- Грицкат 1957-1958 = Грицкат, И. 1957 - 1958. О неким видским особеностима српскохрватског глагола. *Јужнословенски филолог*, XXII: 65-130
- Грицкат (1966-1967) = Grickat, Ir. 1966-1967. Prefiksacija kao sredstvo gramatičke (čiste) perfektivizacije (načelna razmatranja i savremena srpskohrvatska građa). *Južnoslovenski filolog* XXVII, sv. 1-2, 185-223
- Grubor (1953) = Grubor, Đ. 1953. Aspektna značenja. *RAD, knjiga* 293, 295
- Дурст-Андерсен 1997 = Дурст-Андерсен 1997. Совершенный и несовершенный виды русского глагола с позиции ментальной грамматики. Семантика. Прагматика. *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*, Том 1: 71-90
- Јернеј 1959 = Jernej, J. 1959. Glagoli na -irati u XVII i XVIII stoleću. *Filologija*, 2
- Каролак 1984 = Karolak, St. 1984. Składnia wyrażew predykatywnich (во:) *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*. Warszawa: PWN
- Каролак 1991 = Karolak, St. 1991. Y a-t-il différence de principe entre l'aspect roman et slave. *Problemy opisu gramaticznego języków słowiańskich*. Warszawa: 85 - 93
- Каролак 1992 = Karolak, St. 1992. Aspekt a Aktionsart w semantycznej strukturze *języków słowiańskich. Z polskich studiów slawistycznych*, seria VIII. Warszawa: 93-99
- Karolak 1994 = Karolak, St. 1994. Le concept d'aspect et la structure notionnelle du verb. *Studia kognitywne* 1: 21 -41
- Каролак 1996 = Karolak, St. 1996. О семантике аспекту (w dwudziestą rocznicę publikacji rozprawy F. Antinuccio i L. Gebert „Semantyka aspektu czasownikowego). *Biuletyn PTJ*, IXII: 9-56

- Каролак 1997 = Кароляк, Ст. 1997. Вид глагольной семантемы и видовая деривация. *Семантика и структура славянского вида II*, Kraków: Wydawnictwo Naukowe WSP: 97-110
- Конески 1982 = Конески, Бл. 1982 а. *Граматика на македонскиот литературен јазик*. Култура: Скопје
- Конески 1982 = Конески, Бл. 1982 б. *Историја на македонскиот јазик*. Култура: Скопје
- Конески, К. 1994 = Конески, К. 1994. Зборообразувањето и глаголскиот вид. *Литературен збор*. XLI, 4 - 6: 17 - 26
- Конески, К. 1995 = Конески, К. 1995. *Зборообразувањето во современиот македонски јазик*. Скопје: Бона
- Корубин 1955 = Корубин, Бл. 1955. За глаголите со наставката **-ира** во нашиот јазик. *Литературен збор*, г. II, кн. 2: 96-97
- Комри 1997 = Комри, Б. Општа теорија глаголног вида. *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*, Том 1: 115-121
- Кронгауз 1997 = Кронгауз, М.А. 1997. Префиксација как аспектологическа проблема. *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*, Том 3: 76-82
- Курилович 1926 = Kuryłowicz, J. 1926. La genèse d' aspect verbaux slaves. *Prace filologiczne*. XIV, 1929: 644-657
- Марков 1970 = Марков, Б. 1970. Глаголскиот вид во рускиот јазик со оглед на македонскиот. *Годишен зборник на Филозофскиот факултет*, кн. 22: 581-622
- Марков 1972 = Марков, Б. 1972. Видот на глаголите со западноевропска основа во рускиот и македонскиот јазик. *Литературен збор*, г. XIX, кн. 1: 3-11
- Марков 1980 = Марков, Б. 1980. Едновидски и двовидски глаголи во современиот македонски јазик. *Годишен зборник на Филолошкиот факултет*, т. 6: 99-122
- Маслов 1963 = Маслов, Ю. С. 1963. *Морфологија глаголног вида в современном болгарском литературном языке*. Москва-Ленинград: АН СССР
- Маслов 1978 = Маслов, Ю. 1978. К основањем сопоставительной аспектологии. *Вопросу сопоставительной аспектологии*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 4-56
- Миглер 1988 = Mugler, A. 1988. *Tempus und Aspekt als Zeitbeziehungen*. München: Fink
- Минова-Ѓуркова 1966 = Минова-Ѓуркова, Л. 1966. Некои карактеристики на глаголите на -(из)ира во македонскиот литературен јазик. *Македонски јазик*. XVII: 117-126
- Минова-Ѓуркова = Минова-Ѓуркова, Л. 1972. Nomina agentis со суфиксот -ач од глаголите на -(из)ира во македонскиот јазик. *Литературен збор*, г. XIX, кн. 1: 35-39
- Минова-Ѓуркова = Минова-Ѓуркова, Л. 1984. Минати дејства изразени со глаголите на -ира. *Литературен збор*, г. XXXI, кн. 3: 105-108
- Немец 1956 = Nemes, I. 1956. Kategorie determinovanosti a indeterminovanosti jako základ slovanské kategorie vidu. *Slavia* XXV/4: 496-534
- Орешник 1994 = Orešnik, J. 1994. *Slovenski glagolski vid in univerzalna slovnica*. Ljubljana: SAZU
- Падучева 1992 = Падучева, Е. В. 1992. *Семантика и прагматика несовершенного вида императива в русском языке*. Москва: Наука
- Пајар 1997 = О категории вида в русском языке. *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*, Том 1: 157-172
- Пановска-Димкова 1996 = Пановска-Димкова, И. 1996. Лимитативна аспектна конфигурација (досегашни сознанија). *Научна дискусија на XXIX семинар за македонски јазик, литература и култура, Охрид, август 1996*: ракопис
- PMJ Речник на македонскиот јазик
- Речник на словенската лингвистичка терминологија - *Словарь славянской лингвистической терминологии*. 1977. Praha: Academia
- Речник на БАН = 1955. *Речник на съвремения български книжовен език*. София: БАН
- Речник на Андрејчин и др. = 1955. *Български тълковен речник*. София

- Саздов, С. 1993. Белешки кон статусот на глаголите на -(из)ира во македонскиот јазик денес. *Литературен збор*, 1-6:41-45
- Симеон 1969 = Simeon, R. 1969. *Enciklopedijski rječnik lingvističkih naziva*. Zagreb: Matica Hrvatska
- Соколов 1978 = Соколов, О. М. 1978. К характеристике способов глагольного действия. *Вопросы сопоставительной аспектологии*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 56-75
- Spasov 1996 = Спасов, Љ. 1966. Резултативна аспектна конфигурација (досегашни сознанија). *Научна дискусија на XXIX семинар за македонски јазик, литература и култура, Охрид, август 1966*: ракопис
- Спасов 1997 = Спасов, Љ. 1997. Дефиниции на видските (аспектните) конфигурации во македонскиот јазик. *Предавања на XXIX меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура*. Скопје: 31-36
- Спасов 1998 = Спасов, Љ. 1998. Резултативна аспектна конфигурација изразена суфиксима -ос-а-с-а у македонском језику и њезини еквиваленти у српском језику. *Меѓународни састанак слависта у Вукове дане, 1997*. Београд: ракопис
- Стефанов 1954 = Стефанов, Ст. 1954. За произхода и употребата на глаголите с наставка -изирам. *Български език*, г. 4, кн. 4
- Teunisen 1986 = Teunissen, M. 1986. Некои карактеристики на двовидските глаголи во македонскиот јазик. *Научна дискусија на Семинарот за македонски јазик, литература и култура*: соопштение
- Томола 1998 = Томола, Х. 1998. Аспектуална значимост резултативной и квазирезултативной семантики. *Семантика и структура на словенскиот вид III*. Скопје: Филолошки факултет „Блаже Конески“, 59 -72
- Тополињска 1977 = Topolińska, Z. 1977. Macedoński aorist od czasowników niedokonanych na tle południowosłowiańskim. [во:] *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*.16: 277 - 285
- Тофоска 1995 = Тофоска, Ст. 1995. За семантиката на има-перфектот во македонскиот јазик во зависност од глаголскиот вид. *Славистички студии*. (во печат)
- Тофоска 1996 = Тофоска, Ст. 1996. За теличното видско значење во македонскиот јазик. *Научна дискусија на XXIX семинар за македонски јазик, литература и култура, Охрид, август 1996*: ракопис
- Шопен 1985 = Shopen, T. (ed.) 1985. *Language typology and syntactic description*. I-III. Cambridge: University Press

Ljudmil SPASOV

OVERVIEW OF THE RECENT STUDIES OF THE RESULTATIVE ASPECTUAL CONFIGURATION

Summary

The author gives an overview of the recent studies of the resultative aspectual configuration in Slavic languages and in Macedonian. He reaches a conclusion that there is no comprehensive study of the resultative aspectual configuration as understood in the theory set by Stanislaw Karolak and implemented in the project Verbal aspect in Macedonian. There are, however, different analyses concerning especially the meaning of the prefixed verb syntagmas, then the suffixed verb syntagmas in the frames of the derivation structural models and their meanings, then in relation to the resultative meanings of the non-prefixed verbal forms in different Slavic languages, that encompass different problems regarding the applied analysis in the above mentioned project.

Key words: verbal aspect, simple aspect, complex aspect, aspectual form, aspect semantics, aspectual configuration, structuralistic conceptions, non-structuralistic conceptions, resultative aspectual configuration, Slavic languages, Macedonian Language, aspect semantics and structure in Macedonian

